

ИНСТИТУТ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

- Е.В. Анисимов*, научный руководитель Института Петра Великого, профессор Высшей школы экономики (СПб филиал), главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН
- В.Е. Багно*, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
- Г.В. Вилинбахов*, заместитель директора Государственного Эрмитажа
- Д.А. Гранин*, председатель Правления Фонда имени Д.С. Лихачева
- Д.Ю. Гузевич*, сотрудник Школы высших социальных исследований, Париж
- Е.Я. Кальницкая*, генеральный директор Государственного музея-заповедника «Петергоф»
- А.В. Кобак*, руководитель Института Петра Великого, директор Фонда имени Д.С. Лихачева
- А.Н. Колякин*, директор Государственного музея истории Санкт-Петербурга
- Н.Л. Корсакова*, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН
- О.Л. Лейкинд*, заместитель директора Фонда имени Д.С. Лихачева
- В.П. Леонов*, директор Библиотеки Российской Академии наук
- М.Б. Пиотровский*, директор Государственного Эрмитажа
- Ю.К. Чистов*, директор Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Институт Петра Великого

Ханс ван Кониингсбрюгге

ИСТОРИЯ ПОТЕРЯННОЙ ДРУЖБЫ

Отношения Голландии
со Швецией и Россией
в 1714–1725 гг.

Перевод с нидерландского языка
Владимира Ронина

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2014

Ханс ван Кониингсбрюгге. История потерянной дружбы. Отношения Голландии со Швецией и Россией в 1714–1725 гг. Перевод с нидерландского языка Владимира Ронина. — Санкт-Петербург. — Издательство «Европейский Дом», 2014. — 256 стр., илл.

ISBN 978-5-8015-0342-4

© Ханс ван Кониингсбрюгге, 2014
© В.К. Ронин, русский перевод, 2014
© Институт культурных программ, 2014
© Фонд имени Д.С. Лихачева, 2014
© Издательство «Европейский Дом», 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
I. Игра со многими игроками:	
Балтика в 1713–1714 годах	13
Пролог	13
Иллюзии и недоразумения	21
Много слов и мало дела	35
Новый король и старый драчун	43
II. Один против всех и все против одного?	49
1716-й: год упущенных возможностей	67
III. Дело барона фон Гёртца	79
Осторожность и умеренность	95
Конец Льва Севера	111
IV. Подпорченные отношения, невыполнимые задачи и шпионаж: Голландия и Россия в 1713–1718 годах	114
Мастер на все руки на русской службе: деятельность Йоханнюса ван ден Бюрга	120
Конфликты интересов и невоздержанность на язык: миссия Якоба де Би	130
V. Иллюзии, недоразумения и разочарования:	
Голландия и Швеция в 1719–1721 годах	145
Один ушел, другой пришел	167
Прейс и Рюмпф: моно, но все же стерео	177

VI. От холодного к чуть теплomu:	
Голландия и Россия в 1719–1721 годах	187
Первый период миссии Виллема де Вилде:	
август 1720–ноябрь 1721 г.	197
VII. Новое начало: русско-голландские отношения	
в 1721–1725 годах	204
VIII. В поиске новых путей:	
Швеция и Голландия в 1721–1725 годах	225
Заключение	238
Библиография	245
Указатель имен	252

ПРЕДИСЛОВИЕ

11 апреля 1713 г. в городе Утрехт голландцы заключили с Францией мир. Война за испанское наследство длилась двенадцать лет, и теперь европейские народы вздохнули с облегчением. Радость от того, что смолкли боевые трубы и «стихает ярость наконец-то», звучит, например, в написанных в те дни по-нидерландски стихах под названием «Песнь о долгожданном мире между Францией и Соединенными Нидерландами»¹. Среди историков принято думать, что после 1713 г. Республика Соединенных Нидерландов — так тогда именовалось современное Королевство Нидерландов — как великая держава сошла на нет. По мнению Олафа ван Нимвегена, упадок политического могущества голландцев наступил немного позднее, только после 1748 г., когда завершилась война за австрийское наследство². Но во всяком случае на Балтике, являвшейся основой экономического процветания Нидерландов, этот упадок заметен уже после Утрехтского мира.

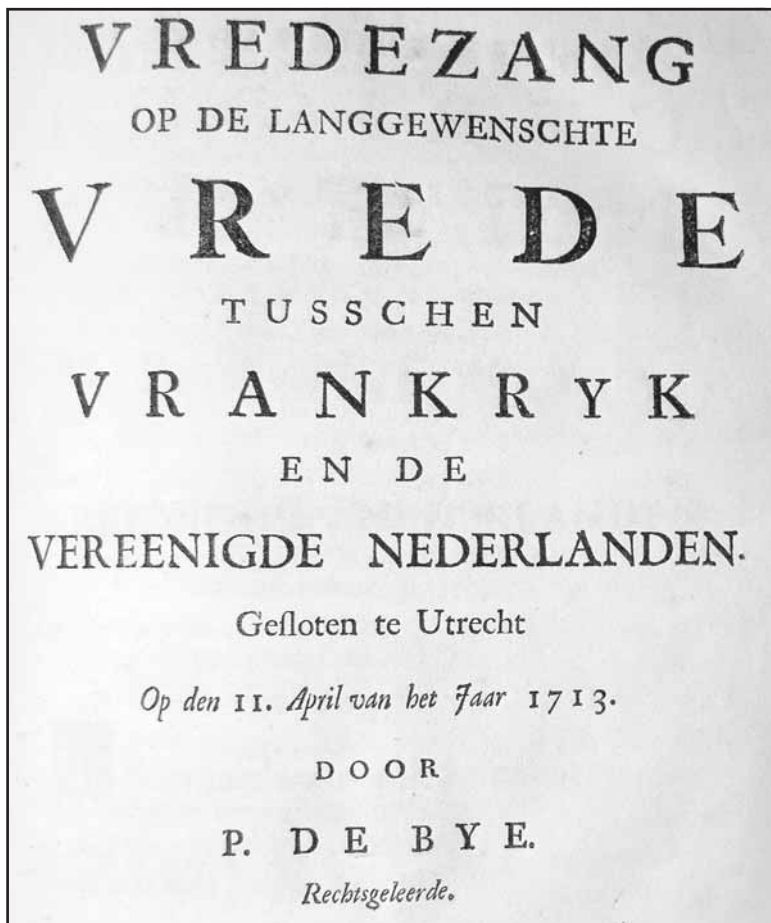
Если в XVII в. вооруженное вмешательство голландцев в балтийском регионе было делом обычным, то в последующем столетии такое происходило лишь в очень ограниченной мере. После Северной войны между Россией и Швецией голландское влияние в обеих странах заметно сократилось, несмотря на то, что и Петр I, и шведский король Фредрик I могли считаться голландофилами. При этом, конечно, важно, что государственные фи-

---

¹ *Bye de P. Vredezing op de langgewenschte Vrede tusschen Vrankryk en de Vereenigde Nederlanden, gesloten te Utrecht op den 11 April van het Jaar 1713.* [S.l., 1713.] A2.

² *Nimwegen van O. De Republiek der Verenigde Nederlanden als grote mogendheid. Buitenlandse politiek en oorlogvoering in de eerste helft van de achttiende eeuw en in het bijzonder tijdens de Oostenrijkse Successieoorlog 1740–1748.* Amsterdam, 2002.

нансы Республики с 1713 г. находились в положении далеко не блестящем. Многолетний вооруженный конфликт с Францией и Испанией оказался маленькой стране явно не по силам. Однако дело было и в другом. Дальнейшие отношения голландцев с

«Песнь о долгожданном мире между Францией и Соединенными Нидерландами» Питера де Би.
Частная коллекция Ханса ван Конингсбрюгге.
Фото: Николас Крафт ван Эрмел

Россией и Швецией, помимо разногласий фундаментальных, представляли собой прежде всего панораму недоразумений, иллюзий и обоюдного недовольства. Так что ослабление международных позиций Республики было следствием не только ее уменьшившейся финансовой и военной мощи, но и ухудшения, в частности, личных отношений между руководителями держав и взаимного непонимания, носившего структурный характер. Подробному анализу этого процесса и посвящено предлагаемое исследование.

Боевым действиям в Западной Европе Утрехтский договор 1713 г. положил конец, однако в Северной и Восточной Европе война продолжалась. В отношении России и Швеции голландцы занимали позицию несколько двусмысленную. Официальной политикой Гааги был нейтралитет, на практике же все выглядело иначе. После своего поражения под Полтавой (1709) Швеция ввела блокаду захваченных русскими балтийских портов. Это привело к тому, что уже любому голландскому кораблю, куда бы он ни направлялся, грозила опасность. Впрочем, еще и до 1710 г. в Республике к шведскому королю Карлу XII заметно охладели. Многоопытный Антони Хейнсиус, занимавший должность великого пенсионария провинции Голландия, важнейшей из семи провинций страны, и фактически руководивший в начале XVIII в. всей Республикой, долго рассчитывал на то, что шведские войска помогут ей против Франции и Испании, но это оказалось иллюзией. В Стокгольме, наоборот, рассчитывали на помощь со стороны голландцев и, не дождавшись, стали относиться к ним куда прохладнее. Шведы начали вести себя весьма агрессивно, голландцы же проводили политику хотя и более тонкую, но не менее ядовитую.

Посол Республики в Стамбуле граф Якобюс Кольер в 1709–1714 гг. делал все, чтобы сохранить и укрепить мир между Турцией и Россией. Этим он прямо срывал планы Карла XII, который полагал, что выживание Швеции требует как раз разжигания вражды между царем и султаном. Между тем многие сотни голландских офицеров, опытных мастеров и иных специалистов поступали один за другим на русскую службу. Из Амстердама шел в Россию поток вооружений. Шведские представители в Гааге, естественно, протестовали, однако Хейнсиус и его окружение вмешиваться не собирались. Они ссылались на автономию городских властей, с которыми центральная власть, Генеральные штаты, ничего поделать не могла. Но даже о каких-

либо попытках повлиять на амстердамцев не было и речи, так что, по-видимому, господ в Гааге на самом деле все устраивало. Просто Карл XII уж слишком досадил голландцам. Об этом свидетельствовал арест его агента барона фон Гёртца (1717). Власти провинции Гелдерланд (одной из семи провинций Республики) без колебаний взяли идейного вдохновителя всей внешней и финансовой политики Швеции под стражу, что было настоящей пощечиной шведскому королю.

С 1719 г., после смерти фон Гёртца, Стокгольм и Гаага пытались вернуться к добрым отношениям, но бурное прошлое не давало этого сделать. Шведы ждали, в первую очередь, поддержки против наседавших русских и лишь потом готовы были говорить о возмещении ущерба, который понесли голландские корабли и товары. А с точки зрения депутатов Генеральных штатов, порядок действий должен был быть обратным. Преодолеть это фундаментальное противоречие не удавалось, и даже личная симпатия нового шведского короля Фредрика I к голландцам ничего не могла здесь изменить. На смену былой дружбе пришли холодность и отстраненность.

Но и между Голландией и Россией царила отнюдь не идиллия. Их отношения становились, напротив, чем дальше, тем хуже. Это было связано со многими факторами. Дружбу омрачало, например, то, что в захваченных русскими шведских портах на Балтике с голландскими моряками царские солдаты обращались плохо, а их корабли грабили. Ответственность за бесчинства лежала на генерал-губернаторе завоеванных провинций, насквозь коррумпированном любимце царя А.Д. Меншикове, а это в глазах голландцев бросало тень и на самого Петра. Возместить ущерб за пять торговых судов Республики, сожженных русским флотом у Гельсингфорса (ныне Хельсинки), Россия также не спешила. Желание царя предоставить порту в Санкт-Петербурге, его «парадизе», привилегии за счет Архангельска голландских купцов совершенно не радовало, ведь в Архангельске они занимали положение господствующее, а как будет в новой столице, никто не знал. Не способствовали дружбе и всевозможные нарушения русским монархом международного права. Так, в Гааге не вызывал, мягко говоря, понимания тот факт, что Петр не давал некоторым влиятельным голландским купцам вернуться на родину, заявляя им: вы, мол, уже так долго ведете дела в России, что стали, собственно говоря, ее подданными. Без восторга отнеслись в Республике также к похищению в го-

роде Гронинген одного офицера, который, как предполагал Петр Алексеевич, умел поджигать воду, т.е. знал тайну того «греческого огня», с помощью которого византийцы в свое время сжигали дотла деревянные суда противника.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в Гааге, да и в Амстердаме второй приезд российского государя в Республику, в 1716—1717 гг., восприняли без особого воодушевления. Гревели приветственные залпы городских пушек, устраивались празднества и увеселения, однако при всем том местные власти мечтали поскорее избавиться от высокого гостя. Царь ожидал, что голландцы официально признают территориальные приобретения России на Балтике и это откроет путь для заключения выгодного его партнерам торгового договора. Политические уступки — в обмен на экономические преимущества. В Гааге смотрели на дело иначе. Там вовсе не собирались портить отношения со Швецией до такой степени. Русским дипломатам стало ясно: от голландцев ждать в большой политической игре уже нечего. Высшее проявление недовольства царского правительства — арест в Петербурге в 1718 г. голландского резидента Якоба де Би и его высылка из страны. Было очевидно, что в России эмоции взяли верх над осмотрительностью и расчетом. Впрочем, не менее эмоционально отреагировали и в Гааге: после возвращения де Би на родину его направили дипломатом к заклятому врагу России — к шведскому двору.

Через некоторое время здравый смысл возобладал, хотя и тут Генеральные штаты особой широты натуры не проявили. В Петербург командировали нового дипломата, но столь же низкого ранга — резидента. Почти оскорбительным это стало выглядеть после того, как в 1721 г. Петр принял императорский титул, а представителя своего, Виллема де Вилде, голландцы оставили в прежнем ранге резидента. И это при том, что в других имперских столицах, Вене и Стамбуле, Генеральные штаты держали дипломата в ранге полномочного посла, да и в Стокгольме Республику раньше представлял посол. Императору же всероссийскому предстояло довольствоваться резидентом. Да и сам новый титул Петра не вызвал в Гааге энтузиазма, хотя фактически был голландцами признан уже давно. Одним словом, от многолетней дружбы России и Нидерландов уже мало что оставалось.

Рассмотренными выше сюжетами историки до сих пор практически не занимались. Некоторые авторы в Нидерландах и за их пределами, конечно, интересовались голландской политикой

на Балтике в описываемый период, однако их работы или слишком фрагментарны, или же — из-за недостаточного привлечения русских и шведских источников — слишком односторонни. Предлагаемая монография — первая, в которой отношения внутри треугольника Голландия—Швеция—Россия исследуются во всей их сложности.

Основной материал источников для этой книги почерпнут в Национальном архиве в Гааге, стокгольмском Государственном архиве Швеции и Российском Государственном архиве древних актов (РГАДА) в Москве. В этом последнем архиве мне не удалось бы добиться успеха без любезной помощи историка Т.Б. Соловьевой. По крайней мере в одном отношении шведский и российский архивы оказались удивительно схожи: необходимых для этого исследования материалов в них во много раз больше, чем в Национальном архиве в Гааге. Почти все даты в книге приведены по григорианскому календарю, который в XVIII в. опережал принятый тогда в России юлианский («старый стиль») на 11 дней. В тех случаях, когда даты приводятся по юлианскому календарю, это особо оговаривается.

При создании предлагаемой читателю монографии автор получил существенную поддержку от некоторых своих коллег. Томас Линдблад, некогда мой научный руководитель в Лейденском университете, согласился внимательно прочитать рукопись и высказать свои критические замечания. Такую же помощь мне оказал Эммануэль Вагеманс (Лёвенский университет, Бельгия), который к тому же дал мне возможность заранее ознакомиться с рукописью его книги о втором визите Петра I в Голландию. Критические поправки, предложенные Йонне Харсмой, Николасом Крафт ван Эрмелом и Марселем Стутеном, уберегли меня от ряда неточностей.

Написать такую книгу было бы невозможно без постоянной поддержки со стороны близких. Я глубоко благодарен обоим своим сыновьям и особенно своей жене Аннетт. Ей всегда удавалось создать в доме климат, позволявший сочетать семейную жизнь с научной и преподавательской работой.

Нельзя также не выразить признательность историку Владимиру Ронину (Антверпенское отделение Лёвенского университета), который взял на себя перевод этой книги, включая многочисленные цитаты из текстов XVIII в. на нидерландском и французском языках той эпохи.

I.

ИГРА СО МНОГИМИ ИГРОКАМИ: БАЛТИКА в 1713–1714 годах

ПРОЛОГ

Нельзя было без удивления смотреть в 1713 г. на то, как развиваются события в Северной и Восточной Европе начала XVIII в. Поистине капризы судьбы! В первый период Северной войны, начавшейся в 1700-м, у господствовавшей на Балтийском море Швеции не было, казалось, никаких шансов устоять против коалиции, в которую входили Россия, Дания, а также Саксония и Польша, объединенные тогда личной унией (курфюрст Саксонский занимал одновременно польский престол). Однако шведский король Карл XII оказался противником столь грозным, что уже в том же 1700 г. Дании, а шесть лет спустя Саксонии и Польше пришлось сложить оружие. Борьбу со Швецией продолжил один лишь русский царь.

Правящим кругам Республики Соединенных Нидерландов, а конкретнее — ее руководителю, великому пенсионарию Антони Хейнсиюсу, выбрать линию поведения в этом конфликте было совсем не просто. Незадолго до Северной войны Голландия и Англия заключили со Швецией оборонительный союз, так что их военные корабли помогли Карлу XII поставить на колени Данию и вынудить ее выйти из антишведской коалиции. Но когда 1 ноября 1700 г. умер последний испанский король из династии Габсбургов, морские державы Голландия и Англия сосредоточили свои усилия на планах раздела испанского наследства, которое, кроме Испании, включало в себя Южные Нидерланды (будущие Бельгия и Люксембург), владения в Италии и в Новом Свете. Покойный король Испании определил своим преемником французского принца Филиппа де Бурбона, внука Людовика XIV, и это настолько противоречило голландским и английским интересам, что в 1701-м разразилась война

Антони Хейнсийус.
Частная коллекция Ханса ван Конингсбрюгге.
Фото: Николас Крафт ван Эрмел

за испанское наследство. И именно она, а не проблемы Балтики стояла отныне в центре внимания голландской дипломатии. Впрочем, оба конфликта были для Хейнсиуса взаимосвязаны. Он предполагал, поддерживая дружбу со Швецией, использовать в подходящий момент ее войска, имевшие блестящую репутацию, против Франции и Испании. Королевский двор в Стокгольме питал подобные же надежды, но только в обратном смысле, рассчитывая на то, что голландцы и англичане помогут шведам в борьбе с Россией.

Все вращалось вокруг вопроса о том, каким образом Голландия, Англия и Швеция могут оказать друг другу поддержку при возрастании в Европе политической и военной напряженности и все более частых конфликтах. Проблема оказалась неразрешимой. Карл XII считал, что сначала надо завершить войну на Севере, причем ожидал от потенциальных союзников твердых политических и финансовых гарантий. Так, Швеция должна была получить полную свободу действий в Польше, а шведской военной машине требовалась, так сказать, смазка в виде голландских и британских субсидий. В Гааге же великий пенсионарий Хейнсиус трагически заблуждался, целиком сосредоточившись на войне за испанское наследство, а также поверив слухам о симпатиях Карла XII к Франции и о его стремлении к миру.

Оба слуха были фактически ни на чем не основаны, однако мысль о возможном союзе шведского короля с Людовиком XIV нервировала руководителя Республики больше всего. Несомненно, играли свою роль и воспоминания о вторжении французов в Голландию в 1672 г., когда Швеция тоже встала на сторону Франции. Если бы Хейнсиус понимал, что поддерживать Францию в войне за испанское наследство шведы никогда всерьез не собирались, он подошел бы к отношениям со Стокгольмом куда более спокойно и взвешенно. Что же касается предполагаемого миролюбия Карла XII, то донесения голландских дипломатов ясно показывали, что для правительства в Стокгольме возвращение к ситуации довоенной неприемлемо. Шведский король хотел превратить Польшу в вассала, а в Москве посадить на престол своего сторонника. Год 1700-й, когда шведские владения подверглись неожиданному нападению, не должен был повториться никогда. Баланс сил во всей Северной и Восточной Европе нужно было изменить раз и навсегда в пользу Швеции, а от голландцев и англичан ожидалось, что они будут этому способствовать, и желательно — без всяких оговорок. Таковы были

цели шведской дипломатии, но то, что Карл XII и не думал предлагать своим союзникам взамен ничего существенного, делало его расчеты далекими от реализма.

Уже в августе 1703 г., когда и Швеция, и Голландия потеряли надежду получить друг от друга помощь, отношения между двумя государствами быстро охладели. Растущее вооруженное вмешательство шведов в Польше вызывало в Гааге, как и в Лондоне, все больше недоверия. Ни голландцы, ни англичане не считали одностороннее изменение баланса сил в Восточной Европе в пользу Швеции желательным. Но и предпринять что-либо против этого обе морские державы не могли, так как руки их были связаны противоборством с Францией и Испанией. Впрочем, военные круги в Стокгольме не исключали того, что Голландия и Англия вмешаются, возможно, в союзе с Пруссией и Данией, дабы заставить шведские полки уйти из Польши. Однако, несмотря на все красноречие голландских и английских дипломатов и их угрозы, проводить в Польше политику более сдержанную шведы не собирались.

Когда стало ясно, что Карл XII в войне за испанское наследство не намерен играть никакой роли, ключевой фигурой оказался саксонский курфюрст Август II, он же король польский. В отличие от своего шведского противника он-то как раз предоставил свои войска в распоряжение антифранцузской коалиции. Поэтому цели Карла XII в Польше, а именно свергнуть Августа и заменить его на польском троне ставленником Швеции, отнюдь не соответствовали голландским и британским интересам. Личная уния между Саксонией и Польшей обеспечивала Гааге и Лондону мощную поддержку в Центральной и Восточной Европе, и посягать на эту связь никому не было позволено. Наконец, чем активнее шведы вели себя в Польше, тем меньше Дания и Пруссия, тоже участники антифранцузской коалиции, были склонны посылать своих солдат воевать на западе Европы. Так что и в этом отношении шведская политика в Польше противоречила интересам Голландии и Англии.

Помимо чисто шведского контекста, важное место занимала и другая проблема. В политических кругах Республики были заметные разногласия по поводу России. Если в Гааге Генеральные штаты, во всяком случае до 1707 г., не хотели чем-либо задевать Швецию, то Амстердам тайно поддерживал ее противника. Бургомистры Николас Витсен, Йоханнес Хюдде, а позднее Геррит Корвер очень явно стояли на стороне русского

Август II Саксонский и Польский.
Портрет работы Генрика Родаковского

царя. В нарушение буквы и духа оборонительного союза Голландии со Швецией многие тысячи мушкетов, мортир и иного вооружения были отправлены контрабандой из амстердамского порта в Россию. Вице-адмирал царского флота Корнелий Крюйс (правильнее — Корнелис Крёйс), бывший экипажмейстер амстердамского Адмиралтейства, мог совершенно беспрепятственно нанимать голландских офицеров и матросов для русских военных судов. Официальной Гааге и лично Хейнсиусу это путало все карты, но утвердившаяся в Республике широкая автономия городов позволяла Амстердаму делать фактически все, что ему угодно.

В 1706 г. расхождения между Гаагой и Амстердамом проявились уже открыто. В тот год вторжение шведов в Саксонию вынудило Августа II заключить со Швецией мир и отказаться от польской короны. Карл XII утвердил на престоле в Варшаве Станислава Лещинского, но было крайне важно, чтобы нового польского короля признали Гаага и Лондон, согласившись тем самым с выгодной Стокгольму расстановкой сил в Восточной Европе. Городские власти Амстердама делали все возможное, чтобы торпедировать признание Республикой нового польского короля, и это ставило Хейнсиуса в трудное положение. Шведский посол в Гааге барон Нильс Лиллиерот требовал твердого «да», в то время как его русский коллега А.А. Матвеев — столь же твердого «нет». Сам Хейнсиус склонялся к признанию короля Станислава, и такова же была позиция англичан, но депутаты провинциальных штатов Голландии, важнейшей из провинций, блокировали это предложение. Аргумент был найден блестящий: неизвестно, мол, достаточно ли у нового короля поддержки в самой Польше.

Подобный же самостоятельный курс проводили власти провинции Голландия и в 1707-м. Карл XII не спешил выводить свои войска из Саксонии, оказывая тем самым давление на императора Священной Римской империи в Вене, дабы в принадлежащей Габсбургам Силезии было предоставлено больше прав единоверцам шведов — лютеранам. Главнокомандующий силами антифранцузской коалиции герцог Мальборо поспешил в апреле в ставку Карла XII и от имени британского правительства сделал ему большие уступки. В обмен на уход шведов из Саксонии Лондон признал их ставленника королем Польши, согласившись, таким образом, и с возросшим влиянием Стокгольма в Восточной Европе. Добиваясь невмешательства шведского мо-

нарха в войну за испанское наследство, англичане пошли на ухудшение своих отношений с Москвой, отчасти и потому, что торговые круги в Лондоне опасались русского медведя гораздо больше, чем шведского льва, с которым по крайней мере были уже хорошо знакомы. Напротив, голландцы, в особенности в одноименной провинции, не желали отталкивать от себя царя Петра, а потому и слышать не хотели ни о каких уступках шведам. Герцог Мальборо еще не успел покинуть шведскую ставку, как ему сообщили о позиции его голландских союзников, продиктованной прежде всего коммерческими интересами Амстердама.

Поражение Карла XII под Полтавой полностью изменило политическую и военную картину в регионе. Оно означало не только потерю шведами Польши, но и возрождение антишведской коалиции 1700 г., к которой присоединилась также Пруссия. С 1710 г. Стокгольм терял на восточном берегу Балтийского моря одну провинцию за другой, сохранив лишь собственно Швецию и часть Финляндии. Официальная политика нейтралитета, проводимая Республикой Соединенных Нидерландов, осталась прежней, но на практике многое изменилось. Отныне Гаага и Амстердам были едины. Генеральные штаты позволяли своему послу в Стамбуле посредничать между Османской империей и Россией, ведя их к сближению. А это прямо противоречило шведским интересам, ведь бежавший из-под Полтавы в турецкие владения, в Бендеры, Карл XII изо всех сил старался разжечь между султаном и царем войну. То было фактически последнее средство для того, чтобы остановить российскую экспансию на Балтике. Для голландцев же, как и для англичан, наименее рискованной была ситуация, при которой война на востоке Европы по-прежнему ограничивалась бы противоборством между Швецией и Россией с ее союзниками по коалиции.

Коммерческим интересам Голландии и Великобритании стратегия Карла XII сулила мало хорошего. Находясь в Бендерах, Карл к тому же постоянно добивался от своего правительства в Стокгольме, чтобы оно на деле осуществляло провозглашенный в 1710 г. запрет на торговлю в захваченных русскими портовых городах. Строгое следование шведов такому курсу могло бы приводить к задержанию их военными моряками или каперами любых голландских торговых судов на Балтике. Так шведский король утратил в глазах голландцев остатки своей популярности, и в Гааге надеялись, что он так и будет сидеть в турецкой клетке.

Его возвращение в Стокгольм ослабило бы правившие там в его отсутствие умеренные круги, не спешившие исполнять введенные королем меры¹.

В то время как отношения между Голландией и Швецией достигли к 1713 г. едва ли не точки замерзания, между Гаагой и Москвой атмосфера оставалась превосходной. Амстердамские купцы без устали снабжали русского царя оружием, и хотя такие действия противоречили, естественно, официальной голландской политике невмешательства, правители в Гааге предпочитали закрывать на это глаза, тем более что структура государства все равно не позволяла центральным властям эффективно воздействовать на амстердамцев². Раздавались, правда, среди голландских купцов жалобы на установленные Петром новые торговые пошлины и иные обременения, но это было делом обычным. Архангельский порт, где господствовали голландцы, процветал, и местные ярмарки походили там на городские рынки в Нидерландах.

При такой идиллии было вполне логичным, что российская сторона иногда, как говорят голландцы, «отпускала корюшку, чтобы поймать треску». В феврале 1712 г. канцлер граф Г.И. Головкин предложил гаагским политикам значительное снижение пошлин в захваченных у шведов прибалтийских портах и в Петербурге — в обмен на признание Генеральными штатами власти царя над принадлежавшими некогда русским частями Ингрии (она же Ингерманландия, она же Ижорская земля) и Карелии. Но заходить так далеко Республика не хотела, опасаясь враждебной реакции Швеции. Кроме того, при британском дворе экспансия России на Балтике вызывала только страх, а для Гааги сотрудничество с Лондоном было в те годы превыше всего. Так что более тесные связи с Россией, которые можно было бы истолковать как открытое нарушение нейтралитета, были сочтены нежелательными. Русские же, в свою очередь, поняли, что ожидать от Республики политических уступок не приходится, — и это не останется без последствий...

---

¹ *Koningsbrugge van J.S.A.M. Tussen Rijswijk en Utrecht. De diplomatieke betrekkingen tussen Zweden en de Verenigde Nederlanden 1697–1713.* Groningen, 1996, passim.

² О поставках оружия в Россию см.: *Koningsbrugge van J.S.A.M. Tussen Rijswijk en Utrecht.* P. 257.

ИЛЛЮЗИИ И НЕДОРАЗУМЕНИЯ

С подписанием Утрехтского мира 1713 г. закончились и война за испанское наследство, и попытки голландцев не дать конфликтам в Западной и Восточной Европе слиться воедино. Попытки эти увенчались успехом, сам же мирный договор явился всего лишь регистрацией того, что состряпали совместно представители Франции и Великобритании. Республике же договор мало что принес, если не считать некоторого расширения ее права держать свои гарнизоны в отдельных крепостях Южных Нидерландов (будущие Бельгия и Люксембург), но и об этом надо было еще вести переговоры с императором Священной Римской империи, под власть которого перешли теперь эти бывшие испанские владения. После того как голландцы столько лет напрягали все свои силы в этой большой европейской войне, награда оказалась более чем скромной. Господам «Высокомочным» (так обращались к Генеральным штатам) оставалось лишь утереть слезы и начать заново определять место страны в силовом поле международной политики, соизмеряя свои цели и средства.

В отношении голландцев к делам балтийским пока не заметно было изменений. Вслед за Амстердамом Гаага склонялась к тайной поддержке русского царя. По указанию Генеральных штатов их посол в Стамбуле граф Якобюс Кольер и дальше прилагал все усилия к сближению Османской империи и России³. Возможностей для этого стало еще больше, когда в феврале 1713-го в Бендерах Карл XII был схвачен янычарами, а потом посажен под арест неподалеку от Эдирне (Адрианополь). Стало ясно, что султанский двор устал от поджигательских интриг непрошеного гостя. Личное мужество Карла в бою с янычарами произвело на современников неизгладимое впечатление и во многом способствовало формированию героического мифа о короле-воине. Но этот образ не мог заслонить того факта, что Карл потерпел в Турции полную политическую неудачу.

Арест шведского монарха поставил Высокую Порту в положение не совсем обычное⁴. Османская империя формально на-

---

³ Ibid. P. 187–194.

⁴ О деятельности Карла XII в Турции см.: *Tengberg E. Från Poltava till Bender.* Stockholm, 1953.

ходила в состоянии войны с Россией, и вместе с тем достигли низшей точки ее отношения со Швецией. Султан предпочел пойти на мир с царем, тем более что в военную мощь скандинавской державы уже мало кто в Стамбуле верил. Для примирения с царем следовало решить две проблемы: заставить Карла XII как можно скорее покинуть Турцию и снять другие противоречия между нею и Россией. Уже в начале марта посол Генеральных штатов в Стамбуле направил своего драгомана (дипломата-переводчика) и секретаря Виллема Тейлса в Эдирне, где в то время пребывал султанский двор, готовясь к очередному походу. Сделано это было по просьбе русских: вице-канцлер П.П. Шафиров, который вот уже полтора года сидел в качестве заложника в тюрьме в Стамбуле, переправил Тейлсу тайное послание⁵. Секретарю голландского посольства удалось не только обсудить кое-что с турецкими сановниками, но и собрать ценную информацию о Карле XII и его окружении, которых держали неподалеку от Эдирне⁶.

Последствия не заставили себя ждать. В апреле посол Кольер сообщил великому пенсионарию Хейнсиюсу, что томившиеся в стамбульской темнице дипломаты Шафиров и граф М.Б. Шереметев, а с ними еще два десятка человек освобождены. Правда, около 200 россиян оставались и дальше заложниками. В том же послании мы читаем, что из органов власти Османской империи устранены все те, кто в прошлом поддерживал Швецию и выступал за войну с Россией. Низложен был даже крымский хан, питавший открытую вражду к северному соседу. Сосланный на остров Родос⁷, хан, можно сказать, дешево отделался, ведь в то время мало кого из тех, кем султан бывал недоволен, оставляли в живых.

Начавшиеся весной 1713 г. русско-турецкие переговоры проходили, однако, в атмосфере давления и запугивания со стороны турок. Шафирову и Шереметеву приходилось тяжело. Им то и дело угрожали, намекая на возможное возвращение в тюрьму; за каждым их шагом следили сотни янычаров⁸. Но русским по-

---

⁵ *Theyls W. Mémoires pour servir à l'histoire de Charles XII, Roi de Suède.* Leyde, 1722. P. 67.

⁶ Nationaal Archief 's-Gravenhage (NA). Archief Anthonie Heinsius (AAH) 1772. Jacobus Colyer aan Anthonie Heinsius 31.03.1713.

⁷ NA. AAH 1772. Colyer aan Heinsius, 08.04.1713.

⁸ *Theyls W. Mémoires pour servir à l'histoire de Charles XII.* P. 97–102.

везло. В мае пришло известие о восстании против турок, вспыхнувшим в Месопотамии. В этих условиях переговоры с царскими дипломатами надо было как можно быстрее завершить⁹. В первых числах июня мирный договор был заключен. Он мало чем отличался от предыдущего, подписанного Шафировым после Прутского похода Петра I в 1711 г. Как и тогда, России предписывалось вывести свои войска со всей территории Польши. Отведенный на это срок — два месяца — голландский посол счел слишком коротким, предвидя, как он написал Хейнсиусу, новые осложнения¹⁰. Впрочем, этот пункт договора Россия, как и в 1711 г., выполнять отнюдь не станет. Шафиров и Шереметев пообещали, что шведский король беспрепятственно сможет выехать на родину. И все же отъезд Карла XII из Турции состоялся лишь в сентябре 1714-го¹¹.

Как уже говорилось, весной 1713 г. официальной Гааге предстояло обдумать свой новый курс в балтийских делах. По началу, правда, голландским властям хотелось просто насладиться покоем после долгих лет войны с Францией и Испанией. Понятно, что перед аккредитованным при Генеральных штатах шведским посланником бароном Юханом Пальмквистом задача стояла иная. Он должен был побудить Республику вмешаться в Северную войну на стороне Швеции. Вот только карты у Стокгольма были плохие. Король — в далекой Турции, а значительная часть шведских владений — в руках противника. Положение Швеции было безнадежным, так что в Гааге призывы Пальмквиста о помощи выслушивали вежливо, но ответа не давали — традиционная голландская манера говорить «нет»¹². Отвечать молчанием было тем легче, что пожелания шведского посланника были совершенно невыполнимыми. Так, он требовал от голландцев прямой военной поддержки в соответствии с оборонительным договором 1700 г., дабы восстановить Швецию в ее довоенных границах. Эта идея и сама по себе не отличалась реализмом, а вдобавок Пальмквист настаивал на том, чтобы голландцы поддержали притязания Швеции на возмещение ей ущер-

---

⁹ *Hatton R. Charles XII of Sweden. London; Southampton, 1968. P. 367.*

¹⁰ NA. AAN 1772. Colyer aan Heinsius, 17.07.1713.

¹¹ *Koningsbrugge van J.S.A.M. Tussen Rijswijk en Utrecht. P. 191–193.*

¹² *Riksarkiv Stockholm. Diplomata Hollandica (RSDH) 241. Johan Palmqvist till Rådet i Carl XII, april–juni 1713.*

Карл XII.
*Портрет работы неизвестного художника.
Национальный музей, Стокгольм*

ба ее врагами, ведь Карл XII исходил из того, что войну против него развязали несправедливо¹³.

Между тем с другой стороны Северного моря британское правительство признало ситуацию в Северной Европе настолько драматичной, что объявило о намерении совместно с Генеральными штатами восстановить мир и спокойствие на Балтике¹⁴. Соответствующие инструкции были отправлены послу Великобритании в Республике графу Томасу Венворту Страффорду. Но так как он в то время в Утрехте выработывал вместе с голландскими дипломатами общую стратегию обеих держав по защите их коммерческих интересов в Южных Нидерландах (эти земли перешли отныне под власть Австрии)¹⁵, то дальнейшее обсуждение балтийских дел состоялось в Гааге лишь в начале августа 1713 г.

Шведского посланника Пальмквиста Страффорд выслушивал весьма благожелательно, однако и он сразу дал понять собеседнику, что требования вернуть Швеции все утраченные территории, не говоря уже о возмещении ей ущерба, невыполнимы¹⁶. Одновременно Страффорд обозначил пределы выданного ему мандата: Лондон готов был поспешить на помощь Стокгольму, но только вместе с Гаагой. Таким образом британское правительство могло бы при необходимости прикрыться царящим в Генеральных штатах нежеланием поддерживать шведов.

Правда, Страффорд сделал все возможное, чтобы переубедить голландцев. Для этого он выбрал оригинальный подход. Не призывая к прямой военной помощи Швеции, граф в своем меморандуме от 7 августа настаивал на оказании вооруженной поддержки герцогству Гольштейн-Готторп, осаждаемому датскими войсками в союзе с Саксонией и Россией. Из этого герцогства происходила правившая в тот период шведская королевская семья, начиная с Карла X (1654–1660). В мае 1713 г. оказавшиеся на территории герцогства шведские части капитулировали, после чего датчане приступили фактически к оккупации маленького государства, которое в Северной войне официально сохраняло нейтралитет. Страффорд оценил эти действия

---

¹³ RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 08.08.1713, 11.08.1713.

¹⁴ De briefwisseling van Anthonie Heinsius. Deel XV. 's-Gravenhage, 1996, Philips Jacob van Borssele van der Hooghe aan Heinsius, 23.06.1713.

¹⁵ RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 28.07.1713.

¹⁶ Ibid. 08.08.1713, 11.08.1713.

как агрессию и напомнил, что в силу гарантий, предоставленных герцогству также Голландией и Великобританией, оно имеет право на защиту. Далее британский посланник в Гааге обвинил датчан в захвате нейтральных судов на реке Эйдер¹⁷. Одним словом, он всячески старался вовлечь голландцев в Северную войну, хотя бы и обходным путем — через Гольштейн-Готторп.

В Гааге это заметили. Депутаты Генеральных штатов, уполномоченные заниматься иностранными делами, хотя и мягко, в самых обтекаемых выражениях, но все же указали на то, что герцогство Гольштейн-Готторп трудно назвать нейтральным. Там добровольно передали одну из местных крепостей в распоряжение шведов, и это не могло произойти без разрешения самого герцога. Следовательно, о нарушении нейтралитета речь не идет, и для вооруженного вмешательства Республики нет оснований. Впрочем, «Высокомочные», т.е. Генеральные штаты, изъявили готовность, в согласии с Ее Величеством королевы Великобритании, приложить «дружеские усилия», дабы завершить конфликт на Севере миром¹⁸. Это означало, что голландцы готовы разговаривать, но не воевать.

Нетрудно догадаться, что донесения Пальмквиста в Стокгольм большим оптимизмом не отличались. У Генеральных штатов не было ни денег, ни желания пускаться в новые авантюры, тем более что после Утрехтского мира с Францией Республика формально еще находилась в состоянии войны с Испанией. Так что причин предоставить Швецию, выбивающуюся из сил, ее собственной участи было предостаточно. К тому же голландцы опасались, как бы их, едва они сунутся в это балтийское осиное гнездо, не подвели их же британские союзники. Тому были свежие примеры: скажем, в 1711 г., когда британское правительство за спиной Генеральных штатов искало контактов с французами и к тому моменту, как к переговорам допустили голландцев, основные вопросы оказались уже урегулированы. Подобного же сценария в Северной войне необходимо было во что бы то ни стало избежать.

Позицию Республики в балтийских делах шведский посланник изложил в своих донесениях в Стокгольм от 15 и 19 сентября

---

¹⁷ Ibid. 17.08.1713, приложение. См. также письмо князя Б.И. Куракина графу Г.И. Головкину, 07(18).08.1713 (Архив князя Ф.А. Куракина. Т. IX. Саратов, 1901. С. 71–73).

¹⁸ NA. Archief Staten-Generaal (ASG). Resolutiën Staten-Generaal, 17.08.1713.

1713 г. коротко и ясно: на дружественную дипломатическую активность совместно с Великобританией «Высокомочные» согласны, но ни на что большее соблазнить себя не дают¹⁹. Кстати, и граф Страффорд не раз внушал Пальмквисту, что шведы проявляют слишком мало гибкости, настаивая на вооруженном вмешательстве Гааги и Лондона и не давая шансов британскому посредничеству. У англичан это вызывало растущее непонимание. Так, граф напомнил своему шведскому коллеге о дипломатических усилиях правительства Ее Величества, которое предложило перемирие, дабы сохранить за шведами город Штеттин (ныне польский Щецин), осаждаемый в то время крупными силами русских.

Но шведские дипломаты даже и не могли или не осмеливались принимать никаких решений без прямого одобрения своего монарха. А пока Карл XII оставался на далекой чужбине, возможностей действовать конструктивно у Швеции почти не было²⁰. Вот почему Страффорд не без оснований заметил в разговоре с Пальмквистом, что полезнее всего для Швеции будет возвращение короля или передача им далеко идущих полномочий одному из регентов в Стокгольме²¹. Здесь британский посланник коснулся больной точки. Именно в это время, когда все зависело от способности шведов к решительным действиям, государственный аппарат был парализован отсутствием монарха. И поскольку передавать оставшимся в Стокгольме правителям всю полноту власти Карл не желал, принимать решения оказалось невозможно. Пока распоряжения короля преодолевали рас-

---

¹⁹ RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 15.09.1713, 19.09.1713.

²⁰ *Hatton R.* Charles XII of Sweden. P. 366–380. Карл же тем временем выдумывал все новые планы союзов, например с Пруссией, которая, по замыслу шведского короля, пришла бы ему на помощь с войском в 30 тысяч человек и соединилась со шведской армией такой же численности. Вместе они принудили бы к миру Данию и освободили бы оккупированные шведские владения в Германии. Далее состоялось бы вторжение в Польшу и восстановление там на престоле ставленника шведов Станислава Лещинского, после чего — поход на Москву. В награду Пруссия получила бы польское епископство Эрmland (ныне Вармия), а Польша — Смоленск. Этот план был настолько далек от реальности, что граф Мориц Веллингк, разъезжавший тогда по Центральной Европе в качестве шведского посланника, даже не решился передать предложения своего монарха прусскому двору. См. об этом: *Carlson F.F.* Om Fredsunderhandlingarne, Åren 1709–1718: ett Bidrag till Carl XII:s Historia. Stockholm, 1857. S. 46–51.

²¹ RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 29.09.1713.

стояние между Швецией и Турцией, ситуация — политическая и военная — успевала измениться. О том, чтобы играть на опережение, не могло быть речи, но даже в своих реакциях на уже произошедшее шведы безнадежно запаздывали.

Несмотря на то, что Голландия не шла шведам навстречу ни на сантиметр, ее отношения с Россией тоже ухудшились. Причиной стало нападение русских военных судов на пять голландских торговых в порту Гельсингфорса 15 июня 1713 г.²² Объяснение, переданное в Гаагу через царского посла князя Б.И. Куракина, было простым: два из пяти голландских кораблей шли под шведским флагом, и все пять искали укрытия вблизи шведской эскадры. Однако, по свидетельствам очевидцев, дело происходило иначе. Около полуночи 15 июня голландцев атаковали многочисленные небольшие военные суда русских. Ни флаги Республики, ни предъявленные судовые документы не произвели на нападавших никакого впечатления, и голландские корабли были сожжены. Увидев море огня, пришел издалека один шведский легкий фрегат, о присутствии же целой шведской эскадры очевидцы не упоминали. Уцелевшие голландцы были схвачены и взяты под стражу.

Вне себя от возмущения, Генеральные штаты в резолюции от 30 августа отвергли российскую версию событий, заявив, что в ней важные факты «со всем тщанием» замалчивают. Произошедшее было названо «деянием столь чрезвычайным и столь непростительным, что подобного даже в объявленной войне не практикуют в отношении беззащитных судов»²³. Господа «Высокомочные» потребовали немедленного освобождения пленных и подобающего возмещения убытков. Резиденту Республики в Петербурге Якобу де Би приказали довести это дело до конца. Одновременно ему было поручено заступиться за голландских купцов, которые в городах, находившихся прежде под властью шведов, подверглись дурному обращению со стороны русских солдат. Резиденту напомнили о принятой на этот счет еще 11 апреля 1712 г. секретной резолюции Генеральных штатов, прибавив, что «внимание Высокомочных столь часто обращали на подобные жалобы и подробности, касающиеся воинских на-

---

²² NA. Liassen Moscovië 7367, Jacob de Bie aan Staten-Generaal, 15.07.1713. См. также письма Куракина Головкину, 03 (14).07, 29.08 (09.09).1713 (Архив князя Ф.А. Куракина. Т. IX. С. 35–36, 101–103) и меморандум Куракина от 7 августа (RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 29.09.1713).

²³ RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 29.09.1713.

чальников и войск Его Царского Величества в их гарнизонах, что они [Генеральные штаты] более не могут оставаться к сему равнодушными». Так что инцидент в Гельсингфорсе явился лишь последней каплей, переполнившей чашу терпения официальной Гааги. А тот факт, что российские власти еще годами будут тянуть с признанием вины, не говоря уже о возмещении ущерба, внесет в дальнейшие российско-голландские отношения постоянный элемент раздражения. Тем более что владельцами кораблей, сожженных в Финляндии, были некоторые амстердамские бургомистры, в том числе влиятельный Йохан Корвер, и это несколько умерило энтузиазм амстердамцев в отношении России.

Еще одна проблема между Гаагой и Петербургом возникла 5 ноября 1713 г. В тот день Петр I издал указ о том, чтобы половина товаров, которые обычно следовали через Архангельск, шла отныне через новую столицу России²⁴. Целенаправленными таможенными мероприятиями — резким повышением пошлин в Архангельске и снижением в Петербурге — царь стремился перенаправить товарные потоки как можно быстрее. Нетрудно догадаться, что в Амстердаме это вызвало громкие протесты. Действия шведских военных и каперских судов на Балтике делали путь в Петербург весьма опасным. В Архангельске же, как уже говорилось, голландцы занимали положение господствующее, которое теперь рисковали потерять. Политика Петра вела к усилению конкуренции среди иностранных купцов, ведь в новом порту им всем предстояло начинать на равных — с чистого листа. Недовольны были голландцы и тем, что из-за отмелей порт в устье Невы был для крупных кораблей недоступен. По всем этим причинам правительство Республики неоднократно пыталось побудить русского государя изменить свой курс²⁵.

---

²⁴ NA. Liassen Moscovië 7367, De Bie aan Staten-Generaal, 29.01.1714.

²⁵ Как показал канадский историк Дж. Кнопперс, число торговых судов, приходивших ежегодно в Архангельск, даже возросло. В 1693–1697 гг. их было в среднем 47, а в 1716 — уже 233, в то время как Петербург принял лишь 40. Так что царскую политику продвижения новой столицы трудно было назвать успешной (*Knoppers J.V.Th. Dutch Trade with Russia from Peter I to Alexander I. Montreal, 1976. Vol. 1. P. 221*). Подобную же картину рисует И.М. Кулишер (История русской торговли и промышленности. Челябинск, 2003. С. 142). Но в 1722 г., через год после окончания Северной войны, в Петербург пришли 119 иностранных судов, а в Архангельск только 50. Отныне господствующее положение во внешней торговле России перешло к ее столице. См. также: *Veluwenkamp J.W. Archangel. Nederlandse ondernemers in Rusland 1550–1785. Amsterdam, 2000. P. 179–181*.

Петр I.
Государственный музей (Рейксмузеум), Амстердам

Но что делать, если разговоры не помогают? Среди депутатов Генеральных штатов постепенно росла принципиальная оппозиция любым наступательным вооруженным акциям в будущем. Что хорошего принесло Республике вмешательство в международные конфликты? Только что закончившаяся война с Францией и Испанией, стоившая маленькому народу непомерных усилий и средств, привела к очень скромным для него результатам. Не лучше ли было бы поберечь ресурсы, а в случае необходимости опереться на поддержку со стороны? У кого есть деньги, у того всегда найдутся друзья, которые и окажут военную помощь. В правящих кругах Республики крепло убеждение, что политика нейтралитета будет для нее эффективнее — и дешевле. Активную вовлеченность в международные дела и связанные с ней обязательства следовало заменить более пассивной формой *реагирования*, оставаясь по возможности вне конфликтов²⁶. Уроки войны за испанское наследство, в которой многолетние тяжелые затраты, военные и финансовые, принесли голландцам так мало выгод, играли в таких рассуждениях роль, несомненно, очень существенную.

Великого пенсионария Хейнсиуса, фактически определявшего курс страны, этот сдвиг в умонастроениях поначалу не затронул. Ход его мыслей был пока далек от идеи нейтралитета. Вооруженное вмешательство в Северную войну он считал неуместным потому, что в политике Республики все еще доминировали проблемы, оставшиеся от недавней войны на западе Европы. Словом, сначала одно, а уж потом другое. К тому же дело приходилось иметь с Карлом XII, а он любую мирную инициативу, которая не предусматривала возвращения шведам всех утраченных земель, отвергал с порога. Хейнсиус сомневался даже, имеет ли смысл предлагать перемирие (идея, циркулировавшая тогда в коридорах власти в Гааге), если в Стокгольме все предложения только принимали к сведению — и не более. Примерно так же оценивал ситуацию британский посол Страффорд, когда доверительно давал понять своему шведскому коллеге Пальмквисту, что ему не хочется постоянно грести против ветра²⁷.

И все же выступить формально с новым предложением о перемирии могло оказаться бесполезным. Всем воюющим сто-

---

²⁶ RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 19.09.1713.

²⁷ Ibid. 29.09.1713.

ронам пришлось бы высказать к нему свое отношение, так что, если бы шведы в очередной раз сказали «нет», Республика избавилась бы наконец от их назойливых требований о вмешательстве голландцев в конфликт. А если бы предложение было принято, это открыло бы со временем перспективу устойчивого мира на Балтике, столь желанного прежде всего в торговых кругах.

В начале октября Пальмквиста позвали на встречу с Хейнсийсом и Страффордом, в ходе которой Голландия и Великобритания официально выдвинули предложение о перемирии в Северной войне. План обеих морских держав предусматривал в случае принятия этого предложения всеми сторонами немедленное начало переговоров о мире. Шведский посланник изрядно удивил своих собеседников, сообщив, что его король уже уполномочил графа Морица Веллингга, бывшего генерал-губернатора бывших шведских владений Бремен и Верден, принять по собственному усмотрению предложение о перемирии²⁸. Хейнсийс и Страффорд с благодарностью ухватились за эту неожиданную новость и тут же стали настаивать на том, чтобы Веллинггу дали полномочия реально начать переговоры о мире. Пальмквист обещал этому посоддействовать, хотя, конечно же, знал, что Карл XII на предоставление таких неограниченных полномочий не пойдет²⁹.

Благонравное поведение Швеции бросалось в глаза тем сильнее, что основные препятствия на пути к перемирию создавали теперь ее противники. Правда, на первых порах представители Дании, Саксонии и России повели себя конструктивно, но уже вскоре стали явно тормозить дело. Решение о перемирии, указывали они, должны принимать, разумеется, монархи, да и конкретных мирных предложений еще не было. По словам дипломатов трех стран, лучше было бы договориться сначала о месте переговоров. Называли Данциг (сегодня Гданьск), Бреслав (Вроцлав) и Брауншвейг³⁰. Разговаривать же в Гааге, что было

---

²⁸ Давая графу Веллинггу такую инструкцию, Карл XII стремился вовсе не к окончанию войны, а к тому, чтобы сигналами о своей готовности к миру затормозить легкую кампанию участников антишведской коалиции. Заключение же мира шведский король считал совершенно преждевременным (*Hatton R. Charles XII of Sweden. P. 375*).

²⁹ RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 3.10.1713.

³⁰ Дипломатические мемуары Б.И. Куракина, 21.09 (02.10).1713 (Архив князя Ф.А. Куракина. Т. VIII, 1899. С. 40).

бы, естественно, самым простым, отказались³¹. И в какую бы дипломатическую упаковку ни облекали Дания, Саксония и Россия свою позицию, суть ее была однозначна: наши войска отнимают у шведов одну территорию за другой, поэтому переговоры о мире несвоевременны³².

Как только этот ответ стал известен Пальмквисту, он тут же попытался извлечь из него политические выгоды для своей страны. Раз Швеция отнеслась к предложению Голландии и Великобритании столь благосклонно, а ее противники доброй воли не проявили — значит, обеим державам ничего не остается, как перейти от слов к делу и поддержать Швецию силой оружия. И Хейнсиус, и граф Страффорд постарались немедленно выбить из головы шведского посланника подобные расчеты: о военной помощи со стороны голландцев и англичан речи не шло³³. Тем временем французский посол в Гааге маркиз Пьер-Антуан де Шатонёф заявил, что Франция хотела бы в большей степени участвовать в решении балтийской проблемы. Помешать этому ни Голландия, ни Великобритания не могли, и они постарались даже сделать такое намерение Франции приемлемым для всех вовлеченных в конфликт сторон. Российский посол князь Куракин не скрывал раздражения: оно касалось не столько самого по себе участия Франции в балтийских делах, сколько готовности Гааги и Лондона таскать каштаны из огня для Парижа. «Франция ежели хочет в те дела вступать, чтоб сама предлагала...»³⁴

Между тем Карл XII повел себя привычным для него образом. 29 октября он написал Пальмквисту, что дальнейших инструкций, связанных с темой мира, не будет. О том же известили и шведского посла на берегах Темзы. После провала совместной с голландцами мирной инициативы британское правительство явно не торопилось вмешаться военными силами в Северную войну, и если бы шведский король согласился на мирную конференцию — а для Швеции она могла закончиться только проигрышем, — он тем самым вообще освободил бы британцев от выполнения союзнических обязательств по отношению к шведам. Но обязательства эти были взяты на себя Лондоном в 1700 г., а к 1713-му его

---

³¹ RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 13.10.1713.

³² Ibid. 6.10.1713.

³³ Ibid.

³⁴ Дипломатические мемуары Б.И. Куракина, 13 (24).10.1713 (Архив князя Ф.А. Куракина. Т. VIII. С. 45).

оборонительный союз со Стокгольмом уже устарел. Для мира же время, по мнению Карла, еще не пришло³⁵. Отныне ни в Гааге, ни в Лондоне у шведских дипломатов не осталось ни малейшей свободы маневра. А то, что на перемирие Карл все же согласился, реального значения больше не имело, ибо к тому моменту, когда это стало известно, армии всех участников Северной войны были отведены на зимние квартиры.

Год 1713-й подходил к концу. Город Або (ныне Турку), административный центр шведской Финляндии, был занят русскими, а Штеттин, главный город шведской Померании, оказался в руках Пруссии. Еще никогда положение Швеции не было таким трудным. В ноябре в Стокгольме риксдаг по собственной инициативе решил направить в Россию представителя для переговоров, но Карл из своего турецкого далека запретил это делать³⁶, чем еще раз доказал, как велико было даже в отсутствие монарха его влияние. Сам же он тогда больше строил планы, как разжечь войну между Россией и Турцией, чем руководил боевыми действиями на Балтике. Все поведение Карла свидетельствовало о том, что он внутренне, психологически, так и не принял ни поражения под Полтавой, ни последовавших за ним территориальных потерь Швеции. А чем глубже проваливался шведский лев в трясину неудач, тем меньше в Европе были готовы его спасать. Тот факт, что король-изгнанник, отказываясь признавать реальное положение вещей, продолжал требовать возвращения всех бывших шведских владений, а то и возмещения ущерба, делал любые разговоры о мире заранее бесплодными. Швеция походила на смертельно больного пациента, который наотрез отказывается от врачей и лекарств, надеясь, что само время принесет ему облегчение.

---

³⁵ *Wahrenberg C.F.I.* Om Sveriges yttre Politiska förhållanden under de tre första åren af Konung Carl XII:s regering till freden i Traventhal. Stockholm, 1856. S. 58–59.

³⁶ *Hatton R.* Charles XII of Sweden. P. 369.

Карта России, составленная в 1638 г. голландцем Исааком Массой.
Коллекция Игоря Владимироффа, Амстердам

МНОГО СЛОВ И МАЛО ДЕЛА

Туманные перспективы мира между Швецией и ее противниками — это далеко не единственное, чем пришлось заниматься Генеральным штатам на рубеже 1713—1714 гг. В торговых кругах, особенно в Амстердаме, давно уже просили о более надежной защите голландского судоходства на Балтике. Конечно, защита нужна была прежде всего от военных и каперских кораблей шведов, однако, несомненно, были мысли также о том, что присутствие в Балтийском море голландской эскадры побудит и Россию обращаться с купцами из маленькой страны более дружелюбно. Хотя новые расходы были тогда Республике совершенно не по силам, ведь из войны с Францией и Испанией она

вышла материально истощенной. В последние годы войны финансы провинции Голландия, составлявшие ядро валютно-экономической системы Республики, постоянно находились на грани краха³⁷. После Утрехтского мира провинции едва справлялись с выплатами по всевозможным кредитам и все медленнее пополняли общую казну, вследствие чего к концу 1713 г. государству грозило банкротство³⁸.

Не лучше обстояло дело и с адмиралтействами. Так, адмиралтейство Роттердама в середине октября пожаловалось в Гаагу, что давно уже безрезультатно просит денег и что без «доброй суммы монет» не может гарантировать оказание общественных услуг³⁹. В печальном положении было также адмиралтейство в Амстердаме⁴⁰. И связано это было не только с последствиями долгой войны. От государственных структур в крупных городах Нидерландов явственно исходил запах коррупции, будь то покупка должностей или взяточничество. Споры о сокращении вооруженных сил, столь естественные по окончании войны, сопровождались взаимными публичными обвинениями. В резолюции, вынесенной 21 декабря штатами провинции Оверейсел, отмечалось, что если раньше девизом Республики было «*concordia res parvae crescunt* (согласием малое растет)», то теперь — «*discordia res maximae delabuntur* (раздором великое разрушается)»⁴¹. Провинции одна за другой провозглашали борьбу с коррупцией, однако у застарелых привычек глубокие корни.

В середине февраля 1714 г. британскому послу было поручено убедить Генеральные штаты отправить совместно с англичанами флот в Балтийское море, дабы обеспечить там свободу судоходства⁴². Князь Куракин такую экспедицию предвидел и еще 1 (12) января в своем донесении в Петербург посоветовал ей воспротивиться, так как она могла бы быть использована в интересах обесиленной Швеции. Российский посол признал, что

---

³⁷ *Aalbers J.* De Republiek en de vrede van Europa de buitenlandse politiek van de Republiek der Verenigde Nederlanden na de vrede van Utrecht (1713), voornamelijk gedurende de jaren 1720–1733. Groningen, 1980. Deel I. P. 6–7.

³⁸ RSDH 241. Palmqvist till anonymus, 10.11.1713.

³⁹ De briefwisseling. Deel XV, Admiraliteit van Rotterdam aan Heinsius, 17.10.1713.

⁴⁰ *Bruijn J.R.* De admiraliteit van Amsterdam in rustige jaren, 1713–1751. Amsterdam; Haarlem, 1970. P. 79–84.

⁴¹ RSDH 241. Palmqvist till anonymus, 23.01.1714.

⁴² RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 24.02.1714.

положение Генеральных штатов в этом вопросе затруднительное: не могут же они оставить своих купцов и моряков без защиты. «А ежели конвой послан не будет, то сомневаюсь, чтобы много кораблей отсель в те края пошло, для того что сенат шведский взял резолюцию всех потенций [держав] корабли, идущие туды, брать и конфисковать»⁴³.

Две недели спустя канцлер Головкин приказал Куракину не допустить отправки британско-голландского флота и грозить ответными мерами против голландских купцов: «И может из того произойти пресечение в купечестве, от чего может купечество понести великое повреждение»⁴⁴. В конце февраля Куракин передал все это Хейнсиусу⁴⁵, а еще через две недели повторил свое предостережение на встрече с представителями города Амстердама⁴⁶. Для защиты же судоходства от шведов посол рекомендовал голландцам обстрелять из тяжелых пушек шведские порты, в первую очередь Карлскруну.

Угрожающий тон российского посла произвел на правящие круги Республики должное впечатление, как видно из бесед Хейнсиуса и графа Страффорда со шведским посланником Пальмквистом⁴⁷. Великий пенсионарий Голландии считал, что будет лучше, если его страна и Великобритания отправят каждая отдельно свою эскадру для защиты собственных подданных⁴⁸. Пальмквиста эти замыслы настолько встревожили, что он в самых драматических выражениях воззвал к Страффорду и французскому послу де Шатонёфу (тот официально въехал в Гаагу 25 января 1714-го в сопровождении целых 103 карет!⁴⁹), чтобы те умоляли своих монархов что-нибудь предпринять⁵⁰.

---

⁴³ Письмо Куракина Головкину от 1 (12).01.1714 (Архив князя Ф.А. Куракина. Т. X, 1902. С. 6).

⁴⁴ Письмо Головкина Куракину от 15 (26).01.1714 (Там же. Т. X. С. 15–18).

⁴⁵ De briefwisseling. Deel XV, Heinsius aan Willem Buys, 01.03.1714.

⁴⁶ Письмо Куракина Головкину от 16 (27).03.1714 (Архив князя Ф.А. Куракина. Т. X. С. 94–96).

⁴⁷ *Hatton R. Diplomatic Relations between Great Britain and the Dutch Republic, 1714–1721.* London, 1950. P. 39–40.

⁴⁸ RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 17.03.1714, 20.03.1714.

⁴⁹ Для сравнения: посол Республики во Франции Виллем Бёйс был настолько стеснен в средствах, что для своего торжественного въезда в Париж смог позволить себе всего лишь 6 карет (De briefwisseling. Deel XV, Buys aan Heinsius, 16.04.1714).

⁵⁰ RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 20.03.1714.

Однако и Лондону вовсе не улыбалась идея действовать на Балтике в одиночку, без голландцев, рискуя навлечь на себя гнев царя Петра. Коммерческие интересы заставляли проявлять осмотрительность. С другой стороны, правительство Ее Величества опасалось также быстрого расширения сферы господства России и, соответственно, краха Швеции⁵¹. Для спасения скандинавской державы было две возможности: или совместными усилиями разных стран принудить всех участников войны к перемирию, или же все-таки послать в Балтийское море британско-голландский флот, чтобы предотвратить вторжение в собственно Швецию и восстановить в регионе мир и покой. Именно эту вторую возможность было предложено рассмотреть Генеральным штатам в письме, составленном от имени королевы Анны.

Проблема была в том, что такая военная интервенция легко могла затянуться, поскольку ни одно из воюющих на Севере государств пока не проявляло большой готовности к миру. Когда император Священной Римской империи выступил с инициативой созвать в Брауншвейге мирную конференцию, шведский двор никого туда не послал, и дело кончилось не начавшись. Карлу XII по-прежнему не хотелось, чтобы его старые союзники, особенно Великобритания, ссылаясь на переговоры о мире, полностью отказались от вооруженного вмешательства⁵². Так что до формальных переговоров все никак не доходило, хотя представители враждующих сторон продолжали, чаще всего через третьих лиц, обмениваться мнениями. Так, в Гааге Пальмквист при посредничестве ганноверского посланника узнал в марте 1714 г. от Куракина, что при возможном заключении мира царь готов удовольствоваться теми землями, которые некогда уже принадлежали русским, т.е. Ингрией и некоторыми частями Карелии⁵³. Одновременно Петр I убедил бы датчан вернуть шведам герцогство Бремен. Отсюда видно, насколько русский государь был уверен, что сможет воздействовать на своих союзников.

Обращение к Генеральным штатам от имени самой королевы Анны нельзя было оставить без ответа, и в середине апреля его пришлось обсуждать. Ответили «Высокомочные» примерно то

---

⁵¹ Об опасениях англичан см.: *De briefwisseling. Deel XV, Van Borssele van der Hooghe aan Heinsius, 03.04.1714.*

⁵² *Carlson F.F. Om Fredsunderhandlingarne. S. 59 sqq.*

⁵³ RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 24.03.1714, 03.04.1714.

же, что и раньше: они бессильны и боятся быть втянутыми в войну в интересах ослабевшей Швеции⁵⁴. И это после того, как шведские военные и каперские суда с 1710 г. чинили всяческие препоны голландской торговле на Балтике. Между тем из Амстердама беспрепятственно отбывали на русскую службу все новые морские офицеры и матросы при полном вооружении⁵⁵. После Утрехтского мира, когда множество моряков остались без работы, число голландцев, нанятых на царский флот, резко возросло.

В течение весны 1714-го российскому агенту при Генеральных штатах Йоханнусу ван ден Бюргу удалось переправить в Ревель (ныне Таллин) почти 200 голландских офицеров и матросов⁵⁶. В 20-х числах мая произошел деликатный инцидент: галиот с 40 голландцами был захвачен шведами и уведен в Карлскруну. Вскоре после этого «Высокомочные» постановили, что голландские подданные на русской службе, попав в шведский плен, не должны рассчитывать на защиту со стороны Республики⁵⁷. Правящим кругам в Гааге было неловко, что тайное содействие России таким образом стало явным, но при этом они хорошо понимали, что реально что-либо запретить Амстердаму они все равно не в силах. С той весны доброго Йоханнуса ван ден Бюрга годами будут преследовать жалобы и плач жен голландских моряков. Женщины приходили требовать выплаты положенной им части жалованья их мужей, служивших на российском флоте. Но, как доносил сам агент 12 апреля графу Головкину, ему нечего было дать этим несчастным, кроме «мягких слов»⁵⁸.

Голландцы оказывали содействие не только России. Летом того же года в амстердамском порту были снаряжены пять шведских военных судов, которым предстояло досматривать голландские корабли, державшие курс на Архангельск. Дело было обставлено так, будто снаряжают безобидные торговые суда. Узнав об этом по своим собственным каналам информации, великий пенсионер Хейнсиус известил городские власти Амстердама. Ад-

---

⁵⁴ Ibid. 27.04.1714.

⁵⁵ Ibid. 30.03.1714.

⁵⁶ Письма Йоханнуса ван ден Бюрга Головкину, 20.03, 23.03, 30.03, 06.04, 10.04, 13.04, 08.05.1714 (Российский государственный архив древних актов [РГАДА]. Ф. 50. Оп. 1. 1714 г. Д. 12).

⁵⁷ Письмо ван ден Бюрга Головкину, 29.05.1714 (Там же).

⁵⁸ Письма ван ден Бюрга Головкину, 08.06, 12.04.1714 (Там же).

миралтейству было приказано проявлять бдительность. Упоминаний о каких-либо иных мерах мы в источниках не находим, а значит, можно предположить, что снаряженные шведские корабли спокойно отплыли⁵⁹. Ведь и против транспортировки оружия в Россию бургомистры Амстердама ничего не предпринимали.

Тем временем в Гааге обсуждение дипломатами и политиками балтийской проблемы шло своим чередом. В конце апреля Страффорд и де Шатонёф попробовали убедить Хейнсиуса предложить участникам Северной войны перемирие в ультимативной форме. Тот, кто это предложение отвергнет, будет иметь дело с военными силами сразу трех держав: Голландии, Великобритании и Франции. Однако тут же стало ясно: руководители Республики не хотят ничего делать без участия Священной Римской империи, что британский и французский послы сочли простой отговоркой⁶⁰. Но возражения Хейнсиуса этим не исчерпывались. Он заявил Страффорду, что в перемирии мало смысла, пока не известно, какие условия мира предлагают враждующие стороны⁶¹. Это была старая заноза. Как собирается Карл XII кончать войну, не знал никто, поскольку он никогда на эту тему не высказывался. Зато слишком хорошо было известно, что мира он хочет на основе статус-кво — возвращения к ситуации, существовавшей до 1700 г., да еще и с возмещением Швеции ущерба. Ни о каких территориальных уступках Карл и слышать не желал.

К тому же дискуссии в Гааге проходили на фоне все более активных действий шведских военных моряков и каперов против голландских торговых судов. Речь шла уже не только о тех кораблях, что направлялись в занятые русскими бывшие шведские порты, но, например, и о 15 судах, которые, загрузившись зерном в прусском Кёнигсберге (сегодня Калининград), возвращались домой⁶². Иначе говоря, подвергнуться нападению шведов могло любое голландское судно. Понятно, что в Гааге по-

---

⁵⁹ Stadsarchief Amsterdam (SAA). Missiven Gedeputeerden ter Dagvaart 1714–1716, 27.07.1714.

⁶⁰ Письмо Куракина А.А. Матвееву, 04 (15).05.1714, и Головкину, 11 (22).05.1714 (Архив князя Ф.А. Куракина. Т. X. С. 118, 125); RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 01.05.1714, 05.05.1714, 08.05.1714.

⁶¹ Ibid. 05.06.1714.

⁶² Письмо Куракина Головкину, 21.05 (01.06).1714 (Архив князя Ф.А. Куракина. Т. X. С. 129).

сланнику Пальмквисту приходилось то и дело оправдываться. Он ссылался на бедственное положение своей страны, вынужденной принимать отчаянные меры. Так все дискуссии на эту тему превращались в разговор глухих⁶³.

И все же Хейнсиус и посол Страффорд снова и снова пытались устранить формальные препятствия на пути к урегулированию в балтийском регионе. Пальмквиста спросили, есть ли у него, собственно, полномочия на ведение переговоров о мире. К удивлению собеседников тот ответил положительно; затем, естественно, последовал вопрос, от кого он такие полномочия получил. От шведского Сената и Ее Высочества принцессы Ульрики Элеоноры, сестры Карла XII, которая в отсутствие короля исполняла обязанности регентши. Но действительно ли король в своем турецком изгнании предоставил тем, кто его заменял в Стокгольме, подобные prerogatives?⁶⁴ Ответ Пальмквиста, что это вне его компетенции, никого, конечно, не удовлетворил. И Хейнсиусу, и англичанам было совершенно ясно, что у этого шведского голубя мира по меньшей мере одно крыло подрезано.

В ходе соответствующих бесед Хейнсиуса и Страффорда с Куракиным русский посол четко заявил, что получил полномочия лишь на то, чтобы на мирной конференции в Брауншвейге вести переговоры о мире совместно с представителями стран-союзников России. Такой упор на совместные действия всей антишведской коалиции противоречил британско-голландскому подходу. Когда же собеседники Куракина поинтересовались, каковы российские условия мира, им было сказано, что сначала Швеция должна проявить готовность к миру. Входить в обсуждение того, удовлетворится ли царь Ингрией и Карелией, посол не пожелал, «понеже оныя есть наследственныя земли короны российской»⁶⁵. Так что никакого продвижения добиться не удалось.

Ситуацию, в которой находился в Гааге Пальмквист, сделало еще более затруднительной новое письмо от его короля. 5 июня Карл XII велел своему посланнику не говорить ничего о всеобъемлющем мирном урегулировании, однако через французского посла намекнуть Куракину, что Швеция хочет сепарат-

---

⁶³ RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 16.06.1714.

⁶⁴ Ibid. 09.06.1714, 16.06.1714.

⁶⁵ Письмо Куракина Головкину от 25.05(05.06).1714 (Архив князя Ф.А. Куракина. Т. X. С. 133).

ного мира с русскими. Целью было не достигнуть результата, а только посеять беспокойство среди партнеров России по коалиции. Если же русские спросят, какие территории Швеция готова уступить, Пальмквисту следовало пуститься в рассуждения о несправедливой войне, начатой царем против шведов, и большом ущербе, который русские войска нанесли различным шведским провинциям. А прежде чем заявлять что-либо конкретное, посланник обязан был каждый раз запрашивать инструкций у короля. Главной задачей шведов было выиграть время⁶⁶. Но для чего? Швеция в военном отношении становилась все слабее, тогда как силы ее противников, наоборот, росли.

В том же июне 1714 г. Хейнсиус и Страффорд пришли к выводу, что достаточно уже прошупали дипломатическую почву. Пора было переходить к решительным действиям, тем более что британско-голландское предложение об объявлении перемирия в Северной войне готова была поддержать Франция. Такое заверение, переданное через маркиза де Шатонёфа, явно произвело в Гааге должное впечатление, ведь 25 июня Генеральные штаты постановили вместе с Лондоном и Парижем публично огласить свое предложение о перемирии⁶⁷. Участия Священной Римской империи, по-видимому, больше не требовалось. Оставался трудный, связанный с дипломатическим этикетом, вопрос о том, как передать это предложение представителям воюющих сторон. После нескончаемой дискуссии было решено: от имени троих инициаторов проекта его представит Хейнсиус, собрав дипломатов у себя дома. Для этого нужно было, однако, согласие Генеральных штатов, так что официальное предложение о перемирии было оглашено лишь 5 июля⁶⁸.

Оно заставило враждующие государства выложить наконец карты на стол. Посланник Швеции выразил готовность принять перемирие — при условии, что оно будет подобающим образом предложено⁶⁹. Что он имел в виду, осталось неясным. Куракин ответил более определенно. Зачем заключать перемирие, если неизвестно даже, какие условия мира выдвигают противники и где состоятся переговоры? Кроме того, князь Борис Иванович выразил сомнения в том, достаточно ли полномочий у его швед-

---

⁶⁶ RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 26.06.1714.

⁶⁷ Ibid. 16.06.1714.

⁶⁸ Ibid. 06.07.1714.

⁶⁹ Ibid. 10.07.1714.

ского коллеги; этот вопрос, как мы помним, уже циркулировал в правящих кругах в Гааге. В довершение удара русский посол заявил, что на участие французов его государь, вероятно, не согласится, ибо не желал иметь с версальским двором никакого дела. В конце концов никакой официальной реакции от воюющих сторон не последовало. Гаагские разговоры о мире превратились в чисто ритуальный дипломатический менуэт. Все сводилось к тому, что Швеция отвергала перемирие в надежде на лучшие времена, а Россия рассчитывала обглаживать кости шведского льва и дальше. Все исходило из того, что судьбу державы Карла XII решит противостояние российского и шведского флотов. Победа русских позволила бы им или датчанам, или же тем и другим вместе, вторгнуться на территорию собственно Швеции⁷⁰.

НОВЫЙ КОРОЛЬ И СТАРЫЙ ДРАЧУН

Пока в Гааге мучительно ждали ответа от государств-участников войны, 12 августа 1714 г. в Лондоне, в своем Кенсингтонском дворце, скончалась королева Анна, последняя из династии Стюартов на английском троне. На преемника Анны, ганноверского курфюрста Георга, шведы возлагали немалые надежды. Основания к тому давали интересы нового короля в Германии и симпатии к Швеции, которые он до тех пор проявлял. Поскольку к тому же было известно дружеское расположение Георга к Генеральным штатам, шведский посланник в Гааге полагал, что сотрудничество Великобритании и Голландии в Северной Европе станет более интенсивным⁷¹. Таково же было и мнение Куракина. В письме от 31 августа (11 сентября) к секретарю Посольского приказа А.И. Остерману он советовал «как наискорее с обеими потенциями [державами] морскими трактат коммерции учинить и чрез тот также в альянс с ними оборонительный вступить...»⁷² При этом русский посол ссылался на пример Швеции

---

⁷⁰ RSDH 241. Palmqvist till Carl XII, 07.08.1714.

⁷¹ RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 17.08.1714.

⁷² Письмо Куракина А.И. Остерману, 31.08 (11.09) 1714 г. (Архив князя Ф.А. Куракина. Т. X. С. 180).

(«как Швеция прежде сего учинила»), которая заключила союз с англичанами и голландцами в 1700 г.⁷³ Если бы России удалось то же самое, возможные антирусские настроения в обеих странах были бы задушены на корню.

Поначалу, однако, в середине августа в дипломатической атмосфере ощущалась напряженность: признает ли Франция безропотно это так называемое «протестантское престолонаследие» по ту сторону Ла-Манша. В Гааге «Высокомочные» на всякий случай показали, что настроены серьезно, проголосовав за выделение более чем полутора миллионов гульденов на военные цели: на снаряжение шеститысячной армии и 24 военных кораблей⁷⁴. Когда же Франция дала понять, что вступлению ганноверского курфюрста на британский трон препятствовать не станет, все быстро успокоилось⁷⁵.

В середине сентября Георг прибыл в Гаагу, откуда собирался переправиться к своим новым подданным. Приехавшие с ним или еще раньше ганноверские советники курфюрста немедленно вступили в контакт со своими коллегами-голландцами. Те не скрывали, как сильно их задело предательство английских тори в 1711 г., когда на завершающем этапе войны за испанское наследство британское правительство, тайно сговорившись с французами, поставило своего голландского союзника в безвыходное положение и фактически навязало ему условия будущего Утрехтского мира. Теперь голландцы заявили ганноверцам, что в Великобритании следует восстановить влияние партии вигов и что британско-голландская дружба должна стать краеугольным камнем внешней политики обеих держав. Благодаря тому, что встречный ветер мешал новому королю отплыть, вынудив его задержаться в Гааге, с ганноверцами удалось все обсудить обстоятельно и все уладить. Результат не замедлил сказаться. В правительстве, которое сформировал Георг I в Лондоне, оказался всего один тори, граф Ноттингем, да и того еще в 1711 г. его партия заклеила как предателя⁷⁶.

---

⁷³ См. об этом: *Koningsbrugge van J.S.A.M. Tussen Rijswijk en Utrecht*. P. 50–64.

⁷⁴ RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 21.10.1714. См.: *Hatton R. Diplomatic Relations*. P. 54.

⁷⁵ RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 21.08.1714. См. также: *De briefwisseling. Deel XVI, 1997, Buys aan Heinsius, 30.08.1714*.

⁷⁶ *Hatton R. Diplomatic Relations*. P. 57.

Оставался вопрос, какую позицию займет новый король в делах балтийских. В этом отношении князь Куракин смог вскоре после приезда Георга I в Гаагу успокоить свое петербургское начальство. На аудиенции, которую Георг дал русскому послу, Его Величество отзывался о владителе России в самых теплых и дружественных выражениях. Несколько дней спустя, вечером 20 сентября, первый министр Ганновера Андреас Готтлиб фон Бернсторфф приехал к Куракину домой для беседы⁷⁷. Позднее разговоры Куракина с ганноверцами происходили еще много раз.

Советники Георга главным образом подчеркивали свою заинтересованность в том, чтобы Швеция отказалась от большей части своих владений в Германии, которые затем можно было бы разделить между соседями. В возможных территориальных спорах с Данией — скажем, по поводу герцогств Бремен и Верден — ганноверцы были бы рады рассчитывать на посредничество России⁷⁸. Еще в 1712-м датчане заняли принадлежавшее шведам герцогство Бремен, а батальоны курфюрста Ганноверского под предлогом защиты интересов Швеции вошли на территорию соседнего шведского владения — герцогства Верден, и теперь курфюрст хотел, конечно, закрепить его за собой. Ганноверцы обсуждали с русским послом в Гааге три разных плана установления мира на Балтике. Планы эти различались лишь количеством перьев, которые предстояло обронить шведскому павлину, неизменной же была идея о том, что оккупированную русскими часть Финляндии надлежит вернуть шведам, а Россия получит Ингрию и Карелию.

Аудиенция, которую Георг дал в голландской столице Пальмквисту, прошла не столь идиллически. На заявление посланника Карла XII о существовании *casus foederis*, т.е. о необходимости привести в действие оборонительный союз, заключенный между Швецией, Голландией и Великобританией в 1700 г., новый британский король отозвался так: шведскому правительству следовало бы в таком случае проявлять склонность к миру. Нельзя же заставлять своих союзников расплачиваться за все. Зашла речь также о жалобах новых подданных Георга на насилия, чинимые над ними в Балтийском море шведскими кораблями. На это Пальмквист мог ответить лишь, что без таких дей-

---

⁷⁷ Письмо Куракина Головкину, 10 (21).09.1714 (Архив князя Ф.А. Куракина. Т. X. С. 185).

⁷⁸ Письмо Куракина Головкину, 17 (28).10.1714 (Там же. Т. X. С. 204).

ствий шведов русский флот на десять лет раньше обрел бы ту силу, которой обладает ныне⁷⁹. Но в подобную дискуссию король себя вовлечь не дал. Стало ясно, что ждать от новых властей в Лондоне прямого вооруженного вмешательства на Балтике не приходится: там намерены были сначала испробовать дипломатические средства. Так, между голландцами и англичанами бесконечно обсуждалось, надо ли послать от них кого-либо на конференцию в Брауншвейге⁸⁰. Одним словом — новое вино в старые мехи.

На фоне этих нескончаемых разговоров Карл XII начал действовать. Момент был знаменательный. В середине сентября русские дипломаты в Стамбуле с почетом отбыли на родину, после того как вопрос о новых границах между Россией и Османской империей был решен к удовлетворению обеих сторон. Игра, которую долго вел в Турции шведский король, потерпела провал, и он тоже стал готовиться к возвращению домой. Карл объяснил правительству султана, что ехать через Польшу не может — в Польше одержали верх его враги, — но проехал бы через подвластную императору Священной Римской империи Венгрию после того, как там закончится эпидемия чумы. Путешествие шведского монарха через всю Центральную Европу требовало, разумеется, дипломатической и материальной подготовки. Деньги поступили на этот раз не от турок, а от венских банков и иных частных займодавцев. Общим счетом свыше 100 тысяч риксдалеров были выданы под процент, колебавшийся от 9 до 30%, что показывало, каким ничтожным кредитом пользовался у европейских банкиров шведский король.

Получив деньги и документы, необходимые для проезда через имперские земли, Карл пустился в путь. Хотя император охотно встретился бы со своим венценосным гостем, тот предпочел путешествовать инкогнито. Кроме того, в 1700 г. Карл, как и многие другие, признал королем Испании французского принца Филиппа, однако титул короля Испании все еще носил также император, так что могли возникнуть проблемы с дипломатическим протоколом⁸¹. Да и к тому же шведский владыка очень спешил, что могло показаться странным после того, как,

---

⁷⁹ RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 18.09.1714.

⁸⁰ Ibid. Oktober-november 1714.

⁸¹ Hatton R. Charles XII of Sweden. P. 386–388.

по словам голландского посла в Турции графа Якобуса Кольера, «столь отважный государь в течение пяти лет в этой державе давал соблазнять себя простой надежде на перемены в здешнем правлении»⁸².

20 сентября Карл со свитой из 130 человек и турецким эскортом покинул место своего заточения неподалеку от Эдирне. Позднее к нему присоединились поляки и украинские казаки из Бендер, не имевшие с королем более полутора лет никаких контактов. На границе Турции и Венгрии Карл, взяв с собой лишь двух офицеров, расстался с сопровождавшими его отрядами и то в почтовой карете, то верхом помчался в свои владения. В ночь с 10 на 11 ноября некто, одетый в форму капитана шведской армии, постучался в запертые ворота города Штральзунд на Балтике, принадлежавшего тогда Швеции. Король вернулся в свою державу⁸³. Путь от Вены до Штральзунда он проделал всего за шесть дней и ночей, и эта небывалая по тому времени скорость только укрепила героический миф о Карле XII, как и история о том, что у прибывшего монарха после многодневной непрерывной езды сапоги пришлось не снимать с ног, а срезать.

Возвращение короля позволило европейцам строить догадки о его намерениях. Не согласится ли он, как полагали в Вене, в знак признательности за благополучный проезд через имперские земли участвовать в мирной конференции в Брауншвейге, которая была инициативой императора? Не пожертвует ли он, как надеялись в Лондоне, своими владениями в Германии в обмен на укрепление союзнических связей с Ганновером, а значит, и с Великобританией? Не смягчит ли он шведскую блокаду Балтики, рассуждали британские и голландские купцы⁸⁴. Из Гааги посланник Пальмквист доносил в Стокгольм, что его собеседники в Республике рассчитывают на ускорение мирного процесса⁸⁵. Как ни странно, никто, по-видимому, не исходил из того, что образ действий Карла останется прежним: драться до последнего.

Положение голландцев от возвращения шведского короля легче не стало. Генеральным штатам, как и всем, предстояло

---

⁸² NA. Collectie Gisbert Cuperus, VII. Colyer aan Cuperus, 01.08.1714.

⁸³ *Hatton R.* Charles XII of Sweden. P. 386–388.

⁸⁴ *Ibid.* P. 390.

⁸⁵ RSDH 241. Palmqvist till Rådet, 04.12.1714.

раскрыть карты. Пока Карл находился в Турции, политика Республики была на удивление последовательной. Официально не поддерживая в Северной войне ни одну из сторон, голландцы в то же время позволяли своему послу в Стамбуле посредничать между султаном и царем, а из Амстердама тайно следовали в Россию оружие и офицеры с матросами. Мир между русскими и турками сделал ситуацию в Центральной и Восточной Европе более простой и четкой: с одной стороны — Швеция, с другой — Россия и ее союзники.

Вызывало сомнения, так ли уж выиграет Республика от победы шведов и от господства на Балтике их неуравновешенного короля. В Северной войне голландцы слишком мало ему помогали, чтобы он был им многим обязан. Между тем неприязни к шведам у голландских купцов накопилось предостаточно. Было и такое опасение: в конечном счете главным победителем окажется Франция. Ведь версальский двор вел себя по отношению к Швеции гораздо любезнее, чем голландцы и англичане, а свобода судоходства в Балтийском море значила для французов несравненно меньше. Спустя всего год с небольшим после войны за испанское наследство мысль об усилении влияния Франции на Севере по-прежнему вызывала у голландцев аллергию.

Вызывает удивление, что гораздо реже правящие круги Голландии задумывались о том, благоприятно ли для Республики изменение баланса сил на Балтике в пользу России. Некоторые, прежде всего в Амстердаме, полагали, что победа Петра им выгодна. Но вряд ли все купцы, действовавшие в России, разделяли это мнение. Господство русских на Балтике резко ослабило бы роль Архангельска, где, как уже не раз говорилось, голландцы занимали ведущие позиции, и еще большой вопрос, получат ли их купцы такие же привилегии в захваченных у шведов балтийских портах или же там придется столкнуться с конкуренцией со стороны других иностранных купцов. Стремление царя сделать свою новую столицу торгово-экономическим центром первой величины было неудержимым, а желание самодержавного государя — закон, в самом буквальном смысле слова. Из указа Петра, изданного в ноябре 1713 г., явствовало, что развивать Архангельск он не намерен, а торопится переключить внешнюю торговлю на Петербург. Дружбу между Россией и Голландией это стремление подрывало.

II. ОДИН ПРОТИВ ВСЕХ И ВСЕ ПРОТИВ ОДНОГО?

На исходе 1714-го и в начале 1715 годов в балтийских делах, на первый взгляд, мало что изменилось. Повсюду делали намеки на мирные инициативы, на практике же все ждали друг друга. Ни Россия, ни Швеция на западноевропейские предложения о перемирии всерьез не реагировали, так что международная дипломатия была фактически бессильна. Многие зависели от позиции Великобритании. Будет ли ее новое правительство вслед за старым настаивать на отправке флота в Балтийское море и будет ли оно пытаться вовлечь в эту экспедицию голландцев?

В продолжение разговоров, которые велись с представителями короля Георга в Гааге перед его отплытием в Лондон, англичане действительно не раз запускали пробные шары в связи с этой темой. Подчеркивалась, естественно, необходимость защищать торговые суда. Правительство Его Величества заверяло голландцев, что конвойные услуги будут оказываться в духе строгого нейтралитета. В середине ноября Генеральные штаты с этим планом наконец согласились и постановили выделить на его осуществление два миллиона гульденов. В казне таких денег не было, поэтому пришлось в очередной раз влезть в долги¹. Предполагалось послать эскадру из 32 судов, из них 12 должны были предоставить адмиралтейства Республики Соединенных Нидерландов². Все это делалось в надежде вернуть старые добрые времена британско-голландского сотрудничества.

Российские дипломаты тоже не сидели сложа руки. Решение Петра I в октябре 1714 г. направить виднейшего из своих дипло-

---

¹ Ibid. 24.11.1714.

² *Hatton R. Diplomatic Relations. P. 75.*

матов князя Куракина³ в Лондон⁴ ясно показывало, что он рассчитывал вести дела с британско-ганноверским окружением короля Георга. Неспособность Швеции выиграть войну не вызывала сомнений, а следовательно, пришла пора поговорить о разделе ее владений. В беседах с Куракиным ганноверец фон Бернсторфф ухватился за прежние высказывания русского посла и стал развивать их дальше: устранив остатки шведской власти на землях Священной Римской империи, можно было определить судьбу принадлежавших Швеции отдельных территорий. Ганноверу его министр уже предназначил самую большую часть: Бремен и Верден⁵. Остальное же пусть поделят между собой Дания и Пруссия.

В Лондоне Куракин обнаружил, что и там уже всю торговались из-за бывших шведских владений в Германии. Датчане готовы были уступить королю Георгу как курфюрсту Ганноверскому половину герцогства Бремен, но курфюрст, со своей стороны, должен был выплатить герцогству Гольштейн-Готторп финансовую компенсацию за территорию, отданную этим последним Дании. Вдобавок в Копенгагене ожидали от Георга I солидной субсидии датскому флоту⁶. В Лондоне требования Дании сочли чрезмерными и искали теперь контактов с представителями России и Пруссии, дабы при необходимости заключить наступательный союз против Швеции и без датчан. От российского посла в Берлине Куракин узнал о действительных чаяниях датского двора. В Копенгагене готовы были передать курфюрсту Ганноверскому даже все герцогство Бремен, если он немедленно объявит войну шведам⁷. Однако Георгу трудно было бы воевать со Швецией в качестве властителя Ганновера и одновременно сохранять с ней мир в качестве короля Великобритании. Словом, все сводилось к вопросу, как вовлечь в антишведскую коалицию потенциальных новых участников: Ганновер и Пруссию.

В дележе шведских территорий не хотела отстать от других и Россия. В начале января 1715 г. Петр составил для Куракина

---

³ См. о нем: *Wittram R. Peter I., Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit.* Göttingen, 1964. Bd. 2. S. 267.

⁴ Письмо Головкина Куракину, 8 (19).10.1714 (Архив князя Ф.А. Куракина. Т. X. С. 213).

⁵ Письмо Куракина барону П.П. Шафирову, 19(30).10.1714 (Там же. Т. X. С. 226).

⁶ Письмо Куракина Шафирову от 9 (20).11.1714 (Там же. Т. X. С. 234).

⁷ Письмо Куракина Головкину от 30.11(11.12).1714 (Там же. Т. X. С. 253–255).

инструкцию⁸. В ней царь требовал для себя не только Ингрию и Карелию, но и Лифляндию с ее столицей Ригой. Проблема была в том, что Лифляндию уже многократно обещали союзнику России Августу II, курфюрсту Саксонскому, занимавшему также польский престол. На практике же такие обещания мало что значили, и теперь Россия стремилась к тому, чтобы ее аннексию Лифляндии поддержали англичане. Главный аргумент: нельзя же оставлять столь важный центр торговли, Ригу, под суверенитетом такого нестабильного государства, как Польша! В Петербурге, правда, понимали, что подобного риторического аргумента может оказаться недостаточно. Поэтому Куракина снабдили целым мешком подарков. Он должен был соблазнить англичан, а заодно и голландцев выгодным торговым договором с Россией и, кроме того, получил в свое распоряжение 200 тысяч гульденов для подкупа нужных людей.

Удивительным было не то, что в Лондоне стряпали один проект за другим, а то, что пребывавшие там голландские дипломаты об этом мало что знали. Усердный посол Генеральных штатов Филипс Якоб ван Борсселе ван дер Хоге регулярно посылал великому пенсионарию Хейнсиусу донесения, но речь в них шла больше о внутренней расстановке сил в Великобритании, чем о внешней ее политике. Не лучше обстояло дело и с собственным агентом Хейнсиуса. Хотя он и сообщил в Гаагу о прибытии в британскую столицу Куракина для поздравления короля Георга со вступлением на престол⁹, однако никаких предположений о том, почему же Куракин задержался при британском дворе на несколько недель, мы в отчетах этого агента не находим. Правящие круги Республики оставались не в курсе двойной игры британско-ганноверской верхушки: проповедовать нейтралитет и в то же время готовить войну.

Пока антишведская коалиция расширялась, Карл XII готовился к новой фазе конфликта. Вернувшись в подвластные ему земли, он решил остаться на южном побережье Балтики, в Штральзунде, и оттуда руководить обороной своей державы. Преимущество этого плана состояло в том, что противники, в том числе Россия, должны были теперь направить удар на швед-

---

⁸ Об этой инструкции см.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. СПб., 1896. Т. III. С. 340 и сл.; *Wittram R.* Peter I. Bd. 2. S. 267.

⁹ De briefwisseling. Deel XVI, René de Saunière de l'Hermitage aan Heinsius, 20.11.1714.

ские владения в Германии, а не на саму Швецию. К тому же Штральзунд легко было снабжать припасами из Швеции, что позволяло оборонять этот город дольше¹⁰. Однако все зависело от военных сил шведов.

С этой точки зрения весна 1715-го принесла с собой хорошие новости. Ульрика Элеонора, младшая сестра Карла, в марте вышла замуж за Фридриха, сына ландграфа Гессен-Кассельского. В войне за испанское наследство Фридрих снискал себе репутацию героя, возглавляя гессен-кассельский вспомогательный корпус на службе голландских Генеральных штатов и сражаясь бок о бок со знаменитым герцогом Мальборо. Поскольку у Карла XII детей не было, Фридрих надеялся, что именно Ульрика Элеонора сменит брата на шведском престоле. Впрочем, сам Карл преемника себе не назначил, не желая выбирать между сестрой и племянником, герцогом Гольштейн-Готторпским, сыном покойной старшей сестры короля. Тем не менее ландграф Гессен-Кассельский, отец жениха, брачный контракт одобрил, и это дало Карлу возможность укрепить свои силы гессенскими полками. В Касселе так боялись экспансионистских устремлений Дании и Пруссии, что готовы были сделать ставку даже на захромавшую шведскую лошадь.

Но чем было Швеции платить гессенским солдатам? К счастью для Стокгольма, версальский двор по окончании войны за испанское наследство задумал возобновить свой старый союз со Швецией. Шведы заявили о своих гарантиях Баденскому мирному договору 1714 г. между французским королем и императором. Французы же гарантировали Оливский мир, который шведы в 1660 г. заключили с Польшей и по которому Лифляндия осталась под властью шведского монарха. Учитывая притязания на Лифляндию с Ригой, выдвинутые русским царем, то был со стороны Франции недвусмысленный политический сигнал. Однако еще важнее было желание престарелого Людовика XIV помочь союзнику деньгами. До конца войны Швеция должна была получать по 600 тысяч риксдалеров ежегодно¹¹.

Свои меры для пополнения шведской казны принял и сам Карл XII. Он отдал на откуп сбор таможенных платежей и разрешил ввоз контрабанды при условии уплаты 8-процентной пошлины. Поскольку полновесные серебряные монеты все боль-

---

¹⁰ Hatton R. Charles XII of Sweden. P. 398–399.

¹¹ Ibid. P. 394.

ше исчезали из денежного оборота и для того, чтобы оставшиеся не уплыли из Швеции, им на смену были введены «чрезвычайные деньги», отчеканенные из меди. Кроме того, Западная Европа очень зависела от поставок высококачественного шведского железа, поэтому повысить экспортные пошлины было трудно. На железные бруски пошлину подняли с 10 до 25%, а на необработанное железо даже с 20 до 84%! Это ударило прежде всего по купцам из Голландии, ибо перевозкой железа занимались в основном они. В довершение всех бед шведы решились в феврале 1715 г. на новые меры, регулирующие каперство на Балтике, в результате которых почти каждое голландское судно там могло отныне стать жертвой шведских каперов, независимо от того, направлялось ли оно в порты, принадлежавшие раньше Швеции, или нет. Тем самым Стокгольм надеялся окончательно парализовать торговлю, осуществлявшуюся через порты, которые попали в руки русских. А если бы такая торговля все же продолжалась, шведскую казну пополняли бы доходы от продажи перехваченных кораблей и грузов¹².

В Голландии и так уже возмущались действиями шведов на Балтике, а их новые, более жесткие меры еще подлили масла в огонь. В Гааге открыто говорили о «морском разбое»¹³. Естественно, опять зазвучало громче требование обеспечить торговым судам охрану. Особенно амстердамские купцы настаивали на посылке конвоя¹⁴. Но кто будет за это платить? После долгих обсуждений решили просить голландскую Ост-Индскую компанию выплатить авансом один миллион 138 тысяч гульденов в счет налогов компании в казну Республики¹⁵. Компания не особенно противилась этому, но требовала на указанный период охранных гарантий от адмиралтейств провинций. Снаряжение балтийской эскадры не должно было происходить за счет эскортов для судов, которые уходили в Ост-Индию¹⁶. Гарантии были даны.

Однако не все провинции Республики поддерживали идею об отправке конвоев. В Генеральных штатах великому пенсионарию Хейнсиусу и делегатам от провинции Голландия пришлось оказать на некоторые провинции мощное давление. Утрехт и Зелан-

---

¹² Ibid. P. 399–400.

¹³ RSDH 241. Palmqvist till Rådet, oktober 1714–mars 1715.

¹⁴ Ibid. Februari–april 1715.

¹⁵ GAA. Missiven Gedeputeerden ter Dagvaart, 16.02, 21.02.1715.

¹⁶ Ibid. 14.03.1715.

дия в конце концов согласились, выразив, однако, опасение, что «такая экспедиция навлечет на нас новую войну»¹⁷. Тут они попали в самую точку, ведь в Гааге уже ходили всевозможные слухи о переговорах между Россией, Данией, Пруссией и Ганновером о разделе шведских владений¹⁸, а дипломаты из Швеции и Франции неустанно указывали Генеральным штатам на воинственные намерения ганноверского курфюрста, который теперь, в качестве короля Великобритании, пытался использовать новые силовые средства, главным образом военно-морские. Голландцам, повторяли наперебой Пальмквист и де Шатонёф, не следует подыгрывать Георгу I и давать вовлечь себя в авантюру. Но Хейнсиус, секретарь Генеральных штатов Франсуа Фагел и секретарь Государственного совета Симон ван Слингеландт стояли на своем: голландская торговля нуждается в охране¹⁹. В итоге де Шатонёф, а за ним и посланник ландграфа Гессен-Кассельского могли посоветовать своему шведскому коллеге только одно: не давать Голландии и Великобритании поводов для вмешательства²⁰, препятствуя их балтийской торговле. Ведь у Швеции и так уже достаточно врагов!

В конце апреля Пальмквист надолго слег в постель. Причина была проста. Вот уже несколько месяцев, как посланник получил новое назначение: его произвели в гофканцлеры²¹. В ответ он то и дело писал в Стокгольм, что средств для поездки у него слишком мало и нужно еще 15 тысяч риксдалеров. Но шло время — и тон дипломата становился все отчаяннее. В середине марта Пальмквист сообщил, что денег ему хватит всего на шесть недель. Он умолял Карла XII для спасения собственной же чести проявить христианское милосердие²². Получил ли он деньги, источники умалчивают. С апреля посланник не покидал постели. Это явно было лучшим способом сэкономить. В начале сен-

---

¹⁷ Ibid. 19.03.1715.

¹⁸ RSDH 241. Palmqvist till Carl XII, 02.03.1715. Секретарь шведской миссии в Гааге Йоахим Фредерик Прейс доложил своему королю, что Генеральные штаты вначале хотели послать в Балтийское море 24 корабля, но потом сократили их число до 12. И не только из-за нехватки денег, но и из-за того, что в Гааге втайне опасались быть вовлеченными британским монархом в войну. (RSDH 340. Joachim Frederik Preis till Carl XII, 23.02.1715).

¹⁹ RSDH 241. Palmqvist till Carl XII, 16.03.1715.

²⁰ RSDH 241. Palmqvist till Carl XII, 16.03, 23.03, 06.04.1715.

²¹ Ibid. 15.12.1714.

²² Ibid. 16.03.1715.

тября, попросившись с Хейнсиусом, с которым Пальмквист все эти месяцы поддерживал контакт²³, он отбыл из Гааги в Амстердам. Вероятно, он нашел необходимую финансовую поддержку у кого-либо из купцов. После чего вернулся в Швецию. Еще с июня всю переписку шведской миссии со Стокгольмом вел секретарь Йоаким Фредерик Прейс²⁴.

Когда же в конце сентября Прейс собрался переселиться в здание своего посольства, его французский коллега решительно отсоветовал ему это делать. Ведь де Шатонёфу стало известно, что в ночь на 19 сентября привратник шведского посольства там повесился. Полиции пришлось в здание войти и его опечатать. Предстояло еще установить, что это шведская территория, а потому Прейс поселился пока на постоялом дворе. Конечно, он делал все, чтобы дело получило как можно меньше огласки, ибо репутации его страны она могла лишь повредить. Нетрудно предположить, что самоубийство привратника было связано с отъездом Пальмквиста. Не один же только посланник остался без средств и весь в долгах, но и персонал миссии. Отъезд Пальмквиста означал, что о деньгах можно забыть...²⁵

В результате Швеция в течение весны-лета 1715 г. не была представлена в Гааге так, как того требовало общее положение дел. И это в период, когда число врагов у Карла XII увеличилось. Еще в марте острова Воллин и Узедом, относившиеся к шведской Померании, захватил прусский король Фридрих-Вильгельм I, заявив, что они могут служить базой для нападения на Польшу. В середине апреля Карл показал, что с ним шутки плохи: превосходящие шведские силы изгнали пруссаков с острова Узедом. Прусский монарх воспользовался этим инцидентом для оправдания того, что давно уже собирался сделать, а именно объявить шведам войну. Одновременно нанес удар и король Георг I: в конце июня он заверил датчан, что британские военные корабли под предлогом охраны торговых судов будут использованы для боевых действий. Они могли бы воспрепятствовать шведам снабжать всем необходимым свои владения в Штральзунде и на острове Рюген²⁶.

Между тем в британских и голландских портах началась наконец конкретная подготовка к отправке эскадры на Балтику. Из

²³ De briefwisseling. Deel XVII, 1998, Heinsius aan Buys, 11.07.1715.

²⁴ RSDH 340. Preis till Henric Gustaf von Müllern, 29.06.1715.

²⁵ RSDH 340. Preis till Carl XII, 27.09.1715.

²⁶ *Hatton R.* Charles XII of Sweden. P. 402–403.

Лондона, куда в конце февраля прибыл новый посол Республики Аренд ван Вассенар-Дёйвенворде, опытный дипломат и личный друг Хейнсиуса²⁷, передали Генеральным штатам просьбу о том, чтобы инструкция для командующего голландской эскадрой была составлена в выражениях как можно более общих. Георг I и его ганноверско-британское окружение надеялись исподволь вовлечь голландские военные корабли в боевые действия против шведов²⁸. Хейнсиус и голландские адмиралтейства отнеслись к просьбе англичан без всякого недоверия. По мнению Хейнсиуса, командующему эскадрой следовало предоставить даже право силой освобождать захваченные шведами голландские суда²⁹, а это ведь лишь приблизило бы военно-морское столкновение со Швецией. К досаде великого пенсионария, те провинции Республики, которые расположены дальше от побережья, к такому столкновению готовы не были и, напротив, хотели его избежать. Так что задача, поставленная перед эскадрой, ограничивалась эскортированием торговых судов.

В Лондоне посол Аренд ван Вассенар в доверительном разговоре с местными дипломатами услышал, что и командующий британской эскадрой получил такие же полномочия³⁰. Да иначе и быть не могло, полагал посол. Только через несколько дней князь Куракин рассеял иллюзии своего голландского коллеги. Полномочия британского адмирала оказались гораздо шире: ему дали право в случае захвата шведами кораблей из Великобритании осуществлять карательные операции, нападая на шведские транспортные суда. Главной целью британской эскадры было сорвать доставку шведами продовольствия в подвластный им Штральзунд и на остров Рюген³¹.

Ни сам голландский посол, ни Хейнсиус, которому он посылал свои донесения, поначалу не поверили русским намекам на коварство англичан³². Но после того, как великий пенсионарий также по другим каналам получил сведения о поведении своих

---

²⁷ De briefwisseling. Deel XVII. P. VIII.

²⁸ Hatton R. Diplomatic Relations. P. 76.

²⁹ De briefwisseling. Deel XVII, Heinsius aan Arent van Wassenaer-Duyvenvoorde, 10.05, 21.5.1715.

³⁰ De briefwisseling. Deel XVII, Van Wassenaer aan Heinsius, 24.05.1715.

³¹ Ibid. 31.05.1715. См. также: Hatton R. Diplomatic Relations. P. 76–77.

³² De briefwisseling. Deel XVII, Heinsius aan Van Wassenaer, 04.06.1715; Van Wassenaer aan Heinsius, 04.06.1715.

союзников, ему пришлось наконец поверить, что британский флот готов помогать датчанам в завоевании шведской Померании. И можно было ожидать, что после этого ганноверские войска займут Бремен и Верден³³. Вывод Хейнсиуса был очевиден: «Мы будем вынуждены использовать намного больше мер предосторожности»³⁴. Впрочем, посол Арент ван Вассенаар еще продолжал слепо доверять своим британским собеседникам. Глаза его открылись лишь тогда, когда Хейнсиус поручил ему узнать причину такого поведения англичан и те без всякого стеснения указали ему на немецкое окружение Георга I³⁵. Самым важным во внешней политике Великобритании стало присоединение Бремена и Вердена к Ганноверу.

Следовало ли в этих условиях голландской эскадре сотрудничать с англичанами, и если да, то как? Ответ, разумеется, должны были дать в Гааге. Хейнсиус, с одной стороны, написал своему послу в Лондон, что «здесь [в Гааге] не прибегнут легко к тому методу Англии в отношении судов, захваченных шведами». Иными словами, наступательные операции против шведов недопустимы. С другой же стороны — «нельзя будет отмолчаться, а надо будет тем или иным образом вместе [с Великобританией] возвысить голос»³⁶. Проще говоря: с англичанами сотрудничать, однако боевых действий вместе с ними не вести!

В тот же контекст вписывалось решение Генеральных штатов направить своего посланника в Берлине, где он все равно мало чем был занят, с поручением в Штральзунд, дабы убедить Карла XII возместить голландцам ущерб за их захваченные шведами суда³⁷. В Гааге, конечно же, понимали, что шансов на успех этой миссии почти нет, но речь шла на самом деле о другом — о том, чтобы выиграть время. Конфронтации со Швецией голландские власти не хотели, но и идти наперекор британскому королю было неразумно. Ведь именно Георг I выступал посредником в нескончаемых переговорах между Гаагой и Веной о размещении голландских гарнизонов в некоторых крепостях Южных (Австрийских) Нидерландов, т.е. на землях будущей Бельгии. То был один из немногих доставшихся Республике плодов войны за

---

³³ *Hatton R. Diplomatic Relations. P. 77.*

³⁴ *De briefwisseling. Deel XVII, Heinsius aan Van Wassenaer, 02.07.1715.*

³⁵ *De briefwisseling. Deel XVII, Van Wassenaer aan Heinsius, 25.06.1715.*

³⁶ *De briefwisseling. Deel XVII, Heinsius aan Van Wassenaer, 05.07.1715.*

³⁷ *De briefwisseling. Deel XVII, Heinsius aan Buys, 11.07.1715.*

испанское наследство, и портить настроение королю-курфюрсту голландцам было не с руки³⁸.

Правительство Его Величества и адмирал сэра Джон Норрис, которому предстояло командовать британской эскадрой на Балтике, настаивали на наступательных действиях в отношении шведов. Командующий голландским флотом шаутбенахт Люкас де Вет с этим вначале соглашался. Он готов был даже к совместной экспедиции к острову Борнхольм, дабы воспрепятствовать шведским перевозкам из порта Гётеборг в Штральзунд, а ведь для этого надо было выставить не менее 12 тысяч моряков³⁹. К счастью для голландцев, из-за бесконечных проволочек до подобной экспедиции дело не дошло. Трудно понять, как представлял себе шаутбенахт де Вет собственную роль при нападении англичан на шведские транспортные суда. Шведы, несомненно, оказали бы сопротивление, и голландцам вряд ли удалось бы остаться в стороне.

Несколько недель спустя позиция командующего голландской эскадрой изменилась. На военном совете 25 июля он заявил, что при наступательных действиях против шведского флота помогать англичанам не будет. А так как шведский флот численно превосходил британскую эскадру и адмирал Норрис должен был еще конвоировать британские торговые корабли, англичанам ничего не оставалось, как сосредоточиться на этой, оборонительной, задаче. Было принято совместное решение идти из Данцига в Ревель и там ожидать британские и голландские суда, возвращающиеся из Петербурга⁴⁰. Таким образом, англичане вынуждены были подстроиться под голландцев, а не наоборот.

В Лондоне послу Аренту ван Вассенару пришлось выслушать больше всего комментариев, естественно, от ганноверцев. Так, министр фон Бернсторфф напрямик спросил его, не может ли шаутбенахт де Вет получить указания более решительные. Посол отбил мяч, ответив, что провинция Голландия поначалу готова была пойти и дальше, но, когда британские дипломаты заверили, что адмиралу Норрису даны такие же инструкции, как и де Вету, провинциальные штаты Голландии больше не считали нужным оказывать давление на другие провинции Респуб-

---

³⁸ *Hatton R. Diplomatic Relations. P. 78–79.*

³⁹ *De briefwisseling. Deel XVII, Lucas de Veth aan Heinsius, 07.07.1715.* Подробнее об этом см.: *Hatton R. Diplomatic Relations. P. 78–79.*

⁴⁰ *De briefwisseling. Deel XVII, De Veth aan Heinsius, 27.07.1715.*

ки. К тому же Лондону надо было вести себя более откровенно с Гаагой — это подчеркивал также Хейнсиус⁴¹.

Тем временем голландская эскадра не спеша двигалась на запад и к 20 сентября вошла в пролив Эресунн между датским островом Зеландия и Швецией. Столкновения со шведами не произошло, и де Вет потерял только один корабль, который близ острова Хогланд налетел на скалу и вскоре затонул. Из-за плохой погоды несколько десятков человек во главе с капитаном спасти не удалось⁴². Норрис же лучшую часть своей эскадры, восемь судов, предоставил в распоряжение датчан, благодаря чему они смогли помешать доставке шведами продовольствия в Штральзунд и на Рюген. Датский двор был настолько доволен помощью со стороны англичан, что в середине октября оккупированные датскими войсками части герцогств Бремен и Верден были переданы Ганноверу⁴³. Тем самым британский король, он же курфюрст Ганноверский, значительно продвинулся на пути к окончательной аннексии этих шведских территорий.

История балтийской экспедиции 1715 г. показала, насколько восшествие на престол в Лондоне Георга I и вступление Ганновера в антишведскую коалицию осложнили внешнюю политику Республики. Между интересами Лондона и Гааги постепенно выявлялись противоречия. Великобритания примкнула фактически к врагам Швеции, Голландия же по-прежнему придерживалась в Северной войне строгого нейтралитета. Теоретическим фундаментом этого нейтралитета была защита старинного принципа «*mare liberum* (свобода морей)», а практическим — отправка на Балтику нескольких военных кораблей. Проблема, однако, в том, что Республика не обладала полной свободой действий. Затянувшиеся трудные переговоры с императором Священной Римской империи по поводу гарнизонов в Южных Нидерландах делали голландцев зависимыми от их соседа на том берегу Северного моря.

Но дело было не только в этом. Хейнсиус и другие руководители Республики психологически еще не готовы были отмежеваться от своего старого союзника в войне за испанское наследство. Приверженцы так называемой «политики уверенности»⁴⁴, которая

---

⁴¹ De briefwisseling. Deel XVII, Van Wassenaer aan Heinsius, 09.08.1715; Heinsius aan Van Wassenaer, 13.08.1715.

⁴² De briefwisseling. Deel XVII, De Veth aan Heinsius, 04.09, 24.09.1715.

⁴³ *Hatton R.* Charles XII of Sweden. P. 406.

⁴⁴ *Aalbers J.* De Republiek. Deel1. P. 35–46.

в 1715–1717 гг. определяла внешнеполитический курс страны, они в первые годы после Утрехтского мира продолжали считать главной угрозой европейскому равновесию Францию. Поэтому казалось совершенно необходимым вдохнуть новую жизнь в старое сотрудничество между императором, Великобританией и Голландией, хотя из-за переговоров о гарнизонах отношения Гааги и Вены были далеки от идиллии.

«Политике уверенности» противостояли приверженцы нейтралистской «политики неучастия»⁴⁵, особенно многочисленные в правящих кругах Амстердама. С точки зрения этой группы Генеральным штатам не следовало вмешиваться в международные конфликты. Союзы, даже оборонительные, вредят государственным интересам, поскольку всегда есть риск дать себя вовлечь в войну ради чужих держав. В центр всего надлежало поставить, как и в XVII в., торговые позиции Республики и ее благосостояние. Возможное участие страны в новом европейском конфликте причинило бы лишь ущерб ее коммерческим интересам, чем не преминули бы воспользоваться ее конкуренты. И та, и другая партия сходились на том, что высшей политической целью должно быть «общественное спокойствие».

В 1715–1717 гг. в Нидерландах доминировала, как сказано, «политика уверенности». Однако в политико-дипломатическом мире той эпохи уже мало в чем можно было быть уверенным. 1 сентября 1715-го скончался Людовик XIV, «христианнейший Марс», как не особенно лестно, но точно назвал его философ Лейбниц. В политике Франции, которой при малолетнем Людовике XV руководил регент, герцог Филипп Орлеанский, возобладавало миролюбие. Чтобы рассеять застарелое недоверие Великобритании и Голландии к Франции, регент открыто стремился к сближению с ними⁴⁶.

Насколько намерения французов изменились, выяснилось сразу. В том же сентябре в Шотландии вспыхнуло восстание в пользу претендента на британский престол из династии Стюартов. Еще в 1701 г. Людовик XIV признал этого претендента законным королем Англии и Шотландии. Также на севере Англии часть дворянства подняла мятеж против Георга I. Однако уже в конце месяца стало ясно, что поддержки со стороны Франции

⁴⁵ Ibid. Deel I. P. 26–60.

⁴⁶ Hatton R. Diplomatic Relations. P. 87–114.

восставшие не получат⁴⁷. То был явный разрыв с предшествующей политикой Версаля, нацеленной на то, чтобы разжигать беспорядки на противоположном берегу Ла-Манша. Отныне «протестантскому престолонаследию» в Великобритании французы ничем не угрожали.

При всем том восстание в Шотландии и само по себе представляло для Ганноверской династии немалую опасность. В начале октября голландский посол в Лондоне сообщил Хейнсиусу о слухе, ходившем при британском дворе, будто король намерен попросить своего голландского союзника прислать 6000 солдат. У короля Георга солдат хватало, но они были размещены в гарнизонах и должны были там оставаться⁴⁸, ведь мятеж мог вспыхнуть где угодно. Так что правительству Его Величества нужны были дополнительные воинские части. В середине октября Горацио Уолпол, новый британский посол в Гааге, передал Генеральным штатам официальную просьбу о помощи⁴⁹, формально основанную на том, что Республика в свое время дала гарантии относительно «протестантского престолонаследия» в Великобритании⁵⁰.

А для голландцев, как, впрочем, и для англичан, одно было связано с другим. Коль скоро британский монарх так явно нуждался в голландцах, то появилась возможность сразу решить еще одну проблему. Посол Арент ван Вассенаар сформулировал это со всей ясностью, заявив в Лондоне, что трудно ждать от Республики отправки войск, пока не достигнуто согласия с императором Священной Римской империи по вопросу о голландских гарнизонах в Южных Нидерландах. Нельзя же предоставлять императору полную свободу рук на этих территориях⁵¹. А значит, Великобритания как посредник должна приложить больше усилий к тому, чтобы переговоры, которые давно уже

---

⁴⁷ De briefwisseling. Deel XVII, Heinsius aan Van Wassenaer, 27.09.1715.

⁴⁸ De briefwisseling. Deel XVII, Van Wassenaer aan Heinsius, 08.10.1715.

⁴⁹ Насколько изменчивы были настроения в Великобритании, видно из такого факта: другой британский дипломат, Уильям Кадоген, поначалу во всеуслышанье объявил, что король Георг и не думает обращаться за помощью к голландцам, поскольку располагает вполне достаточными военными силами (RSDH 340. Preis till Von Müllern, 15.10, 19.10.1715).

⁵⁰ De briefwisseling. Deel XVII, Heinsius aan Van Wassenaer, 18.10.1715.

⁵¹ О том, что в Гааге этого опасались, см.: RSDH 340. Preis till Von Müllern, 15.10.1715.

шли в Антверпене, поскорее завершились. Подразумевалось, естественно, что англичане окажут на императорское правительство в Вене некоторое давление.

События в Шотландии поставили британского монарха перед дилеммой. Он, конечно, мог бы — в качестве посредника на переговорах в Антверпене — более активно поддерживать голландцев. Но не слишком ли это обидит венский двор, а ведь Лондону нужно согласие императора на аннексию ганноверцами Бремена и Вердена... Надлежало проявлять осторожность и искусно лавировать. Вместе с тем восстание в Шотландии грозило ни много ни мало лишить короля Георга его трона, поэтому никак нельзя было обойтись без того, чтобы голландцев, как у них говорят, пощекотать под подбородком. И вот уже 18 октября 1715 г. Хейнсиус уведомил своего посла в Лондоне, что в переговорах с императором наметилось ускорение. При этом великий пенсионарий с сожалением констатировал, что все-таки «с императором обходятся доверительнее, чем с нами, и проявляют больше сдержанности в отношении наших выгод...» Пристрастность англичан как посредников между Гаагой и Веной вызывала у Хейнсиуса не меньше досады, чем их двуличие при подготовке совместной военной экспедиции на Балтике⁵².

Тем не менее в вопросе о помощи британскому союзнику Генеральные штаты действовали без колебаний. Всего через несколько дней после того, как «Высокомочные» получили из Лондона официальную просьбу о военной поддержке, они согласились отправить войска в Шотландию. Контингент, насчитывавший 6000 человек, состоял наполовину из солдат Республики, наполовину же из наемников-швейцарцев. Перед отправкой всем им на скорую руку выплатили задержанное жалованье за семь месяцев, иначе они отказались бы выступить в поход. Назначенный Генеральными штатами командующий попытался, ссылаясь на свой почтенный возраст, уклониться от этой чести. Он опасался — и не он один, — что прибытие голландских войск в Шотландию принесет интересам короля Георга скорее вред, чем пользу. Словом, далеко не все в Гааге верили в успех этой миссии⁵³.

Но всё обошлось. Когда к концу ноября войска из Голландии добрались до места назначения, восстание против монарха из Ганноверской династии уже сходило на нет. Правда, прислан-

---

⁵² De briefwisseling. Deel XVII, Heinsius aan Van Wassenaer, 18.10, 22.10.1715.

⁵³ RSDH 340. Preis till Carl XII, 26.10.1715.

ные солдаты еще пригодились для ликвидации разрозненных очагов сопротивления. Как бы то ни было, тот факт, что Генеральные штаты с такой готовностью поспешили на помощь своему британскому союзнику, произвел на всех большое впечатление. А то, что восставших не поддержала Франция, свидетельствовало о существенном изменении позиции версальского двора. Внешняя политика регента Филиппа Орлеанского выглядела куда более осмотрительной, чем политика Людовика XIV.

О том же говорили и другие сигналы. В середине октября регент решил прощупать через послов Великобритании и Голландии в Париже, нельзя ли заключить между этими тремя державами оборонительный союз. Посол Республики Виллем Бейс, признав, что в прошлом был против сближения с Францией, отнесся теперь к такой идее положительно. Он отметил, что отныне речь шла о «другой системе», и это заставляло подумать. В своем донесении Хейнсиусу от 25 октября Бейс одобрительно отозвался о своем разговоре с членом регентского совета Николя дю Бле. Тот не скрывал, что покойный «король-солнце» был неприкрытым сторонником претендента на британский престол из династии Стюартов и Карла XII Шведского (в Голландии оба они вызывали лишь отвращение), однако теперь, по словам дю Бле, наступили иные времена и уместно кое-что пересмотреть⁵⁴. Из донесения ван Вассенара из Лондона следовало, что и там к предложениям французов отнеслись благожелательно. А если императору в Вене они не понравятся — что ж, так тому и быть⁵⁵.

Акции голландцев на берегах Темзы заметно повысились. И быстрая помощь войсками, которую оказал англичанам их союзник, и предложения французов укрепили в столице Великобритании ощущение, что без Республики ничего не сделаешь. Но приведут ли эти изменения в отношении Лондона к Гааге к благоприятным для голландцев сдвигам в позиции императора на переговорах в Антверпене? В начале ноября таких сдвигов было еще не видно⁵⁶. Недовольны были в правящих кругах Республики также самим посредником на переговорах — британским дипломатом в Брюсселе Уильямом Кадогеном. Его считали слишком вспыльчивым и нетерпеливым⁵⁷.

---

⁵⁴ De briefwisseling. Deel XVII, Buys aan Heinsius, 18.10.1715.

⁵⁵ De briefwisseling. Deel XVII, Van Wassenaer aan Heinsius, 01.11.1715.

⁵⁶ De briefwisseling. Deel XVII, Heinsius aan Van Wassenaer, 05.11.1715.

⁵⁷ Подробнее об этом см.: *Nimwegen van O. De Republiek*. P. 25–35.

Еще одна проблема была связана с темой религии. Представители Генеральных штатов и императорского двора на переговорах резко расходились во мнениях о том, позволительно ли будет солдатам и офицерам голландских гарнизонов в католических Южных Нидерландах практиковать свою, кальвинистскую религию. В этом деле голландцам от англичан мало было проку. Посол в Лондоне Арент ван Вассенар только вздыхал: чего и ждать «в делах веры от людей, которые вопросу такой важности не уделяют никакого внимания и прибегают к услугам тех, в ком, прости Господи, веры или мало, или нет совсем»⁵⁸. Иначе говоря, религиозные аспекты британское правительство и его представителей на переговорах в Антверпене практически не интересовали. И все же англичане ясно дали понять, что заключение договора между Генеральными штатами и императором следует ускорить. 16 ноября голландский дипломат Брюно ван дер Дюссен доложил в Гаагу, что дело сделано.

Договор 1715 г. стал чувствительным поражением Вены и триумфом для Гааги. Республика получила в Южных (Австрийских) Нидерландах право держать гарнизоны в восьми крепостях, причем в одной — вместе с гарнизоном австрийцев. На северо-западе и северо-востоке Южных Нидерландов венский двор пошел даже на территориальные уступки голландцам. Несмотря на то, что австрийцы были переговорщиками жесткими и для достижения соглашения понадобилось не менее 52 заседаний и множество перерывов, на плечи жителей будущей Бельгии легло тяжелое бремя. Они должны были ежегодно выплачивать на содержание голландских гарнизонов 1 миллион 400 тысяч гульденов. Еще 700 с лишним тысяч причиталось Республике в качестве процентов по старому долгу в 15 миллионов гульденов. В основе этого долга лежали главным образом затраты голландцев на оккупацию Южных Нидерландов в 1701–1715 годах.

Всего же австрийский наместник в Брюсселе обязан был выплачивать Гааге свыше двух миллионов, что составляло треть годовых доходов его администрации. Более того, в случае задержек с выплатами голландцы имели право применить силу. Если добавить, что Южным Нидерландам не разрешалось производить никаких изменений в своей таможенной и торговой политике без

---

⁵⁸ De briefwisseling. Deel XVII, Van Wassenaer aan Heinsius, 12.11.1715.

согласия Гааги и Лондона, то станет ясно, насколько Северные Нидерланды (Республика) держали Южные в кулаке⁵⁹. У голландцев появилось что-то вроде еще одной колонии. Неудивительно, что когда их представитель Брюно ван дер Дюссен 15 ноября ехал для торжественного подписания договора в антверпенскую ратушу, местное население осыпало его ругательствами.

А как обстояло тем временем дело с королем шведским? В тот же день 15 ноября около 15 тысяч солдат Пруссии и Дании высадились на принадлежавшем шведам острове Рюген. В ту ночь Карл XII попытался с небольшой армией в 3000 человек отразить вторжение и сам, как обычно, сражался в первых рядах. Однако компенсировать храбростью свою численную слабость шведам не удалось, и вскоре они отступили в Штральзунд. Там шведский гарнизон продержался еще месяц с небольшим. 22 декабря Карл разрешил переправить его в лодке с гребцами на стоявший на штральзундском рейде шведский военный корабль. Королю повезло, что зимняя непогода затрудняла действия вражеских флотов. На следующий день Штральзунд, главный шведский бастион на территории Германии, капитулировал. Не прошло и 12 часов, как утром 24 декабря Карл сошел возле Треллеборга на берег собственно Швеции — после более чем 15-летнего отсутствия.

Выдерживая осаду в Штральзунде, даже он вынужден был наконец задуматься о заключении мира и о возможных конкретных уступках своим противникам. Через графа де Круасси, французского дипломата, находившегося при нем в Штральзунде, король уведомил Пруссию о готовности отдать ей Штеттин. Он также согласился признать Августа Саксонского королем Польши. За это он хотел гарантий, что Штральзунд и Рюген останутся шведскими. Но уступки Карла запоздали. Еще 18 ноября Дания и Пруссия договорились о разделе всей шведской Померании. Границей между областями, занятыми прусскими и датскими войсками, должна была стать река Пеене. На Рюген был назначен датский губернатор⁶⁰. Предложения Карла его противников больше не интересовали: типичный пример нередкой в истории ситуации, описываемой словами «слишком мало и слишком поздно». К тому же шведский монарх сделал уступки лишь Пруссии и Саксонии, поэтому войну с другими противниками (Данией

---

⁵⁹ *Lenders P. De Zuidelijke Nederlanden 1715–1740. Politieke Ontwikkeling // Algemene Geschiedenis der Nederlanden. Haarlem, 1980. Deel IX. P. 60–61.*

⁶⁰ *Hatton R. Charles XII of Sweden. P. 410–411.*

Брюно ван дер Дюссен.
*Частная коллекция Ханса ван Конингсбрюгге.
Фото: Николас Крафт ван Эрмел*

и Россией) в любом случае предстояло продолжать. Вызывает удивление, что Карл не пошел на соглашение с Россией. Без нее антишведская коалиция выдохлась бы и шансы Швеции улучшились бы. Теперь же ничего не оставалось, как воевать дальше.

В Гааге обо всем этом знали мало. Генеральные штаты, как уже говорилось, поручили своему посланнику в Берлине съездить к Карлу в Штральзунд, но прусские власти помешали дипломату это сделать. Ему предложили отправиться в шведскую ставку морем⁶¹ — вежливая манера затянуть дело. Только князь Куракин, обосновавшись в Грейфсвальде, недалеко от Штральзунда, по старой дружбе иногда извещал Хейнсиуса о том, как идет Северная война.

Год 1715-й оказался для голландцев не особенно удачным. Шведская морская блокада на Балтике продолжалась. Лишь чудом, благодаря больше везению, чем мудрой политике, Республике удалось не дать себя вовлечь в вооруженный конфликт со шведами. Кроме того, в середине октября чинить препятствия голландской торговле на Балтийском море начала также Дания. В Копенгагене потребовали, чтобы все корабли, следующие в нейтральные порты, предъявляли документ о том, что они «не везут грузов, принадлежащих подданным шведской короны и не направляются ни в какие места, находящиеся под властью короля Швеции»⁶². Если такого документа капитан предъявить не мог, судно рисковало быть захваченным датчанами. Понятно, что Генеральные штаты стали настаивать, чтобы Дания отменила эти меры, но акция датчан еще раз показала, насколько уязвимы голландские купцы на Балтике, став игрушкой в руках воюющих держав. И все это в период, когда Республика из-за хронической нехватки средств ничего не могла предпринять. Как в Гааге, так и в Амстердаме наступления нового года ожидали с трепетом.

---

⁶¹ RSDH 340. Preis till Von Müllern, 09.11.1715.

⁶² NA. Resolutiën Staten van Holland, 25.10.1715.

1716-й: ГОД УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Год начался с важных новостей. 1 января в Гааге стало известно о падении Штральзунда и о бегстве Карла XII в Швецию. На традиционном новогоднем приеме дипломатов великий пенсионарий Республики поздравил секретаря шведской миссии Прейса с тем, что его король счастливо избежал плена. Помимо поздравлений Хейнсиусу нечего было предложить шведу. «Последняя война настолько исчерпала наши финансы, что мы не в состоянии ничего предпринять», — сказал он Прейсу по-французски⁶³. Тем дело и кончилось. Официальной Гааге, конечно, действовало на нервы, что британский король, преследуя интересы своего курфюршества Ганноверского, прямо дожидаться не мог, когда окончательно приберет к рукам земли в устье Эльбы и Везера, а у короля Пруссии после падения Штральзунда руки были развязаны для новых авантур. Однако о вмешательстве Республики нечего было и думать, поэтому оставалось только выжидать.

Не имея возможности заниматься активной дипломатией, секретарь шведской миссии развивал пока в Голландии сеть контактов и каналов информации. Так, в канцелярии Генеральных штатов Прейс сумел подкупить некоего служащего, от которого получал копии донесений голландских дипломатов, включая Якоба де Би, резидента в Петербурге. Немалое внимание шведа привлекал также Амстердам: его беспокоила продолжающаяся вербовка голландцев на русскую службу. В начале февраля 1716 г. Прейсу стало, например, известно, что морскому офицеру по фамилии Схелтинга, состоявшему на службе у царя Петра, было поручено нанять на российский флот несколько сотен офицеров и матросов⁶⁴. Почтовыми каретами их доставляли через Берлин в Данциг, откуда морем отправляли в Петербург.

Разумеется, шведский дипломат потребовал от Хейнсиуса прекращения вербовки. Он подчеркивал, что не в интересах Республики так усиливать главного врага Швеции. Хейнсиус ради приличия выслушивал эти претензии, но, по его собственным словам, поделаться ничего не мог. Он отсылал Прейса к провинциальным штатам Голландии, депутаты провинции переадресо-

⁶³ RSDH 340. Preis till Von Müllern, 04.01.1716.

⁶⁴ RSDH 341. Preis till Von Müllern, 15.02.1716.

вывали его жалобы представителям города Амстердам, а те, в свою очередь, заявляли, что в этом деле компетентны Генеральные штаты⁶⁵. Последнее было, естественно, чистой уловкой, ведь в децентрализованной государственной системе страны городские власти вполне могли при желании ввести эффективный запрет на вербовку моряков или поставку вооружений — была бы политическая воля. То, как шведского дипломата отсылали из одной инстанции в другую, наглядно показывало, что такой политической воли в правящих кругах Амстердама не было. Впрочем, небольшой триумф на долю Прейса вскоре все же выпал: одно голландское судно с сотнями завербованных на русскую службу попало в руки шведов. Из тех, кто направлялся на этом судне в Петербург, большинство вернется на родину лишь три года спустя, совершенно нищими⁶⁶.

Дипломатический ритуал, связанный с охраной торговых судов на Балтике, в новом году начался заново. Британский посол Уолпол в феврале попробовал разузнать у Хейнсиюса, готова ли Республика снова послать в Балтийское море эскадру. Отнюдь не случайно в тот же самый момент купцы, торговавшие с Россией, подали петицию с такой просьбой. Побеседовав с некоторыми депутатами Генеральных штатов, Хейнсиюс убедился, что предвзвешенной интервенцией Республики в балтийском регионе они в небольшой степени разочарованы. Не завладел ли король Георг благодаря голландской эскадре герцогствами Бремен и Верден? Не получили ли затем в городе Штаде, в устье Эльбы британские купцы право беспошлинной торговли, в то время как голландские суда по-прежнему обязаны платить? Своим вмешательством Республика сыграла на руку конкурентам — это не должно повториться!⁶⁷

По мнению самого Хейнсиюса, отправить эскадру было необходимо. Однако счета за экспедицию 1715 г. на общую сумму в полтора миллиона гульденов еще не были оплачены, скорого выхода страны из финансового кризиса не предвиделось — и настроение у великого пенсионария было мрачное⁶⁸. Его посол в Лондоне Арент ван Вассенар тоже пытался найти решение. Нельзя ли предостеречь короля Швеции, чтобы он не посягал на свободу голландской торговли на Балтике, иначе Республи-

---

⁶⁵ Ibid., 22.02, 29.02.1716.

⁶⁶ *Scheltema J.* Rusland en de Nederlanden. Amsterdam, 1817. Vol II. P. 314–319.

⁶⁷ RSDH 341. Preis till Von Müllern, 22.02.1716.

⁶⁸ De briefwisseling. Deel XVII, Heinsius aan Van Wassenaer, 18.02, 21.02.1716.

ка, мол, пошлет эскадру для усиления датского флота? Король Георг, несомненно, поступит так же, а значит, голландцам достаточно будет отправить всего три-четыре корабля⁶⁹. Между тем городские власти Амстердама уведомили и Хейнсиуса, и ван Вассенара, что считают отправку военных судов неизбежной⁷⁰. В конце марта позиция амстердамцев нашла свое официальное выражение в резолюции провинциальных штатов Голландии. Они постановили объявить заем на 400 тысяч гульденов и на эти деньги снарядить шесть кораблей. Как доложил 3 апреля Хейнсиусу его посол в Лондоне, британское правительство, а также прибывший в английскую столицу русский дипломат Куракин были очень довольны резолюцией штатов провинции Голландия. Ван Вассенар добавил, что, по его предположениям, англичане направят на Балтику 15 кораблей⁷¹.

Казалось, все складывается как нельзя удачнее. Но имелись и опасные подводные камни — те же, кстати, что и в 1715 г. Какие инструкции получит британский адмирал Норрис? Должны ли будут обе эскадры, британская и голландская, действовать совместно или порознь? Каковы намерения Лондона, выяснилось быстро. Уже 14 апреля ван Вассенар сообщил оттуда, что британский план предусматривает блокаду Гётеборга или Карлскруны, другого важного шведского порта. Как и в 1715-м, король Георг думал скорее о наступательной операции, чем о простой охране торговых судов⁷². Понятно, что такие инструкции адмиралу Норрису не вызвали у руководителей Республики восторга⁷³. Над голландцами вновь нависла угроза оказаться вовлеченными в большой вооруженный конфликт со Швецией.

Положение спас неожиданный маневр шведов. Еще до падения Штральзунда они разработали подробные планы вторжения в Норвегию, которая находилась под властью датского короля. После того как Карл XII высадился в Швеции и обустроил свою ставку в южной провинции Сконе, откуда поддерживать сообщение со Стокгольмом было гораздо легче, чем из Штральзунда, планы относительно Норвегии в кратчайший срок обрели конкретную форму. Цели вторжения были просты. Захватив часть чу-

---

⁶⁹ De briefwisseling. Deel XVII, Van Wassenauer aan Heinsius, 28.02.1716.

⁷⁰ De briefwisseling. Deel XVII, Heinsius aan Van Wassenauer, 13.03.1716.

⁷¹ De briefwisseling. Deel XVII, Van Wassenauer aan Heinsius, 03.04.1716.

⁷² Ibid. 14.04.1716.

⁷³ De briefwisseling. Deel XVII, Heinsius aan Van Wassenauer, 21.04.1716.

жой территории, шведские войска могли бы жить на ее счет. Кроме того, если шведам удастся овладеть западным побережьем Норвегии, Великобритания для защиты собственных берегов и особенно Шотландии, где все еще тлело восстание против Ганноверской династии, вынуждена будет оставить свои корабли дома, а не посылать их в Балтийское море. Но главным было парализовать объединенные датско-норвежские военные усилия, направленные против Швеции. Заняв норвежские порты, Карл XII ослабил бы позиции датского флота и, вероятно, даже склонил бы Данию к миру. Поскольку датский флот в то время контролировал пролив Эресунн и постоянно сохранялась угроза высадки сил антишведской коалиции в провинции Сконе, молниеносная акция Карла в Норвегии способна была этому воспрепятствовать⁷⁴.

26 февраля шведы несколькими колоннами перешли норвежскую границу. Сам Карл, как обычно, устремился с небольшим отрядом вперед. Близ Хёланда он чуть не угодил в плен, но с подходом основных сил шведов ситуация изменилась и наступление на столицу страны Христианию (ныне Осло) началось. Зимний поход был, конечно, тяжелым, с морозом, метелями, многосуточными ночевками под открытым небом... Население отнеслось к вторгнувшимся войскам враждебно. Духовенство отказалось зачитывать в церквах прокламации Карла, а крестьяне с оружием в руках сопротивлялись реквизициям продовольствия. Более того, немало крестьян вступило добровольцами в датско-норвежское ополчение.

Несмотря на все это, в ночь с 10 на 11 марта шведы Христианию заняли⁷⁵. Однако то была поистине пиррова победа. Норвежские власти не сдались и решили продолжать войну, опираясь на расположенный дальше в глубине страны Йеллебекк. Важнейшая в Норвегии крепость Фредерикстен и прилегающий к ней город Фредериксхальд (сегодня Хальден) тоже остались в руках норвежцев. 22 июня шведы развернули широкомасштабное наступление на город и крепость. Город удалось взять быстро, крепость же оказалась неприступной. Насколько отчаянно сопротивлялось захватчикам мирное население видно из того, что наиболее видные горожане Фредериксхальда настойчиво советовали коменданту соседней крепости поджечь их город, дабы помешать продвижению шведов. В результате поход на

---

⁷⁴ *Hatton R. Charles XII of Sweden. P. 416–417.*

⁷⁵ *Ibid. P. 418–419.*

Норвегию провалился, и большую часть занятых территорий шведам пришлось очистить. Единственный плюс: шведы смогли выиграть время, чтобы организовать оборону своей южной провинции Сконе. Военские части и припасы были сосредоточены вблизи города Мальме. В случае вражеского вторжения предстояло Ландскруну и Хельсингборг сжечь, сделав главным центром обороны крепость Кальмар⁷⁶.

Пока шведы пытались покорить Норвегию, в Гааге наблюдалось дипломатическое оживление. Еще в последние месяцы 1715 г. французский посол де Шатонёф начал прощупывать, есть ли в правящих кругах Республики интерес к заключению новых союзов. Всевозможные предложения выдвигались и отвергались. Один из планов предусматривал совместное провозглашение Венной, Парижем и Гаагой нейтралитета Южных (Австрийских) Нидерландов. От такого окончательного определения статуса территории между Голландией и Францией безопасность обеих держав, безусловно, выиграла бы. И хотя из этого плана ничего не вышло (ведь требовалось также согласие императорского двора в Вене), в Голландии стали относиться к французам гораздо лучше. Военственные устремления эпохи Людовика XIV явно уступили место в Версале позиции более конструктивной.

Сближению голландцев с Францией способствовало и поведение венского двора. Договор о голландских гарнизонах в крепостях Южных Нидерландов был для императора унижительным, так что на доброжелательное отношение со стороны Габсбургов Республика рассчитывать не могла. Это наглядно проявилось в декабре 1715-го, когда войска правящего архиепископа Кёльнского изгнали из Бонна голландский гарнизон, оставшийся там после войны за испанское наследство. Поводом послужило требование голландцев снести городские укрепления, дабы Бонн нельзя было в будущем использовать как базу для нападения на Республику. Правящие круги в Гааге не без оснований полагали, что архиепископ не посмел бы изгнать голландцев без прямого одобрения императора. В ответ Республика отказалась выполнять статью 27 договора о гарнизонах, которая предписывала голландцам вывести своих солдат из Льежа и Юи. Вывод войск отныне увязывался со сносом укреплений в Бонне⁷⁷.

---

⁷⁶ Ibid. P. 422–423.

⁷⁷ Hatton R. Diplomatic Relations. P. 91–92.

В Лондоне на все это смотрели с недовольством. Король Георг, с одной стороны, нуждался в добрых отношениях с императором, мечтая закрепить за своим курфюршеством Ганноверским Бремен и Верден, а с другой, не хотел ссориться и с голландцами. Поэтому уже в декабре британский посол в Гааге предпринял усилия, чтобы помирить Генеральные штаты с императором. То, что предложил Уолпол, было лишь новым вином в старых мехах: почему бы не возобновить оборонительный тройственный союз времен войны за испанское наследство — союз между Священной Римской империей, Голландией и Великобританией? К этому «Высокомочные» были пока не готовы, уж слишком испортились их отношения с Веной. Тем более что императорский двор не шел ни на какие уступки; наоборот, под его военным нажимом Генеральные штаты в феврале 1716 г. вынуждены были все-таки вывести своих солдат из Льежа и Юи.

И все же посол Уолпол не сдавался. Теперь он предлагал возобновить двусторонний британско-голландский оборонительный союз 1714 г., рассчитывая, что в дальнейшем окажется возможным присоединение к этому союзу императора. Великого пенсионария Хейнсiaus со товарищи уговорить удалось, так что в середине февраля соглашение было подписано. Однако в Вене скоро дали понять, что считают вступление императора в союз, созданный без его участия, ниже его достоинства⁷⁸. В действительности же расклад был куда более сложным. По Утрехтскому договору испанские владения в Италии, Неаполь и Сицилия, были разделены. Неаполь достался австрийским Габсбургам, а Сицилия нет. Согласившись просто присоединиться к британско-голландскому альянсу, император слишком связал бы себе руки в Италии. Да и почему бы императору не вести в Италии такую же экспансионистскую политику, какую вел король Георг на севере Германии? Итак, в Вене предпочли не присоединяться к союзу, который сулил его участникам мир и покой, тем более что ходили слухи о возможном вторжении в Италию испанцев.

Но надежды на участие императора в британско-голландском союзе еще не угасли, а тем временем в Гааге, где давно заметили позитивные сигналы из Версаля, прокладывала себе дорогу идея второго пакта — между Голландией, Великобританией и Францией. Эти взаимодополняющие союзы должны были стать основой нового европейского баланса сил. В Гааге оба

---

⁷⁸ Ibid. P. 97.

союза видели чисто оборонительными, призванными защитить Республику от любой агрессии, ведь «Высокомочные» всегда могли бы положиться на военную поддержку со стороны двоих союзников. Вопрос был только в том, вести ли сначала переговоры о первом союзе с участием императора или же заключать оба пакта одновременно. Решающим здесь оказался голос Амстердама. Под влиянием амстердамцев штаты провинции Голландия приняли 30 апреля резолюцию, в которой были латинские слова «*simul et semel* [вместе и сразу]». Предпочтение было отдано заключению обоих союзов одновременно, дабы обеспечить стране максимальную безопасность⁷⁹.

Теперь предстояло еще убедить другие державы, и задача с самого начала оказалась непосильной. В начале июня пришло ошеломляющее известие: британский король заключил с императором отдельный союз на базе экспансионистских устремлений обоих монархов. Чтобы как-то утешить голландцев, им официально предложили к этому союзу присоединиться, однако условия присоединения резко противоречили утвердившейся в Республике идее о необходимости избегать всякого участия в новом международном конфликте. Формально оборонительному характеру союза нисколько не соответствовала открытая готовность короля Георга оказать императору при необходимости вооруженное содействие в захвате Сицилии. С точки зрения Лондона и Вены, Республика должна была заранее объявить, что будет рассматривать возможную войну в Италии как *casus foederis*, т.е. начнет выполнять свои союзнические обязательства. Это, разумеется, означало одобрение и реальную поддержку экспансионистских планов Габсбургов в Италии. Заходить так далеко голландцы не желали. Они ответили отказом — и на идее тройственного союза с британским королем и императором можно было окончательно поставить крест.

Контакты же с Францией, напротив, продолжались. Включение этой страны в оборонительный альянс с двумя великими морскими державами отвечало также интересам Великобритании. Оно предотвратило бы, в частности, чрезмерно активное вмешательство Франции в балтийские дела. Уже 4 января 1717 г. будет подписан договор о новом тройственном союзе — британско-голландско-французском. В договоре будет специально отмечено, что возможный конфликт в Италии не означает наступ-

---

⁷⁹ *Aalbers J. De Republiek. Deel 1. P. 53–54.*

ления условий для исполнения сторонами своих союзнических обязательств⁸⁰. Правящие круги Республики словно не заметили, что все было тщательно подготовлено в Париже и Лондоне, которые голландцам отвели лишь вспомогательную роль. Хейнсийс и его окружение были довольны уже тем, что больше не будут единственными гарантами «протестантского престолонаследия» в Великобритании. Своего рода утешительным призом станет для Генеральных штатов официальное признание Францией их почетного титула «Высокомочные».

Но весной 1716 г. до этого было еще далеко. В Гааге шли споры о том, какой внешнеполитический курс предпочтительнее. У секретаря шведской миссии Прейса заботы были другие. Он пытался помешать вербовке голландцев на русскую службу и не допустить, чтобы два построенных в Зандаме и полностью вооруженных фрегата отплыли в Петербург. Его коллега-дипломат Куракин преследовал цели, естественно, прямо противоположные. Вдобавок ему поручили занять в Амстердаме два миллиона гульденов, что оказалось совсем не легкой задачей. Предложенные Россией в залог товары на складах в бывших шведских портах на Балтике не очень-то заинтересовали заимодавцев, ведь эти товары надо было еще суметь доставить в Амстердам⁸¹.

Также в вопросе об отправке Голландией конвойных судов в Балтийское море шведский и русский дипломаты усердно противодействовали друг другу. Прейс, конечно, изо всех сил сопротивлялся этому замыслу. Указывая на возросшую мощь России, он откровенно спрашивал своих голландских собеседников, выгоден ли Республике дальнейший упадок Швеции. Были, разумеется, в Генеральных штатах и те, кого резкое изменение соотношения сил на севере и востоке Европы отнюдь не радовало. Но это были чаще всего депутаты от провинций, расположенных в глубине страны, тогда как депутаты от провинции Голландия упорно подчеркивали необходимость свободы торговли на Балтике. В этом смысле Стокгольм с его покровительством шведским каперам сам себе навредил. Единственным успехом, о котором мог доложить своему королю Прейс и который он приписал собственным заслугам, было сокращение отправляемой эскадры с 12 кораблей до 6, так что фактическая помощь голландцев силам антишведской коалиции была незначительной. Весьма сомнительно, однако, что такое со-

---

⁸⁰ *Hatton R. Diplomatic Relations. P. 142.*

⁸¹ RSDH 341. Preis till Von Müllern, 14.04.1716.

крашение было результатом усилий шведского дипломата. Причиной послужила скорее нехватка средств у Республики. В задачу эскадры, вновь под командованием сдержанного Люкаса де Вета, входила, как и годом раньше, исключительно охрана торговых судов, так что никаких столкновений со шведским флотом в летние месяцы 1716 г. не отмечено.

Нельзя не сказать о том, что Прейсу в Гааге жилось нелегко. Деньги из Швеции приходили с многомесячными задержками, и секретарь миссии вынужден был балансировать на грани нищеты. Когда он, наконец, после бесчисленных жалоб, получил вексель на 400 риксдалеров, королевская канцелярия в Стокгольме предписала ему немедленно потратить больше половины этой суммы на «посольский траур» по усопшей королеве-матери⁸². Кроме того, Прейсу давали порой поручения совершенно невыполнимые. Так, 23 и 26 января 1716 г. правительство Швеции оповестило об освобождении от пошлины любого судна, которое до 1 июня зайдет в шведский порт. Для пополнения своей казны держава Карла XII остро нуждалась в росте экспорта. Но при внимательном чтении постановления от 26 января оказывалось, что речь идет только о Стокгольме. Верный Прейс изо всех сил уговаривал амстердамских купцов воспользоваться новыми возможностями, однако те ответили, что на голландские суда, следующие в Швецию, датский флот ведет настоящую охоту, поэтому проходить пролив Эресунн стало крайне опасно. А тем торговым судам, которые будут сопровождать летом голландская эскадра, объявленное шведами освобождение от пошлины ничего не даст, поскольку действует оно лишь до 1 июня⁸³. Так суровая реальность уже с самого начала перечеркнула планы Стокгольма.

В целом же интерес гаагского бомонда к положению на Севере весной 1716-го ослаб. Обсуждали в основном перспективы тройственного союза с Великобританией и Францией, а также слухи о возможном вторжении испанцев в Италию. Что касается ситуации в проливе Эресунн, то, хотя торговые круги не могли оставаться к ней равнодушными, все понимали, что Республике по силам роль в лучшем случае вспомогательная и остается только ждать дальнейшего развития событий. Кое-кто из высших должностных лиц даже предлагал вообще приостановить балтийскую торговлю, ведь склады в Амстердаме наполнены доверху.

---

⁸² Ibid. 23.05.1716.

⁸³ RSDH 341. Preis aan Georg Heinrich von Görtz, 23.05.1716.

Тем не менее секретарь шведской миссии в Гааге продолжал усердно собирать информацию, ведь для его монарха и правительства он был одним из немногих источников сведений о том, что происходило внутри антишведской коалиции. Прейс тщательно штудировал попадавшие к нему в руки донесения голландских представителей из Петербурга, Копенгагена, Лондона, Берлина и Гамбурга. Безусловно, больше всего его интересовали военные приготовления к вторжению сил коалиции в Швецию. В XVIII в. дипломаты писали о передвижениях войск и иных секретных материях с необычной, по сегодняшним меркам, откровенностью, так что Прейс собирал массу ценной информации.

Например, в середине июня ему удалось известить Стокгольм о том, что русский царь и датский король достигли согласия относительно планов вторжения в Швецию. Было решено, что для этого потребуются 50 тысяч человек, две трети которых предоставит Россия. Дания брала на себя обеспечение экспедиции продовольствием. Амстердамские евреи, отвечавшие за снабжение войск Республики в Брабанте, предложили теперь свои услуги королевскому двору в Копенгагене. Одновременно Прейс сообщил, что вторжение состоится не раньше конца августа⁸⁴. Осуществить план быстрее мешали проблемы организационные и транспортные.

На протяжении всего лета царило напряженное ожидание, успеют ли в этом году русские и датчане высадиться в шведской провинции Сконе. С июля по октябрь царь Петр находился в Копенгагене, дабы максимально продвинуть планы вторжения. В конце июля британскому адмиралу Норрису в Балтийском море было поручено не только охранять торговые суда, но и содействовать возможному нападению на Швецию. Датчане снарядили флот, который вместе с эскадрой Норриса насчитывал 49 линейных кораблей. Еще 16 линейных кораблей и три фрегата выделила Россия. К середине сентября русско-датские силы вторжения численностью в 50 тысяч человек были сосредоточены на острове Зеландия (Дания) и приведены в боевую готовность.

Но тут русский государь пришел к выводу, что время для наступления в 1716 г. уже упущено. 19 сентября его мнение передали датчанам, которых эта новость удивила. Между тем для вывода, сделанного Петром, оснований было достаточно. Зимний поход в чужую и враждебную страну, да еще при зависимости сил вторжения от военных и транспортных кораблей

---

⁸⁴ RSDH 341. Preis till Von Müllern, 16.06, 23.06.1716.

иностранных держав, был делом слишком рискованным. Помимо военных соображений, играли роль и другие. Отношения России и Дании явно разладились, всякого рода слухи и сплетни основательно подорвали взаимное доверие. Атмосфера накалилась настолько, что датчане стали даже опасаться нападения русских на Копенгаген и уже приняли меры для обороны столицы. Британского короля тоже не радовало присутствие такого количества русских войск вблизи его ганноверских владений. Насколько все было серьезно, видно из того, что Георг I предложил датчанам при необходимости совместно выступить против русских, чтобы заставить их отвести войска подальше от немецких земель. План этот не осуществился, и, когда в октябре Петр уезжал из Копенгагена, внешне все выглядело вполне благополучно. Однако устроенные датским двором в его честь маскарады и маневры не могли затушевать обоюдное раздражение. Правда состояла в том, что России, сильнейшему из участников антишведской коалиции, грозила растущая политическая изоляция¹⁷².

В Северной войне наступила патовая ситуация. Шведское вторжение в Норвегию провалилось, но и совместная высадка русских и датчан на южном побережье Швеции не состоялась. Единственным способом поставить Карла XII на колени было нападение на территорию самой Швеции, однако ее врагам не хватало политического единодушия, а значит, и эффективности военных усилий. Вопреки всем ожиданиям Швеция и в 1716 г. устояла под натиском своих многочисленных противников. Противоречия же внутри коалиции обострялись. После изгнания с территории Германии шведов союзникам России больше всего хотелось отодвинуть подальше от немецких земель и ее войска. Вопрос был в том, пойдет ли царь на это или же создаст ситуацию, подобную той, что сложилась в Польше, где постоянное присутствие русских войск и вытекавшая из этого зависимость Польши от России были оформлены международным договором. Перефразируя известное латинское изречение голландских политиков XVII в. относительно Франции, многие европейские монархи теперь охотно сказали бы: «*Rossia amica, non vicina* [Пусть Россия будет другом, но не соседом]». Из взаимного недоверия между противниками Швеции ее дипломатия могла бы извлечь для своей страны пользу. И лучшим в Европе местом для такой тонкой работы шведских дипломатов оставалась Гаага. Наступило время заговоров.

---

⁸⁵ Подробнее об этом эпизоде см.: *Wittram R. Peter I. Bd. 2. S. 286–293.*

III. ДЕЛО БАРОНА ФОН ГЁРТЦА

Провал военной операции в Норвегии показал даже самым большим оптимистам среди шведов, что переговоры о мире нельзя откладывать. Компенсировать утрату финских и немецких территорий не удалось, к тому же стало ясно, насколько многочисленны противники Швеции. Понимал это и сам Карл XII¹. Вот почему в июне 1716 г. он вызвал к себе в ставку своего голштейнского агента барона Георга Хайнриха фон Гёртца и приказал ему срочно отправиться в Гаагу. Цель миссии — прощупать готовность участников антишведской коалиции к миру. Фон Гёртц получил право от имени короля заключить общий договор о мире или же ряд сепаратных договоров. Есть основания полагать, что второе казалось Карлу более выгодным. Если бы удалось вывести из игры хотя бы некоторых противников Швеции, она смогла бы противостоять остальным. Быть может, тогда удача еще улыбнулась бы шведам или они добились бы каких-либо политических преимуществ. Дополнительные задачи, поставленные перед фон Гёртцем, — постараться занять в Голландии денег и побудить местных купцов поставлять шведам зерно и соль.

В середине июля фон Гёртц прибыл в Амстердам². Несколько дней спустя в Гааге состоялись его беседы в присутствии секретаря шведской миссии Прейса с великим пенсионарием Республики Хейнсиусом и послом императора Священной Римской империи. Все участники беседы сошлись на том, что формально еще продолжавшаяся мирная конференция в Брауншвейге — дело пустое³, но как действовать дальше, осталось неясным. 29 августа Хейнсиус сообщил своему посланнику в Копен-

---

¹ *Carlson F.F.* Om Fredsunderhandlingarne. S. 88 sqq.

² RSDH 341. Preis till Von Müllern, 18.07.1716.

³ Ibid. 21.07.1716.

гагене Роберту Гусу, что о миротворческой миссии фон Гёртца пока мало что известно⁴.

Туго шло выполнение и других задач, стоявших перед агентом шведского монарха. Хотя в Амстердаме Прейс и помогал ему убеждать купцов отправлять зерно и соль в Швецию или — даже бесплатно — чеканить серебряную монету на Королевском монетном дворе в Стокгольме, результаты это дало более чем скромные⁵. Уж слишком плоха была в глазах голландцев репутация Швеции, слишком много их торговых судов было необоснованно захвачено шведами на Балтике. Среди этих судов были и такие, которые направлялись в шведские же порты, так что ни о каком нарушении введенного Карлом в 1710 г. запрета на плавание в порты, захваченные русскими, в подобных случаях даже речи не могло идти. Предложенные голштейнским бароном пропуска, которые должны были гарантировать безопасность судов, произвели мало впечатления. Лишь трое шкиперов выразили готовность пойти с грузом в Швецию⁶.

В этом контексте понятно, что в конце августа барон отбыл в Париж — проверить, может ли Франция, традиционный союзник и спонсор Швеции, сыграть еще какую-нибудь роль в миротворческом процессе. Примечательно, что секретарь шведской миссии Прейс, как он сам писал в Стокгольм, тоже точно не знал, каковы цели фон Гёртца. Предполагалось, что его поездка в Париж связана с получением очередной французской субсидии для Швеции, установленной в свое время Людовиком XIV. Так что даже официальный шведский дипломат в Гааге не был посвящен во все детали деятельности агента своего короля. Во Франции же все больше прислушивались к Великобритании, а потому не испытывали никакой потребности слишком открыто поддерживать шведов.

Вернувшись в Гаагу, фон Гёртц стал наращивать контакты с русскими. В начале сентября он встретился с князем Куракиным, и они обменялись дипломатическими любезностями. Куракин заявил, что король Карл и царь Петр хотя и враги, но относятся друг другу с большим уважением. Прейс тщательно передал в Стокгольм все эти красивые слова, в остальном же показал себя трезвым реалистом, выразив мнение, что никаких

---

⁴ De briefwisseling. Deel XVIII, 1999, Heinsius aan Robert Goes, 29.08.1716.

⁵ RSDH 341. Preis till Von Müllern, 29.07, 04.08.1716.

⁶ Ibid. 04.08.1716.

переговоров о мире не будет, пока неизвестно, состоится ли русско-датское вторжение в Швецию⁷.

После размолвки Петра с датчанами и последовавшего за этим ухода русских войск из Дании раскол в антишведской коалиции стал очевиден уже для всех и шансы на сепаратный мир между Швецией и кем-либо из ее противников выросли. Голландский дипломат в Копенгагене Гус чувствовал это, естественно, лучше других. В своем длинном послании Хейнсиусу от 10 октября 1716 г. Гус убеждал его не упустить этой возможности и просил поручить ему представить голландские мирные предложения датскому и шведскому дворам⁸. Однако великий пенсионарий этим доводам не внял: правящие круги Республики были целиком поглощены тайными переговорами с Парижем, Лондоном и Веной, и надо было подождать их результата, прежде чем снова вмешиваться в балтийские дела⁹. Проявилось тут и обычное для Хейнсиуса нежелание действовать поспешно — и особенно в одиночку.

Между тем фон Гёртц, воспользовавшись ситуацией, все чаще беседовал с Куракиным. Помогал агенту Карла XII шведский генерал-майор Кунрад Ранк, состоявший на службе у ландграфа Гессен-Кассельского. В середине октября тот два часа разговаривал с Куракиным. Русский посол заметил, что ландграф мог бы направить своего представителя к Петру, чтобы дать Его Царскому Величеству повод высказаться об условиях мира. Ранк счел эти слова настолько важными, что немедленно отбыл в Кассель¹⁰. Но целью такого маневра русской дипломатии было нечто иное. Представителей других стран антишведской коалиции начало беспокоить непринужденное общение Ранка с Куракиным. Именно этого русская дипломатия и добивалась. Послам Саксонии, Дании и Великобритании в Гааге надо было дать ясный сигнал: царь вовсе не исключает возможности сепаратного мира со Швецией.

На самом же деле всерьез речи об этом тогда не шло. Даже приезд Петра в декабре в Голландию¹¹ не ускорил миротворче-

---

⁷ Ibid. 08.09.1716.

⁸ De briefwisseling. Deel XVIII, Goes aan Heinsius, 10.10.1716.

⁹ De briefwisseling. Deel XVIII, Heinsius aan Goes, 07.11.1716.

¹⁰ RSDH 341. Preis till Von Müllern, 20.10.1716.

¹¹ Подробнее об этом см.: *Вагеманс Э.* Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717). СПб., 2013.

ский процесс. Полномочия на ведение переговоров со шведами Куракин получит лишь в сентябре 1717 г.¹² Фон Гёртц, в отличие от генерал-майора Ранка, любезным высказываниям русского посла и его государя большого значения не придавал. Сколько бы ни говорил Петр Алексеевич о своем «брате Карле» и о «мире на Севере», на агента шведского короля это производило мало впечатления. Еще во время пребывания царя в Амстердаме голштейнский барон уехал опять в Париж, прежде всего для того, чтобы не дать иссякнуть потоку французских субсидий для Швеции¹³.

На исходе 1716 г. очередной инцидент между Голландией и Швецией еще раз показал, до какой степени ухудшились их взаимоотношения. Все началось в сентябре, когда у побережья провинции Фрисландия шведские каперы захватили голландский корабль. Капитан каперского судна отпустил двух голландских моряков на берег с сообщением, что получил приказ атаковать любой корабль, который покажется в этих местах¹⁴. В Амстердаме возмущению не было предела. Раздавались призывы вообще запретить торговлю со Швецией или даже снарядить в провинции Зеландия собственные каперские суда.

Ответный удар нанесло амстердамское адмиралтейство. В то время Стокгольм потребовал от всех шведских офицеров и солдат, служащих в иностранных войсках, вернуться в Швецию и вступить в ее армию. Местом сбора возвращающихся стал Амстердам. Для их перевозки в Швецию Прейс и фон Гёртц наметили голландский фрегат с 18 пушками, который только что пришел из Гётеборга с грузом железной руды. Владельцы фрегата хотели, чтобы он совершил еще одно плавание в этот шведский порт, и искали каких-нибудь выгодных грузов. Перевозка офицеров и солдат показала хозяевам судна делом привлекательным. Едва эта новость в начале декабря распространилась в Амстердаме, купцы, которые вели торговлю с Россией, энергично запротестовали. Не превратится ли, говорили они, голландский фрегат со шведскими солдатами на борту в очередное каперское судно? Одновременно пришло известие о появлении трех шведских каперских кораблей у северо-голландского остро-

---

¹² Письмо Петра I Куракину, 11 (22).09.1717 (Архив князя Ф.А. Куракина. Т. II, 1891. С. 128).

¹³ RSDH 341. Preis till Von Müllern, 01.01.1716.

¹⁴ Ibid. 19.09.1716.

Георг Хайнрих фон Гёртц.
Портрет работы неизвестного художника.
Национальный музей, Стокгольм

ва Тессел, что вызвало на амстердамской бирже настоящее потрясение. Корабли были, правда, небольшие, но им все же удалось захватить три голландских судна¹⁵. Под влиянием всех этих событий амстердамское адмиралтейство постановило вышеупомянутый фрегат приковать цепью к пристани, а находящихся на его борту шведов интернировать.

¹⁵ Ibid. 03.12, 08.12.1716.

Встревоженный Прейс, естественно, поспешил в Амстердам. Он не без оснований спрашивал у местных властей, почему же русским разрешается перевозить тех, кто состоит у них на воинской службе, причем даже не подданных России, а шведам нет. Но секретарь шведской миссии не учел огромного раздражения, накопившегося у голландцев по отношению к шведскому каперству в Северном и Балтийском морях, и он не добился ничего. Более того, амстердамское адмиралтейство пошло еще дальше, передав дело в суд. Ссылаясь на постановление Генеральных штатов от 2 июля 1714 г., которое запрещало перевозку лиц, принятых на воинскую службу в страны, участвующие в Северной войне, городской казначей Амстердама попросил суд оштрафовать владельцев фрегата на 2000 гульденов, а сам корабль конфисковать. В середине декабря иск городского казначея был удовлетворен¹⁶.

В Гааге негодующие речи Прейса пришлось выслушивать Хейнсиусу. Швед настаивал, разумеется, на отмене решения амстердамского адмиралтейства. Великий пенсионарий указывал на автономию Амстердама и адмиралтейства, с которой центральные власти Республики ничего не могли поделать. Просьба Прейса выдать голландские пропуска другим судам, которые еще предстояло нанять для перевозки шведских офицеров и солдат, нашла у Хейнсиуса больше отклика, но он потребовал от дипломата письменных гарантий, что эти суда не будут использованы для каперства. На том и сошлись. После некоторого сопротивления со стороны амстердамцев (секретарю адмиралтейства зачем-то вдруг понадобился полный список интернированных шведов) многострадальный фрегат и три нанятых Прейсом дополнительных корабля в начале января 1717 г. все-таки возьмут курс на Гётеборг¹⁷.

При этом сам Прейс прекрасно понимал, в чем корень зла, и в своих донесениях в Стокгольм отмечал, что продолжение шведского каперства наносит интересам Швеции лишь вред, играя, в частности, на руку враждебно настроенному британскому королю¹⁸. Не было сомнений, что в 1717 г. на Балтике вновь будет действовать британская эскадра, и шведам от нее ничего хорошего ждать не приходится. Сознавали это, по словам Прейса, и в Республике, однако там до такой степени устали от напа-

---

¹⁶ Ibid. 18.12.1716.

¹⁷ Ibid. 05.01.1717.

¹⁸ Ibid. 18.12.1717.

дений шведских каперов, что готовы согласиться с отправкой на Балтику также голландских военных судов. Общее же положение Швеции в Северной войне стало уже настолько опасным, что лучше было не наживать себе новых врагов.

К счастью для шведов, раздоры между их противниками не ослабевали. Британскому королю, озабоченному безопасностью своих ганноверских владений, внушали тревогу русские войска численностью в 30 тысяч человек, которые после провала планов высадки в Швеции были размещены в герцогстве Мекленбург. Георг I боялся не только территориальных конфликтов, но и того, что царь сделает Мекленбург своим вассалом и создаст там «русский порт». Такие слухи в тот период ходили при многих европейских дворах¹⁹. Недовольство короля Георга русскими наглядно проявилось в январе 1717-го, когда по пути из Лондона в родной Ганновер он в южноголландском городке Влардинген отказался принять князя Куракина²⁰.

Так что у русской дипломатии было достаточно причин начать рассматривать вопрос о сепаратном мире со Швецией более внимательно и серьезно. Когда Куракин 4 февраля вернулся в Амстердам, он повстречался там с уже известным читателю шведским генерал-майором Кунрадом Ранком. Они снова заверили друг друга в том, что их государи желают мира, но до настоящего прощупывания намерений обеих сторон дело еще не дошло. Секретарь миссии Прейс ждал возвращения в Гаагу из Парижа агента Карла XII фон Гёртца. Между тем в середине февраля пришло сообщение об аресте шведского посланника в Лондоне графа Карла Юлленборга. Отряд из 20 солдат окружил и занял дом посланника, его конторку взломали, а все бумаги забрали с собой. Юлленборга взяли под стражу и посадили под домашний арест. Тут же было объявлен немедленный запрет британским судам ходить в плавание в Швецию²¹.

17 февраля фон Гёртц вернулся в Гаагу, а два дня спустя, узнав о событиях в Лондоне, отбыл в Амстердам. Прошло не более часа после его отъезда, как перед его домом в Гааге появился отряд из 30 солдат с примкнутыми штыками. Солдаты взломали дверь, захватили все бумаги, включая неоплаченные счета за наем дома, и арестовали Юлленборга-младшего. Сын

^{19c} Павленко Н.И. Петр Великий. М., 2010. С. 376–377.

²⁰ RSDH 342. Preis till Von Müllern, 02.02.1717.

²¹ Ibid. 12.02.1717.

шведского посланника в Лондоне находился в Гааге случайно. Его препроводили в городскую тюрьму²².

Прейс понимал, что приходили солдаты за фон Гёртцем, и послал своего дворецкого к нему, чтобы предупредить об опасности. В тот же день, 19 февраля, британский поверенный в делах в Брюсселе, тоже случайно оказавшийся в Гааге, поспешил в Амстердам с целью убедить местные власти схватить фон Гёртца²³. Однако в город англичанин не попал, поскольку наступил уже вечер и городские ворота были закрыты. Пока он ждал до утра, фон Гёртц с помощью знакомого амстердамского купца бежал в Утрехт. По настоянию британского дипломата амстердамский магистрат отправил за беглецом курьера. В Утрехте курьер узнал, что гольштейнский барон вновь ускользнул, теперь в город Арнем, и пустился в погоню. В Арнеме отцы города поначалу не решались взять беглеца под стражу, но, получив дополнительную информацию из Амстердама, посадили фон Гёртца под арест в одно из помешений ратуши²⁴.

Нетрудно догадаться, что секретарь шведской миссии Прейс заявил в Гааге Хейнсиусу энергичный протест. Тот возразил, что узнал обо всем лишь постфактум, однако Прейс не поверил. Конечно, местные власти в Республике Соединенных Нидерландов обладали широкой автономией, но произвести арест, который может иметь далеко идущие дипломатические последствия, — это уж слишком! Положение Республики и ее фактического руководителя, великого пенсионария, было весьма деликатным, тем более что 21 февраля один польский генерал доставил в Гаагу официальные верительные грамоты фон Гёртца как разъездного полномочного министра шведского короля. Это не помешало сторонникам репрессивных мер, таким, как Виллем Бёйс в Амстердаме, утверждать, что фон Гёртц не аккредитован при Генеральных штатах, а следовательно, международное право на него не распространяется. Аргумент был слабый, ведь если у дипломата есть верительные грамоты, он обладает дипломатическим статусом и неприкосновенностью. Излишне говорить, что в Генеральных штатах мнения по поводу происшедшего разделились. Провинция Гелдерланд, где расположен город Арнем, в котором томился узник, потребовала от провинции Голландия разъясне-

---

²² Ibid. 25.02.1717.

²³ De briefwisseling. Deel XVIII, Buys aan Heinsius, 18.02.1717.

²⁴ RSDH 342. Preis till Von Müllern, 25.02.1717.

ний. В самой провинции Гелдерланд городские власти Арнема подверглись острой критике²⁵. Но все это ничего не изменило. Фон Гёртц остался под арестом, причем сторонники этой меры умело использовали то раздражение, которое вызывали в стране захваты шведами ее торговых кораблей.

В чем была причина арестов в Лондоне и Арнеме? Англичане обвинили шведских дипломатов в причастности к заговору против короля Георга в пользу претендента на британский престол из династии Стюартов, того самого претендента, приверженцы которого подняли в 1715 г. восстание в Шотландии. Восставшие вступили тогда в контакт со шведским посланником в Лондоне Юлленборгом, дабы узнать, не может ли Швеция переправить им на помощь в Шотландию пять или шесть тысяч солдат. Эту идею в окружении Карла XII категорически отвергли, ведь у шведов имелось уже достаточно врагов, да и лишних военных сил не было. Некоторое время спустя французский посол при шведском дворе попытался переубедить шведов, и есть основания полагать, что Карл свою позицию изменил, но письменных подтверждений тому нет. Тем временем восстание уже было обескровлено. В Париже шведского посла осаждали просьбами передать своему королю собственноручное письмо претендента, однако посол отказался это сделать. Британский же посол в Париже распространил там ложный слух, будто Франция и Швеция договорились с претендентом о взаимопомощи. Такова была атмосфера в последний год жизни Людовика XIV, который проявлял открытую неприязнь к новому британскому монарху-протестанту.

С тех пор как в Гаагу приехал фон Гёртц, контакты шведов со сторонниками Стюартов участились. И это понятно: одной из главных целей миссии голштейнского барона было собрать для Швеции побольше денег, а в окружении претендента на британский трон было немало богатых людей, способных одолжить шведам крупные суммы, на которые можно снарядить корабли для флота Карла XII. Все шведские дипломаты сознавали, что игру ведут опасную, и им даже запрещалось докладывать королю об их контактах с приверженцами претендента²⁶. Позднее, после освобождения из-под ареста, фон Гёртц в своей объяснительной записке Карлу XII сообщит, что ему удалось снарядить шесть судов во Франции и Голландии, а средства на это при-

---

²⁵ Ibid.

²⁶ *Carlson F.F.* Om Fredsunderhandlingarne. S. 93–103.

шлось занять у людей из окружения претендента. Кроме обещания вернуть долг, барон, по его словам, никаких других обязательств на себя не брал. Взятые займы 500 тысяч риксдалеров поступили в Амстердам только в день его ареста, но после своего освобождения он мог бы ими воспользоваться²⁷.

Если фон Гёртц в своей записке королю говорил правду — а сам Карл в этом не сомневался, — то интересно рассмотреть мотивы действий британского правительства. О контактах шведского посла в Лондоне Юлленборга с многочисленными противниками Ганноверской династии оно знало и до ареста дипломата, однако ничего конкретного не предпринимало. Так что сами по себе эти контакты едва ли могли быть причиной репрессий против посла. Ключ к разгадке лучше искать в переплетении интересов Великобритании и Ганновера, а точнее — в территориальной экспансии короля-курфюрста Георга I. Закрепить владение Бременом и Верденом за Ганновером надо было во что бы то ни стало. Еще в 1716 г. действия британского флота на Балтике консолидировали это переплетение интересов Великобритании и Ганновера. В 1717-м следовало продолжать тот же курс.

Но дело шло отнюдь не гладко. В британском парламенте росло недовольство такой политикой. Небольшой скандал мог бы отвлечь внимание, и арест шведского посла прекрасно для этого подходил, ведь Швеции трудно было бы нанести серьезный ответный удар. К тому же слухи о заговоре приверженцев Стюартов помогли бы сплотить господствовавшую тогда британскую элиту вокруг короля Георга. Не последняя роль отводилась в этом замысле и голландцам. Для общественного мнения Великобритании поддержка со стороны Республики действий британской эскадры в Балтийском море в 1716 г. сделала всю эту операцию более оправданной. И теперь содействие голландцев, например, в виде ареста фон Гёртца, имело для Лондона немалое значение. Правящие круги в Гааге тоже можно было запугать слухами о зреющем в Великобритании заговоре против «протестантского престолонаследия», которым Генеральные штаты дорожили и которое официально гарантировали. А поскольку и в Гааге, и тем более в Амстердаме антишведские настроения были распространены широко, арест агента Карла XII не вызвал бы особого шума. Таков был расчет короля Георга и его окружения — и он полностью оправдался.

---

²⁷ Ibid. S. 103.

На протяжении весны 1717 г. секретарь шведской миссии в Гааге Прейс прилагал все возможные усилия для вызволения фон Гёртца — и его бумаг, но мог разве что подавать прошения и оказывать закулисное давление на знакомых ему политиков. Британские же дипломаты в Республике действовали, естественно, в противоположном направлении. Они без колебаний распускали всякого рода ложные слухи: к примеру, о том, что вблизи побережья Англии замечена шведская эскадра из 32 судов²⁸, или о том, что в Гётеборге уже собрана якобы целая армия для вторжения в Шотландию. Британские газеты раздули эту мнимую «шведскую угрозу» настолько, что вызвали настоящую массовую истерию. Как вообще могла бы обессиленная Швеция что-либо подобное осуществить — таким вопросом никто не задавался, и поначалу британские дипломаты достигли своей цели. Просьбу англичан переправить фон Гёртца в Лондон правящие круги в Гааге любезно согласились рассмотреть, а самого узника и все ему принадлежащее сторожили так усердно, что поддерживать связь с внешним миром было невозможно. Так, дворецкому фон Гёртца даже запретили запрягать в карету его восьмерку лошадей²⁹. Запрет был введен в соответствии с пожеланиями британского короля, как Генеральные штаты без всякого смущения указали в резолюции от 9 марта 1717 г.

Для Прейса арест фон Гёртца означал еще одну проблему: как решать дальше задачи, ради которых тот прибыл в Голландию, и прежде всего побуждать местных купцов поставлять Швеции такие жизненно необходимые продукты, как зерно и соль? Бумаги фон Гёртца были захвачены, а без них секретарь шведской миссии не мог больше выдавать голландским купцам пропуска. Неясно было также, какие шаги предпримет Карл XII против Республики в ответ на арест своего представителя. Сам Прейс призывал свое стокгольмское начальство к сдержанности. Меры возмездия против голландцев привели бы лишь к полному прекращению голландской торговли со Швецией. Другой аргумент дали Прейсу последние события в Лондоне. Узнав из захваченной переписки Юлленборга и из полученных через Гаагу бумаг фон Гёртца, что Швеции остро не хватает зерна и соли,

---

²⁸ RSDH 342. Preis till Von Müllern, 06.03.1717. Быстро убедившись, что слух ложный, Хейнсийс сообщил Прейсу, что на самом деле это были 34 голландских торговых судна (Ibid., 10.03.1717; De briefwisseling. Deel XVIII, Saunière de l'Hermitage aan Heinsius, 02.03.1717).

²⁹ RSDH 342. Preis till Von Müllern, 10.03.1717.

британский двор в начале марта добился от парламента запрета на торговлю со шведами для судов, идущих без охраны. Голландцев, конечно, попросили сделать то же самое³⁰. Так вот, рассуждал Прейс в своих донесениях, если теперь, в вопросе о торговле со Швецией пути Голландии и Великобритании разойдутся, то вовсе не факт, что Республика и в 1717 г., как за год до этого, опять даст себя вовлечь в военные замыслы англичан.

К счастью для Прейса, в Амстердаме запрета на торговлю со шведами не хотели — бургомистры опасались, что это может привести к войне. Совершенного иного мнения придерживался Виллем Бёйс, пенсионарий Амстердама, т.е. высший юридический советник магистрата, исполнявший также обязанности его секретаря и надзиравший за городскими финансами. Бёйс выступал за запрет британской и голландской торговли во всем балтийском регионе до тех пор, пока тамошние властители не дадут гарантий безопасности торгового судоходства. Он отмечал, что основных товаров, которые привозили из этого региона, в Амстердаме запасено более чем на год, а такие, как пенька или корабельный лес, нетрудно приобрести в Архангельске³¹. Но господа бургомистры сочли, что это слишком далеко.

Голландский посланник в Копенгагене Роберт Гус идею запретить торговлю со Швецией поддержал. Ведь датчане, несомненно, встанут на сторону британского короля и начнут чинить всяческие препоны голландским судам, идущим в Швецию, причем ситуация легко может выйти из-под контроля³². Резидент Генеральных штатов в Стокгольме Хендрик Рюмпф, наоборот, советовал воспользоваться случаем и вытеснить британских конкурентов со шведских рынков³³. Это было как раз то, что амстердамские купцы думали, но не решались сказать открыто.

Сыграло на руку Прейсу также то, что в середине апреля шведский король велел голландскому резиденту больше не появляться при его дворе³⁴. Однако в Гааге ожидали, что представителя Генеральных штатов в Стокгольме вообще бросят за решетку³⁵, поэтому реакция Карла XII на арест фон Гёртца показалась чудом сдер-

³⁰ De briefwisseling. Deel XVIII, Heinsius aan Buys, 12.03.1717.

³¹ De briefwisseling. Deel XVIII, Buys aan Heinsius, 13.03.1717.

³² De briefwisseling. Deel XVIII, Goes aan Heinsius, 23.03.1717.

³³ De briefwisseling. Deel XVIII, Hendrik Rumpf aan Heinsius, 22.05.1717.

³⁴ Ibid. 14.04.1717.

³⁵ RSDH 342. Preis till Von Müllern, 18.05.1717.

Виллем Бейс.
Частная коллекция Ханса ван Конингсбрюгге.
Фото: Николас Крафт ван Эрмел

жанности. Шансы добиться освобождения агента шведского короля выросли еще больше, когда в дело вмешались и другие аккредитованные в Гааге дипломаты. Секретарь шведской миссии объяснил им: если представителей монархов можно арестовывать, то уже никто из дипломатов, ведущих тайную деятельность, не будет в безопасности. Многие представители нейтральных держав эту точку зрения разделяли, и правителям в Гааге приходилось, хотя и неофициально, выслушивать массу упреков³⁶.

«Высокомочным» предстоял непростой выбор. Отпустить фон Гёртца значило бы нанести ущерб отношениям с Великобританией, но если этого не сделать, Республика будет выглядеть просто прислужницей Лондона. Ситуация стала походить на водевиль, когда в конце июня Генеральные штаты направили британскому правительству запрос, нельзя ли фон Гёртца освободить. Ответ, как и можно было предвидеть, оказался отрицательным. Тогда Гаага предпочла старую, испытанную стратегию: попробовать выиграть время. Внезапно стало прямо-таки необходимым узнать мнение регента Франции, герцога Филиппа Орлеанского, хотя французский посол в Гааге де Шатонёф давно уже говорил то же самое, что и швед Прейс. Разумеется, то была со стороны голландских властей не более чем дымовая завеса. На самом же деле послу Республики в Лондоне поручили еще раз постараться добиться от англичан согласия на освобождение фон Гёртца³⁷.

Но англичане и на этот раз не согласились. В их глазах гольштейнский барон был и оставался злым гением шведской политики. Зато обменять Юлленборга на арестованного в Швеции британского резидента они были готовы. Это различие в подходах к обоим представителям шведского короля было связано с состоянием британско-российских отношений. Войска царя Петра медлили с уходом из Мекленбурга и продолжали, как считалось, быть угрозой для Ганновера. Вину за это в Лондоне возлагали не на кого иного, как на фон Гёртца, поскольку это он пытался начать с Россией частные переговоры. Короче говоря, причина всех недоразумений между британским королем и царем — именно фон Гёртц!³⁸

---

³⁶ Ibid. 24.05.1717.

³⁷ De briefwisseling. Deel XVIII, Van Borssele van der Hooghe aan Heinsius, 06.07.1717.

³⁸ Ibid. 20.07.1717.

Только на одну уступку англичане были согласны: они не возражали против того, чтобы барона на голландском судне доставили в Швецию и чтобы он там остался. Однако для Карла XII — и в Лондоне это понимали — такое решение было неприемлемым. Карл исходил из того, что его представитель арестован незаконно и не британскому правительству решать, куда он должен ехать³⁹. Таким образом проблем у голландцев прибавилось. Они очень хотели бы от фон Гёртца избавиться, но так, чтобы не рассердить ни шведского короля, ни британского. Посол Франции предложил остроумный выход: пусть фон Гёртц даст честное слово, что после освобождения он сам попросит переправить его на голландском корабле в Швецию. В конце июля интерес к предложению французов возрос, ибо стало известно о предстоящем возвращении на родину флота Ост-Индской компании, а значит, высвобождалось целых два военных судна для перевозки дипломата в Швецию⁴⁰.

В те дни Прейс отправился в Арнем, чтобы спросить у арестованного, что он сам обо всем этом думает. Тем временем власти провинции Гелдерланд, на территории которой находился узник, взяли дело в собственные руки. 31 июля, пока в Гааге Генеральные штаты обсуждали судьбу фон Гёртца, штаты провинции Гелдерланд постановили его освободить. Соответствующее распоряжение было передано магистрату города Арнем. Отцы города немного поспоротивлялись, ведь сначала нужно было уплатить долги, сделанные бароном за полгода его заточения, однако уже 1 августа в три часа пополудни фон Гёртц вышел на свободу. Пообедав в местном трактире, он направился на площадь перед ратушей, где собирался нанять карету до соседнего городка Зютфен. На площади быстро собралась огромная толпа, кричавшая по-французски: «Да здравствует шведский король!» Барон ответил элегантно, бросая в толпу деньги, и покинул столицу провинции в наилучшем расположении духа⁴¹.

Главным проигравшим во всей этой истории был великий пенсионарий Хейнсиус. Он потерял контроль над ситуацией. Произошло как раз то, чего ему хотелось избежать. Самоуправство

---

³⁹ RSDH 342. Preis till Von Müllern, 20.07.1717; De briefwisseling. Deel XVIII, Buys aan Heinsius, 08.08.1717.

⁴⁰ RSDH 342. Preis till Von Müllern, 29.07, 07.08.1717.

⁴¹ Ibid. 07.08.1717.

провинциальных штатов вызвало раздражение британского двора, которому к тому же трудно было поверить, что все случилось без ведома Хейнсюса и вообще центральных властей Республики. Но и шведам благодарить великого пенсионария и его коллег в Гааге было не за что. Да, голландцы обязались поддерживать «протестантское престолонаследие» в Лондоне, и возможное шведское содействие претенденту из династии Стюартов с его симпатиями к католицизму было для Республики совершенно неприемлемым. Но улики против фон Гёртца были, мягко говоря, ничтожны. Политики в Гааге просто пошли на поводу у англичан, не сознавая, что обслуживают всего лишь своекорыстные интересы короля Георга как курфюрста Ганноверского.

События 1717 г. с болезненной ясностью продемонстрировали пределы влияния Хейнсюса и вообще официальной Гааги. С одной стороны, амстердамцы категорически отвергли полный запрет на торговлю со Швецией, за который выступал не только британский двор, но и сам Хейнсюс. С другой, штаты провинции Гелдерланд своим односторонним решением освободить шведского агента нанесли фактическому руководителю Республики звонкую пощечину. Пока в Гааге обдумывали, взвешивали, обсуждали, в провинциальном Арнеме завязавшийся дипломатический узел был в одночасье развязан.

Для Стокгольма итог всей этой истории был, разумеется, иным. Осуществление трех задач, которые были поставлены перед фон Гёртцом (договориться о поставках в Швецию зерна и соли, одолжить денег и начать диалог с представителями России), откладывалось — а ведь шведам оно было необходимо позарез. Удаление резидента Республики Хендрика Рюмпфа от шведского двора означало, что дружбы между двумя державами больше нет. Не было ее, собственно, уже давно. Еще с 1710 г. захваты шведами голландских торговых судов постепенно отравляли отношения между Гаагой и Стокгольмом. С удалением же Рюмпфа даже видимость дружбы поддерживать стало невозможно. Фактически это мало что изменило, ибо Карл XII и его окружение годами не прислушивались к протестам резидента против шведского каперства, а дискуссии голландского дипломата с его собеседниками в Стокгольме окончательно превратились в разговор глухих.

ОСТОРОЖНОСТЬ И УМЕРЕННОСТЬ

После освобождения фон Гёртца секретарь шведской миссии в Гааге получил возможность снова заняться делами, которые в феврале вынужден был на время оставить. Прежде всего это касалось поставок в Швецию зерна и соли. В конце апреля Карл XII уполномочил Прейса выдавать голландцам документы, с которыми их суда могли следовать в Швецию, не опасаясь шведских же каперских и военных кораблей. Правда, инструкции эти достигли Гааги лишь в начале августа, так как из Швеции, окруженной плотным кольцом врагов, почта шла окольными путями и очень долго⁴². Зато потом к Прейсу выстроилась очередь из купцов, особенно английских и шотландских — несмотря на введенный британским парламентом запрет на торговлю со Швецией. Выдача пропусков росла день ото дня. Многие надеялись, заручившись официальным покровительством шведской короны, проложить пути в шведские порты и с большой выгодой продавать там товары, в которых эта страна так нуждалась.

Одновременно Прейс возобновил свои контакты с Куракиным. 8 августа в Амстердаме состоялся их первый разговор⁴³, а за ним последовали новые встречи в других местах, в обстановке полной секретности. Изъявлений дружеских чувств с той и другой стороны, как и прежде, хватало, но позиции оставались пока непримиримыми. Исходя из того принципа, что Швеция подверглась нападению несправедливо, Прейс настаивал на возвращении всех захваченных русскими земель и к тому же на возмещении ущерба. Куракин же подчеркивал, что его государь хочет отдельного, особого мира со шведами и готов ради него пожертвовать договорами со своими союзниками. По словам русского посла, царь согласен был ждать ответа три месяца, приостановив на этот период боевые действия. В своем донесении в Стокгольм Прейс с похвалой отозвался о подходе русских к переговорам. 22 августа в усадьбе Ло, близ Апелдорна, Петр, находившийся тогда в Голландии, тайно принял фон Гёртца, и эта встреча прошла успешно. Обсуждались на ней и вопросы частные, не

---

⁴² RSDH 344. Preis till Von Müllern, 05.08.1717.

⁴³ Ibid. 12.08, 13.08, 14.08.1717.

первой важности. Фон Гёртц попросил пропуск для поездки в Ригу, а Петру нужно было, чтобы шведы пропустили в Петербург шлюп, который подарил царю король Пруссии⁴⁴. Главным результатом августовских встреч была взаимная договоренность начать в Финляндии как можно скорее переговоры о мире⁴⁵.

Откуда такая внезапная спешка и уступчивость России? Причиной послужил неудачный для Петра визит во Францию в мае-июне 1717 г. В Париже царю удалось добиться только заверений о дружбе и обещания, что после истечения в 1718 г. срока действия договора о французских субсидиях шведам договор этот не будет продлен. Правительство во главе с регентом Филиппом Орлеанским готово было, кроме того, выступить посредником между Россией и Швецией. Все эти невеликие достижения Петра были 15 августа в Амстердаме закреплены в русско-французском договоре, к которому — к выгоде России — присоединилась Пруссия⁴⁶. Между участниками антишведской коалиции наметился раскол. Отношения царя с Великобританией были напряженными, а датчане, опасаясь русских войск на севере Германии, встали на сторону англичан. Пруссия же, напротив, поддерживала Россию, и вполне естественно, что фон Гёртца, направлявшегося в Ригу, приняли в Берлине со всей благосклонностью. Как и властителям России, прусскому королю хотелось заключить со Швецией сепаратный мир⁴⁷. В Гааге прусский дипломат барон Фридрих фон Книпхаузен предложил Прейсу союз: в обмен на город Штеттин Пруссия согласна была оказать шведам помощь — если надо, даже военную — в возвращении Карлу XII принадлежавших ему раньше герцогств Бремен и Верден. Иначе говоря, и русский, и прусский монархи готовились к открытому конфликту со своими союзниками в Северной войне и с Великобританией.

Тем временем в Гааге ломали себе голову над тем, как строить дальше отношения со Швецией. Французский дипломат де Шатонёф настойчиво рекомендовал направить в Стокгольм посла Республики, дабы улучшить политическую атмосферу между

---

⁴⁴ Ibid., 01.09.1717.

⁴⁵ *Wittram R.* Peter I. Bd. 2. S. 322–323.

⁴⁶ *Knoopers J. V. Th.* The Visits of Peter the Great to the United Provinces in 1697–198 and 1716–17 as Seen in Light of the Dutch Sources. Montreal, 1969. P. 48.

⁴⁷ *Wittram R.* Peter I. Bd. 2. S. 323–327.

двумя странами. Однако такая миссия могла привести к успеху лишь при условии, что шведское правительство находится с Генеральными штатами, так сказать, на одной волне, а этого-то как раз и не было. «Высокомочные», в принципе, не прочь были послать в Стокгольм своего представителя с извинениями за арест фон Гёртца, но упор делали на финансовой компенсации за захваченные шведами корабли. Прейс от имени своего короля ставил вопрос противоположным образом: сначала извинения, а там посмотрим⁴⁸.

Сыграть на этих противоречиях пытался британский посол Уильям Кадоген. Великобритании очень не нравилось то, что после введения парламентом — по настоянию короля Георга — запрета на торговлю со Швецией, освободившуюся нишу заняли конкуренты — голландцы. В своих донесениях в Стокгольм Прейс ставил это в заслугу себе, поскольку сам постоянно призывал голландцев заменить англичан на шведском рынке. С начала августа по начало октября Прейс выдал голландским судам, которые собирались идти в Швецию, 60 пропусков⁴⁹. Англичане, со своей стороны, как и прежде, склоняли руководителей Республики к тому, чтобы отправить в Балтийское море военные корабли. Британская дипломатия использовала при этом возмущение голландцев захватом их судов шведскими каперами. В течение одного лишь августа те завладели двумя десятками голландских торговых кораблей⁵⁰, что заметно облегчило задачу Кадогена.

Особую поддержку он находил в Амстердаме. Бургомистр Геррит Хофт, который к англичанам относился враждебно⁵¹, незадолго до этого скончался, а пенсионарий Амстердама Бёйс британского посла поддерживал. Под влиянием известий о продолжающемся шведском каперстве трое амстердамских купцов, занимавшихся торговлей в балтийском регионе, обратились к городским властям за разрешением снарядить три хорошо вооруженных корабля — не только для охраны голландской торговли, но и для того, чтобы силой освободить захваченные шведами

---

⁴⁸ RSDH 344. Preis till Von Müllern, 17.09, 21.09.1717.

⁴⁹ Ibid. 12.10.1717.

⁵⁰ NA. ASG. Resolutiën Staten-Generaal, 25.09.1717.

⁵¹ RSDH 344. Preis till Von Müllern, 04.10.1717. См. об этом: *Porta A. Joan en Gerrit Corver. De politieke macht van Amsterdam (1702–1748)*. Amsterdam; Assen, 1975.

суда. Был у этих троих купцов, конечно, и собственный, частный интерес, ведь они сами были владельцами тяжеловооруженных фрегатов, подходивших для намеченной экспедиции⁵². Бёйс и британский посол энергично поддержали инициативу купцов. Городские власти Амстердама передали ее на рассмотрение штатов провинции Голландия, и те приняли резолюцию в желательном для инициаторов духе⁵³.

Однако в Генеральных штатах дело застопорилось. Делегация провинции Фрисландия, поначалу не возражавшая против этого предложения, отозвала свое согласие, когда увидела, что представители других провинций не склонны спешить. Для Хейнсюса инициатива амстердамцев означала окончательный провал его усилий добиться с помощью французской дипломатии улучшения отношений со Швецией. Еще весной, пока фон Гёртц сидел под стражей в Арнеме, французы, посредничая между Гаагой и Стокгольмом, добились того, что резидент Республики при шведском дворе не был выслан из страны, а король Карл обещал не препятствовать голландской торговле со шведами. И вот теперь из-за шведского каперства все пошло прахом. Сколько бы ни повторял секретарь шведской миссии Прейс, что любой купец, которому он выдал пропуск, может свободно плыть в Стокгольм или Гётеборг, это мало кого убеждало. Заявляя, что выдал уже десятки пропусков и что в 1717 г. голландская торговля со Швецией превзошла по объему британскую⁵⁴, Прейс говорил чистую правду, однако голландцам нужна была полная свобода торговли — торговли не только безопасной, но и не обремененной бюрократическими процедурами.

Дополнительную головную боль вызывали у правящих кругов Республики действия Дании. В соответствии с пожеланиями своего главного партнера Великобритании датчане тоже запретили торговлю со Швецией. При этом они преследовали и собственный интерес. Ссылаясь на введенное ими эмбарго, датчане сами захватывали голландские суда, тем более что Гаага еще не заплатила Копенгагену за участие датских войск в войне за испанское наследство. Захват голландских торговых кораблей на Балтике приносил Дании прямую финансовую выгоду. Да и англичанам приятно было наблюдать, с какими новыми препят-

---

⁵² RSDH 344. Preis till Von Müllern, 04.10.1717.

⁵³ NA. Resolutiën Staten van Holland, 25.09.1717.

⁵⁴ RSDH 344. Preis till Von Müllern, 03.11.1717.

ствиями сталкиваются их голландские конкуренты, вытеснившие их со шведского рынка. Все это лишний раз показывало, как трудно стало Республике себя защищать. Подобные проблемы можно было решать лишь военными средствами, и в XVII в. голландцы не раз прибегали к вооруженному вмешательству, когда свобода судоходства в проливе Эресунн оказывалась под угрозой. Но теперь их страна в финансовом, а значит, и в военном отношении заметно обессилела и вынуждена была ограничиваться нотами протеста.

С тех пор как в Швеции резиденту Генеральных штатов Рюмпфу запретили появляться при королевском дворе, положение Прейса в Гааге также оставалось затруднительным. Через французских дипломатов швед пытался добиться отмены этого запрета, но, судя по письму Карла XII от 11 октября, безуспешно. Вновь допустить к себе представителя голландцев король готов был только после того, как они извинятся за арест его агента фон Гёртца⁵⁵. Следовательно, и у Прейса руки были во многом связаны. Около 20 ноября в Гааге распространились слухи о том, что амстердамцы опять склоняются к тому, чтобы будущей весной голландскую эскадру отправить на Балтику. Секретарь шведской миссии поспешил в Амстердам, где вскоре выяснил, что среди отцов города по этому вопросу острые разногласия. Общественное мнение упрекало городские власти в том, что они вообще поставили крест на балтийской коммерции. Пошли слухи — по мнению Прейса, их распространили сторонники англичан, — будто шведские каперы атаковали голландские рыболовные суда и даже почтовую яхту, совершавшую рейсы между портом Хук-ван-Холланд и Лондоном. В амстердамской ратуше на Прейса обрушили град упреков. Жертвами шведского каперства, заявили ему, стали уже 449 голландских судов — больше, чем было захвачено французами за долгие годы войны за испанское наследство!⁵⁶

Опасались в Амстердаме и того, что выгодные позиции в балтийской торговле перехватят конкуренты из Великобритании. Так, англичане под охраной своих военных судов закупили в занятой русскими Финляндии 60 тысяч тонн смолы, необходимой для корабелов. Для перевозки товара понадобилось столько судов, что наняли даже голландские. Купцам из Лондо-

---

⁵⁵ Ibid. 09.11.1717.

⁵⁶ Ibid. 24.11, 27.11.1717.

на смола досталась по цене в полтора риксдалера за тонну, а после них товара осталось так мало, что купцам из Амстердама пришлось выкладывать за тонну уже по четыре риксдалера. Для многих амстердамцев вывод был очевиден: весной Республика должна будет непременно послать на Балтику эскадру. Если только шведы не соизволят оставить голландские торговые суда в покое, включая те, которые следуют в порты, захваченные русскими или пруссаками. Некто, чье имя Прейс в своем донесении не упомянул, настоятельно порекомендовал ему склонить короля Карла к уступкам. Иначе все пойдет так, как того желает король Георг, и господа «Высокомочные», конечно, сами того не желая, вынуждены будут снарядить военный флот в 20–25 кораблей. В задачу их будет входить только сопровождение торговых судов, а поскольку охранять суда надо будет как от шведов, так и от датчан, то говорить о чисто антишведских мерах неправильно. К действиям наступательным, таким как освобождение уже захваченных голландских кораблей, в Амстердаме были не склонны. Во всех этих рассуждениях амстердамские политики совершенно не учитывали того факта, что голландские адмиралтейства оказались не в состоянии помешать шведам хозяйничать даже у побережья самих Нидерландов.

В Гааге сознавали, что отправка эскадры в Балтийское море отношений со Швецией, мягко говоря, не улучшит. Со стороны Республики нужен был какой-нибудь примирительный жест. Почему бы не направить в Стокгольм дипломата в ранге полномочного посла, сделав таким образом первый шаг к восстановлению прежних добрых связей? Но не все в Гааге одобряли подобные жесты. Командировав в Стокгольм посла с извинениями за арест фон Гёртца, Республика Соединенных Нидерландов скатилась бы на уровень республики генуэзской. Ведь после некоего дипломатического конфликта с Францией дожу Генуи пришлось лично просить у Людовика XIV прощения⁵⁷. Как видно из сообщений, которые Прейс посылал в Стокгольм, речь шла о гордости голландцев и их государства. Как бы то ни было, дело ограничивалось пока обменом мнениями, тем более что еще неизвестно было, захочет ли шведский король принять нового посла Генеральных штатов.

Между тем депутаты провинциальных штатов Голландии бурно обсуждали, насколько крупной должна быть эскадра, кото-

---

⁵⁷ Ibid. 25.12.1717.

рую предполагалось отправить на Балтику. Дабы подчеркнуть независимость Республики от Великобритании, штаты провинции Голландия 17 декабря постановили снарядить эскадру из 30 военных судов. Ей было предписано с британской эскадрой не объединяться и охранять торговые корабли только своих сограждан. Отмежеваться от британского союзника было тем важнее, что фрегаты Его Величества тем временем получили приказ задерживать голландские суда, идущие из Гётеборга или в Гётеборг. Целью британского правительства, которое пошло навстречу лондонским купцам, было подтолкнуть голландцев к тому, чтобы и они ввели запрет на торговлю со Швецией.

Резолюция провинциальных штатов Голландии считалась «предварительной». Принять окончательное решение мешали споры между голландскими городами. Все сходились на том, что послать эскадру необходимо, но о том, сколько именно кораблей снарядить, мнения были разные. Противники Великобритании настаивали на отправке большого флота, чтобы наглядно продемонстрировать мощь и независимость Республики. Те же, кто англичан поддерживал, ратовали за эскадру небольшую, которая действовала бы совместно с британским союзником. И дело было не в одном лишь отношении к англичанам. Крупные города Голландии, у которых были коммерческие интересы в балтийском регионе, выступали за отправку флота, а мелкие, такие как Схидам, Горкум и Ден-Брил, — против⁵⁸.

Впрочем, финансовое положение Республики оставляло мало пространства для маневра и позволяло не торопиться с военной экспедицией. К тому же пришли благоприятные известия из Копенгагена: все голландские суда, попавшие в руки датчан, были освобождены, то же самое произошло с судами, которые англичане задержали близ Гётеборга. А значит, с отправкой на Балтику большой эскадры Гаага могла подождать. Кроме того, были и плохие новости. Стало известно о страшной буре, разразившейся на севере страны в рождественские дни 1717 г. Амстердам, к счастью, не пострадал, но вокруг города многие дамбы были разрушены. По подсчетам секретаря шведской миссии, не менее трети провинции Гронинген и четверть Фрисландии оказались затоплены⁵⁹. При распределении бюджетных средств Республики вос-

---

⁵⁸ Ibid. 18.01.1718.

⁵⁹ Ibid. 02.01.1718.

становление дамб и плотин было задачей куда более важной, чем отправка военных кораблей на Балтику.

21 января 1718 г., после двух месяцев тяжелых дискуссий, Генеральные штаты приняли наконец резолюцию: к весне в Балтийское море предполагалось послать эскадру из 30 судов. Депутаты высказались также за то, чтобы направить в Стокгольм дипломата, причем в кулуарах называли имя голландского посланника в Дании Роберта Гуса. Однако прибыть в Стокгольм он должен был только тогда, когда резиденту Рюмпфу вновь разрешат появляться при шведском дворе. Эти решения шведский представитель Прейс встретил со смешанными чувствами. Реалист, он понимал, что предотвратить отставку голландской эскадры на Балтику невозможно. Более того, если Республика пошлет достаточное количество кораблей, ей будет легче дистанцироваться от действий британского флота. Больше недовольства вызывала у шведа идея «Высокомочных» назначить в Стокгольм Гуса. Дело было не в личности дипломата, а в его ранге. Прейс считал, что было бы намного лучше и полезнее направить к Карлу XII не посланника, а посла.

Его французский коллега де Шатонёф не одобрял этих придинок. Когда уже пол-Европы ополчилось на Швецию, нужно использовать любой шанс, чтобы избежать вражды между Стокгольмом и Гаагой. Такая примирительная позиция была разумной и исполненной реализма, но не учитывала темперамента шведского короля. Еще в начале января он дал понять, что его устроит лишь дипломат высшего ранга — посол. А до назначения посла не могло быть и речи о возвращении Рюмпфа к шведскому двору⁶⁰. Предвидя осложнения, Прейс довел точку зрения своего монарха до сведения Хейнсиуса и других членов комиссии Генеральных штатов по внешним сношениям. Обе стороны еще раз выложили карты на стол. Секретарь шведской миссии исходил из того, что обсуждать в Стокгольме тему шведского каптерства на Балтийском и Северном морях должен будет вновь назначенный посол, в то время как собеседники Преиса надеялись, что, когда Рюмпфу разрешат вернуться ко двору, вести переговоры будет именно он. Голландцы явно стремились решить проблему безопасного судоходства на Балтике как можно скорее, иначе рисковала рухнуть вся их система торговли. Упадок коммерции и мореплавания на севере и востоке Европы

---

⁶⁰ RSDH 345. Preis till Von Müllern, 27.01.1718.

грозил тяжелыми последствиями для торговых интересов Республики во всем мире.

Отсюда следовало, что начать снаряжать эскадру из 30 военных кораблей надо немедленно. Предстоящие расходы были оценены в три миллиона 133 тысячи гульденов. Помимо повышения некоторых налогов, было решено занять денег под 4% годовых. И внутри страны, и на международном финансовом рынке такой процент считался очень высоким, что показывает, в каком печальном положении находились тогда голландские финансы. Правящие круги в Гааге ожидали, кроме того, обструкции со стороны некоторых провинций — и не ошиблись. По мнению депутатов от Зеландии, достаточно было бы послать на Балтику всего шесть кораблей, а депутаты от провинции Гелдерланд вообще возражали против экспедиции. Провинциальные штаты Гелдерланда заявили вдобавок, что примут свою резолюцию не раньше 22 марта. То был испытанный способ торпедировать неприемлемые для провинции решения центральных властей.

За кулисами же продолжались переговоры со шведами о назначении в Стокгольм голландского дипломата. С середины февраля 1718 г. Прейсу помогал шведский генерал-майор Кунрад Ранк, состоявший на службе у ландграфа Гессен-Кассельского. Под видом дружеской услуги, которую ландграф, дескать, хочет оказать Генеральным штатам, Ранк предостерег гаагских политиков, что в балтийском регионе дело может принять для Республики самый неблагоприятный оборот. Что если Карл XII, взбешенный арестом фон Гёртца, окажет после войны предпочтение британским купцам перед голландскими? Усилиями того же фон Гёртца король Карл и царь Петр уже ведут переговоры о мире, и, стало быть, не исключено, что главный противник Швеции скоро выйдет из игры и тогда британский монарх быстро пойдет шведам на уступки. Плохо скрытые угрозы Ранка произвели на его собеседников в Гааге должное впечатление, и те захотели еще раз поговорить с Прейсом.

В разговоре с Прейсом все сразу же сошлись на том, что послать представителя Генеральных штатов в Стокгольм необходимо. Споры вызывал лишь его ранг: посланник или посол? Секретарь шведской миссии по-прежнему настаивал на том, что его король устроит только посол. К изумлению Прейса, ему сообщили, что штаты провинции Голландия уже назначили Гуса, который до тех пор служил посланником в Копенгагене, пред-

ставителем в Стокгольме. При этом о его повышении в ранге до посла не было даже речи. Существовали разногласия и насчет того, нужно ли принести Карлу XII извинения, и если да, то сделать ли это до или после возвращения резидента Рюмпфа к шведскому двору. Самым примечательным в этой беседе Прейса с высшими должностными лицами Республики было то, что шведы настоятельно посоветовали больше не обсуждать эти темы со своим французским коллегой, ибо тот не искренен⁶¹. Подобный же разговор состоялся у Прейса 21 февраля с депутатами провинциальных штатов Голландии от Амстердама. Особенно Бейс, пенсионарий Амстердама, был вне себя от ярости. Он предпочел бы, чтобы Рюмпфа в Стокгольме арестовали: тогда все, по крайней мере, было бы ясно и откровенно. К тому же голландской торговле уже нанесены убытки на 40 миллионов гульденов! Прейс ответил встречными упреками, напомнив, как голландцы обошлись с агентом шведского короля фон Гёртцем. Разговор зашел в тупик.

Не облегчали задачу Прейса и Ранка и новости из Лондона. Там приверженцам короля в палате общин удалось добиться продления эмбарго на торговлю со Швецией, несмотря на энергичное сопротивление со стороны лоббистов британских торговцев железом и медью. В результате купцы из Голландии сохранили свою монополию на шведском рынке, что вызвало в Амстердаме настоящее ликование⁶². Соответственно, примирение с Карлом XII уже не казалось голландцам делом таким срочным, ведь они и так держали в своих руках почти всю торговлю со Швецией. Правда, до шведских портов их кораблям еще надо было добраться...

Споры об отправке на Балтику эскадры продолжались. Депутаты от провинции Утрехт полагали, что 30 судов — это слишком много, достаточно и 20. В конце апреля депутаты от провинции Гелдерланд наконец согласились с самой идеей экспедиции, но при условии, что эскадра будет лишь сопровождать торговые корабли⁶³. Одновременно Гелдерланд потребовал выделить деньги на усиление укреплений городов Неймеген и Зютфен — и Генеральные штаты ассигновали на это полмиллиона гульденов⁶⁴. Печально обстояло дело и со снаряжением флота. Не хватало средств, чтобы построить требуемое количество су-

---

⁶¹ Ibid. 22.02.1718.

⁶² Ibid. 19.03.1718.

⁶³ Ibid. 26.04.1718.

⁶⁴ NA. ASG. Resolutiën Staten-Generaal, 12.04.1718.

дов и нанять достаточно моряков. Так, Амстердам снарядил всего три корабля и не готов был сделать больше, пока не получит необходимых субсидий⁶⁵. Время шло — и становилось все яснее, что из ширококомасштабных замыслов мало что удастся осуществить. Насколько беззащитной стала Республика, показали события середины мая, когда у побережья Фрисландии начали курсировать два шведских каперских корабля, которые свободно задерживали голландские суда. Пришлось срочно снарядить два фрегата, чтобы отогнать зарвавшихся шведов⁶⁶.

Промедления в подготовке балтийской эскадры были вызваны не только нехваткой денег. За кулисами, на дипломатическом фронте основной причиной было внезапное недовольство России планами голландцев. В Петербурге опасались, что голландцы опять, как и в 1716 г., окажутся просто исполнителями британских замыслов. 19 апреля 1718 г. голландского резидента в России Якоба де Би, находившегося в тот момент в Москве, вызвали вместе с четырьмя виднейшими голландскими купцами в этой стране к вице-канцлеру барону Шафинову. Сославшись на недавно перенесенную тяжелую болезнь, де Би сообщил, что приехать не сможет, так что купцы отправились к вице-канцлеру без официального представителя Республики.

Шафинов уведомил их о недовольстве Его Царского Величества намерением голландцев отправить на Балтику эскадру из 30 кораблей лишь для того, чтобы «обеспечить свободное плавание всех нейтральных судов в шведские и датские порты <...>, причем исключают или забывают прусские и российские порты»⁶⁷. К тому же Генеральные штаты, как показалось царю, даже грозили датчанам насилием в случае сопротивления. И это все по наущению Амстердама, города, который относится к российской короне недоброжелательно, — такое впечатление сложилось у Петра, несомненно, после холодного приема, оказанного ему в Амстердаме в 1717-м, о чем речь еще пойдет ниже. Шафинов напрямик заявил, что голландский флот должен охранять также те корабли, которые следуют в порты прусские и российские (имелись в виду бывшие шведские порты, захваченные войсками Пруссии или России). А о каких-либо враждебных действиях против

---

⁶⁵ Ibid. 22.04.1718.

⁶⁶ RSDH 345. Preis till Von Müllern, 20.05.1718; NA. ASG. Resolutiën Staten-Generaal, 06.05.1718.

⁶⁷ NA. Liassen Moskovië 7397, De Bie aan François Fagel, 22.04.1718.

датчан Гааге надо забыть. Если же Республика от нейтралитета отступит, царь без колебаний примет против ее подданных репрессивные меры как на суше, так и на море.

Напуганные гневной отповедью Шафирова, голландские купцы все же отказались быть у него на посылках и устно передать его слова резиденту — пусть вице-канцлер направит Якобу де Би письменную декларацию. Однако Шафиров как раз не желал этого делать. Несколько дней спустя резидент сам прибыл к вице-канцлеру. Поскольку в своей речи перед купцами тот усомнился, «хворает ли резидент или сказывается хворым», де Би постарался убедить Шафирова, что действительно был болен, и заверил его, что мнение, будто голландцы угрожали Дании, ни на чем не основано. И корабли, идущие в порты прусские или российские, никто оставлять без охраны не собирается, так что угрозы со стороны России по меньшей мере преждевременны⁶⁸. О том же заявили в Гааге послу Куракину. И все-таки гневная речь Шафирова произвела на власти Республики должное впечатление. Адмиралтейства Роттердама и Амстердама получили тайный приказ: под предлогом нехватки денег и матросов резко сократить число снаряжаемых кораблей. Сбор дополнительных средств на экспедицию прекратили. Стратегия гаагских политиков была ясна: если эскадра будет небольшой, это поможет рассеять недоверие русских⁶⁹.

Давление со стороны России — не единственный дипломатический фактор, с которым вынуждены были считаться правящие круги Республики. Еще в августе 1717 г. испанские войска заняли Сардинию. По Утрехтскому мирному договору 1713 г. бывшие испанские владения Милан, Неаполь и Сардиния достались австрийским Габсбургам, а Сицилия — герцогу Савойскому. Однако в Мадриде с переделом Италии не смирились. В Гааге испанский посол объяснил секретарю шведской миссии дело так: неужели король Испании должен безучастно смотреть, как король британский (он же курфюрст Ганноверский) пользуется слабостью шведов, чтобы прибрать к рукам Бремен и Верден?⁷⁰ Время для втор-

⁶⁸ Ibid. 25.04.1718.

⁶⁹ RSDH 345. Preis till Von Müllern, 20.05.1718.

⁷⁰ *Koningsbrugge van J.S.A.M. Tussen Mars en Mercurius. De Republiek der Verenigde Nederlanden, Spanje en de Quadruple Alliantie (1716–1720) // Tussen twee culturen. De Nederlanden en de Iberische wereld 1550–1800. Nijmegen, 1988. P. 44–45. См. также: Nimwegen van O. De Republiek. P. 37–44; Hartley J.M. Charles Whitworth. Diplomat in the Age of Peter the Great. Aldershot, 2002. P. 126–151.*

жения на Сардинию испанцы выбрали точно: австрийская армия в тот момент воевала с турками под Белградом. В Мадриде рассчитывали на то, что австро-турецкая война быстро не кончится, а Великобритания и Голландия на вооруженное вмешательство не пойдут.

С октября 1717 г. в Лондоне начались тайные многосторонние переговоры, и к февралю следующего года были намечены контуры компромисса. Испанскому королю предлагалось Сардинию покинуть, а за это его сыну, инфанту Карлосу, предоставили бы право унаследовать герцогства Тосканское и Пармское после того, как правящие там династии останутся без мужского потомства. Вместе с тем король Испании, внук Людовика XIV, вынужден был бы навечно отказаться от прав на французский престол: таково было главное требование руководившего Францией герцога Орлеанского, регента при малолетнем Людовике XV. Сардинии и Сицилии предстояло поменяться владельцами: герцог Савойский стал бы королем Сардинии, Сицилия же досталась бы Габсбургам. Наконец, по умолчанию было решено, что монарх Великобритании и Ганновера сохранит бывшие шведские владения Бремен и Верден за собой. Так амбиции Габсбургов в Италии были увязаны с политическими интересами герцога Орлеанского и территориальными аппетитами короля Георга I.

Уже в ноябре слух о лондонских переговорах дошел до Гааги, однако официально господа «Высокомочные» узнали о них лишь в апреле 1718 г. Естественно, это вызвало возмущение, ведь таким образом Республика уже не могла ни на что существенно повлиять. Британское правительство хотело сначала само выстроить всю систему договоренностей. Но совсем обойтись без участия голландцев было невозможно: Лондон нуждался в Гааге для более эффективного воздействия на короля Испании, да и вообще нейтралитет Республики вне международных союзов представлялся британским политикам нежелательным. В случае войны между Испанией и Великобританией последняя рисковала утратить приобретенные по Утрехтскому договору коммерческие выгоды в испанских владениях, если бы осталась без военной поддержки со стороны голландцев. В интересах британского Меркурия голландцы должны были при необходимости выступить вместе с британским Марсом.

Предложенный Лондоном Четверной союз (Великобритания, Франция, Австрия и Голландия) против испанцев вызвал в правящих кругах Республики, особенно в Амстердаме, острые спо-

ры. Тем, кто хотел уменьшить влияние англичан на политику страны, противостояли сторонники пробританского курса во главе с Хейнсиусом⁷¹. Уильям Кадоген, посол короля Георга, вновь проявил себя настоящим мастером коммуникации, охотно прибегая к испытанной тактике угроз. Генеральным штатам, говорил он, не стоит думать, будто в случае нейтралитета Республики в войне Великобритании, Франции и Австрии против Испании голландская торговля с испанскими владениями не пострадает. Когда же угрозы не помогали, британский посол менял тон, заверяя голландских политиков, что вступление в предложенный союз не потребует от их страны реального участия в военных действиях. В августе 1718 г. выяснилось, однако, что посол поторопился. Против того, чтобы участие Республики в союзе было чисто формальным, только на бумаге, выступила Франция, опасаясь, что в условиях войны голландцы вытеснят французов с испанских рынков. Четверной союз был официально заключен. Правда, состоял он юридически пока лишь из трех держав: Великобритании, Франции и Австрии.

Тем временем ситуация в Европе стала меняться. 21 июля 1718 г. венский двор подписал с турками мир, по которому Белград достался австрийцам. Еще до этого, в том же месяце, испанцы с успехом высадились в Сицилии, под восторженные крики населения, недовольного правлением герцога Савойского⁷². Не вовлеченная в лондонские переговоры, Испания явно отвергала предложенный там компромисс. Но Мадрид рано праздновал победу. 11 августа у берегов Сицилии, при мысе Капо Пассеро, испанский флот был неожиданно атакован и наголову разгромлен британской эскадрой. Испанские войска в Сицилии остались в полной изоляции. Ни о каких наступательных действиях Испании больше не могло быть и речи.

Дипломаты Великобритании и Франции в Гааге полагали, что уж теперь-то ничто не помешает Генеральным штатам присоединиться к Четверному союзу. 10 сентября депутаты этот вопрос обсудили. Представители Амстердама решительно поддержали предложения англичан и французов, так что после недолгого сопротивления депутатов от небольших городов, таких как Хорн и Ден-Брил, «Высокомочные» постановили в союз вступить⁷³. Но — с опреде-

⁷¹ *Koningsbrugge van J.S.A.M. Tussen Mars en Mercurius*. P. 52.

⁷² RSDH 346. Preis till Von Müllern, 06.08.1718.

⁷³ Regionaal Archief Leiden (RAL). Archief Gedeputeerden ter Dagvaart 9317, 10.09.1718; SAA. Missiven Gedeputeerden ter Dagvaart 5029, 15.09.1718.

ленными условиями, а они фактически означали, что голландское «да» — это на самом деле «нет». Условия были выдвинуты такие:

— Республика готова была выделить для коллективной обороны только половину того количества солдат, которое выставляли по отдельности трое других участников союза: 3000 вместо 6000;

— действие оборонительного союза не должно было распространяться за пределы Европы;

— все еще продолжавшиеся споры с венским двором по поводу размещения голландских гарнизонов в крепостях Южных (Австрийских) Нидерландов следовало разрешить немедленно, до официального вступления Республики в Четверной союз;

— и наконец, все участники союза обязывались гарантировать свободу судоходства и торговли на всех европейских морях⁷⁴.

Первое из этих условий — а власти провинции Голландия оправдывали его ссылками на тяжелейшее финансовое положение, падеж скота и наводнения — британский посол Кадоген и его новый французский коллега граф Шарль де Морвиль восприняли легко: официальное заявление голландцев о вступлении в союз было в тот момент гораздо важнее их фактического вклада в военные усилия союзников. Со вторым условием тоже нетрудно было согласиться, потому что подобную же формулировку трое других союзников использовали в тексте договора и раньше.

Третье условие, напротив, серьезно осложняло дело. Договор 1715 г. между Веной и Гаагой о голландских гарнизонах на землях будущей Бельгии отнюдь не разрешил всех разногласий между сторонами. Генеральные штаты требовали финансовой компенсации за содержание этих гарнизонов, а австрийцы хотели вернуть себе некоторые территории Фландрии, которые вынуждены были уступить голландцам в 1715-м. Конечно, в Лондоне хорошо понимали, что без решения этих вопросов ни о каком Четверном союзе и думать нечего, поэтому необходимо было британское посредничество. В течение всей осени 1718 г. в Гааге шли интенсивные переговоры. 22 декабря они завершились соглашением: в залог возмещения австрийцами части военных расходов Республики ей разрешили пользоваться в Южных Нидерландах доходами от портов Гента и Остенде, а территорию, которую австрий-

---

⁷⁴ RSDH 346. Preis till Von Müllern, 08.09, 15.09, 16.09, 27.09, 02.10.1718. См. также: *Hatton R. Diplomatic Relations*. P. 181.

цы должны были отдать Республике, уменьшили по новому договору в пять раз — несмотря на резкие протесты провинции Зеландия⁷⁵.

Но больше всего напряжения в отношении между союзниками внесло четвертое условие, поставленное «Высокомочными» перед вступлением в Четверной союз. Хотя сформулировано оно было в самом общем виде, всем было понятно, что речь шла о свободе судоходства на Балтийском море⁷⁶. Правящие круги Республики оправдывали это условие тем, что из-за участия голландцев в Четверном союзе их торговля с Испанией неизбежно страдает, а значит, вполне разумно было бы предоставить им взамен гарантии, касающиеся свободы торгового мореплавания на Балтике⁷⁷. Фактически это означало, что Великобритания и Франция должны взять на себя охрану голландских торговых судов в северном регионе, а это могло привести обе державы к войне со Швецией. Для англичан, которые и так каждый год отправляли на Балтику эскадру, чтобы защищать свои корабли от шведов, последнее условие голландцев не представляло столь уж большой проблемы. Однако для французов дело обстояло совершенно иначе. Еще со времен Тридцатилетней войны Франция и Швеция были союзниками, и хотя в эпоху регентства Париж предпочитал в Северной войне позицию нейтралитета и роль посредника, симпатии французов были явно на стороне шведов.

В Гааге сознавали, что выдвинутое ею четвертое условие почти невыполнимо. Едва оно было зафиксировано на бумаге, как оставшиеся в политической элите страны противники союза тут же, словно по мановению волшебной палочки, перестали возражать⁷⁸. И действительно, Франция это условие отвергла. Переговоры о вступлении Республики в Четверной союз будут продолжаться еще до весны 1720 г., но практически вопрос об этом был с повестки дня снят⁷⁹.

---

⁷⁵ *Hatton R. Diplomatic Relations. P. 181–182.*

⁷⁶ SAA. Missiven Gedeputeerden ter Dagvaart 5029, 15.09, 16.09.1718; RAL. Archief Gedeputeerden ter Dagvaart 9317, 10.09, 15.09, 17.09.1718.

⁷⁷ RSDH 346. Preis till Von Müllern, 14.09.1718.

⁷⁸ SAA. Missiven Gedeputeerden ter Dagvaart 5029, 16.09.1718; RAL. Archief Gedeputeerden ter Dagvaart 9317, 15.09, 16.09.1718.

⁷⁹ *Hatton R. Diplomatic Relations. P. 181–183; Croll E. Het aandeel van de Republiek der Vereenigde Nederlanden in de Quadruple Alliantie van 1718 // Bijdragen voor Vaderlandsche Geschiedenis en Oudheidkunde. 5^e reeks., Deel 1. 's-Gravenhage, 1913. P. 151–155.*

КОНЕЦ ЛЬВА СЕВЕРА

Пока в Гааге весной 1718 г. обсуждали вступление голландцев в оборонительный союз против Испании, на Аландских островах, к востоку от Стокгольма, начались русско-шведские переговоры о мире⁸⁰. Намерения шведов были очевидны: отколоть Россию от антишведской коалиции, не идя при этом ни на какие серьезные жертвы. Много внимания было уделено декоруму, внешнему блеску. Предоставив своим дипломатам фон Гёртцу и Юлленборгу великолепные экипажи, шведы хотели показать, что держава Карла XII по-прежнему могущественна и богата. Посланцам русско-го царя Андрею Остерману и Якову Брюсу было поручено добиться от шведов как можно больших уступок, причем в Петербурге прекрасно понимали, что считаться надо не только с Карлом XII, но и с королем Георгом I. Властителю Великобритании и Ганновера больше всего хотелось избавиться от присутствия на немецких землях как шведских, так и русских войск, поэтому за несколько месяцев до начала переговоров на Аландских островах британский монарх прислал своего представителя-ганноверца в ставку шведского короля в городе Лунд, дабы разузнать о перспективах мирного урегулирования на Балтике. Карл XII неожиданно заполучил новые козыри: теперь у него появился шанс договариваться поотдельности с британским королем и с царем, которые друг друга терпеть не могли.

Одновременно шведы готовились к новому походу с целью укрепить свои переговорные позиции и заключить сепаратные мирные договоры со своими противниками на лучших условиях. Ведя переговоры о мире с Россией, король не мог направить войско в Финляндию, а курсировавшие на Балтийском море британские и датские военные корабли не позволяли произвести высадку на южном побережье Балтики. Оставалось лишь одно: новое вторжение в Норвегию. Финансовые возможности продолжать войну у Швеции расширились — благодаря займам, полученным фон Гёртцем в Голландии, и тому, что британская блокада не слишком затруднила экспорт шведских товаров. Поставки железа и меди из Швеции осуществлялись отныне через прусский Кёнигсберг.

---

⁸⁰ См. об этом: *Фейгина С.А.* Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959.

Тело Карла XII уносят с поля битвы.
Картина работы Густафа Седерстрёма, 1884 г.
Национальный музей, Стокгольм

На исходе августа шведская армия в 40 тысяч человек двумя колоннами перешла норвежскую границу. Одна колонна двинулась на город Тронхейм, а перед основными силами под предводительством Карла стояла задача овладеть крепостями Фредерикстен и Фредерикстад. Поход 1716 г. наглядно показал, что без взятия этих двух крепостей, которые можно было снабжать с моря, попытки захватить столицу Норвегии, Христианию, не имели смысла, ибо, пока обе крепости оставались в руках норвежцев, арьергард шведской армии оказывался слишком уязвимым.

24 ноября началась осада Фредерикстена. Гарнизон крепости насчитывал всего 1400 человек, но укрепления отличались высокой прочностью, и припасов у осажденных было много. Через три дня шведам все же удалось овладеть одним из трех внешних укреплений, и, поскольку шведская артиллерия превосходила норвежскую, судьба Фредерикстена была, казалось, предreshена. Опасаться приходилось лишь вылазки гарнизо-

на, которая привела бы к лишним жертвам среди осаждавших. 30 ноября (по григорианскому календарю 11 декабря⁸¹), около 9 часов вечера, Карл захотел осмотреть подступы к крепости и, несмотря на предостережения офицеров, высунулся из траншеи. Пуля вошла в левый висок и пробила ему голову насквозь. Так окончилась его бурная жизнь, а вместе с ней и господство Швеции на Балтике.

Годы 1716–1718 не принесли коренного перелома в Северной войне. Запас прочности и сил оказался у Швеции больше, чем ожидалось. Между тем дело фон Гёртца обнажило скрытые противоречия между шведами и голландцами. Запрещение резиденту Генеральных штатов в Стокгольме появляться при дворе Карла XII подтверждало, что отношения между двумя державами надолго испорчены. Этим стремились воспользоваться влиятельные в правящих кругах Республики сторонники Великобритании, однако внезапное освобождение фон Гёртца показало, что они не всемогущи. Именно пробританская позиция великого пенсионария Хейнсиюса серьезно подорвала его авторитет.

Также в спорах об участии страны в Четверном союзе проявилась не столько нерешительность гаагских политиков, сколько нежелание многих из них бросаться безоглядно в объятия короля Георга. С тех пор как во внешней политике Великобритании взяли верх интересы Ганновера, бывлой союзник голландцев сделался в их глазах ненадежным. Курс британского двора был несовместим с желанием большей части голландской элиты соблюдать в международных делах осторожность. Постепенно приходило понимание того, что прежней атмосферы доверия между Лондоном и Гаагой уже не существует и Республике необходимо переориентация ее внешней политики. В то же время стало очевидным бессилие маленького государства. То, что горстка шведских каперов смогла вызвать в Амстердаме настоящую панику, многое говорит о тогдашнем состоянии не только обороны страны, но и ее финансов. Девизом голландцев было и оставалось: осторожность и умеренность.

---

⁸¹ В Швеции григорианский календарь был введен лишь в 1753 г. (*Прим. переводчика*).

IV.
ПОДПОРЧЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ,
НЕВЫПОЛНИМЫЕ ЗАДАЧИ
И ШПИОНАЖ:
ГОЛЛАНДИЯ И РОССИЯ
в 1713–1718 годах

Рассматривая взаимоотношения между Республикой Соединенных Нидерландов и Швецией в 1713–1718 гг., нельзя не заметить, что они быстро ухудшались. Как ни странно, то же самое можно сказать об отношениях голландцев и с врагом Швеции — Россией. С обеими важнейшими державами балтийского региона Республика была в 1718 г. не в ладах. Триумфом голландской дипломатии это не назовешь. Особенно неуклюже действовали руководители страны в истории с фон Гёртцем. Причиной была готовность Гааги подстраивать свою политику под политику Лондона и давать себя вовлечь во всякого рода авантюры. Большую роль играли также разногласия в правящей элите Республики насчет того, как вести себя с Карлом XII. Не формулируя свою позицию четко, на бумаге, Генеральные штаты полагали, что, несмотря на оскудение собственной казны и военную слабость, они могут безнаказанно бросать шведскому королю вызов. С удалением резидента Рюмпфа от шведского двора там не осталось никого, кто бы отстаивал интересы Республики и ее подданных. Конечно, и раньше вмешательство резидента давало мало результатов, если так свободно чувствовали себя по отношению к голландским судам шведский флот и каперы. Но теперь голландские купцы были перед шведами совершенно беззащитны и фактически вне закона.

Однако почему ухудшился политический климат между Республикой и Россией? Ведь царь Петр питал к голландцам явные симпатии. Он легко находил с ними общий язык, многие из них служили в далекой северной стране на флоте или на верфях

и стройках ее новой столицы. Голландцы составляли ядро врачебного и инженерского корпуса России. Здесь все складывалось нормально, хотя российская казна была известна тем, что платит очень неаккуратно. Но отдельные люди — это одно, а их государство — нечто другое. Проблема состояла в том, что от правительства Республики царь хотел большего, чем оно готово было дать. В 1697 г., приехав в Голландию впервые, Петр просил оказать ему широкомасштабную военную помощь против турок. Голландцы отказали — и Великое посольство завершилось политической неудачей. В 1717 г., во время второго визита Петра в Республику, история повторилась. Высокий гость добивался того, чтобы гаагские политики еще до заключения им мира со Швецией официально признали и гарантировали его власть над принадлежавшими шведам землями, захваченными русскими войсками. Но так далеко заходить Гаага не желала. Как ни велико было раздражение действиями шведов на Балтике, открыто встать на сторону противников Швеции государство, провозгласившее свой нейтралитет в Северной войне, не могло.

Так что от центральных властей Республики русские мало получили поддержки. Иначе обстояло дело с Амстердамом. Еще в 1697-м Петр познакомился там с местными купцами и банкирами. Именно они деньгами и оружием помогли России выстоять на первом этапе Северной войны, когда русские терпели поражения. Пророссийское лобби в Амстердаме будет существовать и проявлять активность на протяжении всей этой долгой войны¹.

Почему же тогда так драматически испортились отношения голландцев с Россией? Прежде всего это было связано с изменившимся положением на Балтике после 1709 г., после победы Петра под Полтавой. Отныне русские войска занимали в шведских владениях один порт за другим, и каждый раз царь обещал сохранить те привилегии, которыми обладали в этом порту купцы из нейтральных стран. Бургомистр и члены городского совета могли остаться на своих местах. Но одновременно царь назначал военного губернатора, в руках которого и была сосредоточена реальная власть. Эта смена режима больно ударила по голландским торговцам и шкиперам. Отправить скопившиеся в порту товары в Голландию можно было лишь после долгих переговоров. Так, наследникам Адольфа Хаутмана — большого друга России — пришлось ждать два года, пока им позволят вывезти

---

¹ См. об этом: *Koningsbrugge van J.S.A.M. Tussen Rijswijk en Utrecht, passim.*

свой груз табака из Ревеля и поташа из Риги. И только в мае 1712 г. голландцам дали разрешение построить склады; до этого все товары лежали под открытым небом. О каком-либо возмещении ущерба не было, разумеется, и речи².

Все это сопровождалось угрозами, а то и побоями. Когда голландский корабль заходил в Ригу, Ревель или Нарву, капитана чаще всего тащили к местному начальству, где с ним в течение трех-четырёх дней обращались крайне грубо и жестоко, а на борт судна поднимались солдаты и наиболее ценные товары конфисковывали. Генерал-губернатор завоеванных провинций Меншиков, насквозь коррумпированный фаворит царя, ничего не делал, чтобы положить конец злоупотреблениям. Более того, ссылаясь на вспышки чумы в окрестных деревнях, он заставлял шкиперов продавать на месте большие партии соли, которую власти затем по немыслимым ценам перепродавали. При каждом посещении Петром прибалтийских провинций местное дворянство подавало ему жалобы на все эти бесчинства, но ничего не менялось³. Случалось, конечно, что царь устраивал своему любимцу строгую выволочку. Так, в марте 1712 г. Петр, как написал в Голландию резидент Якоб де Би, отругал генерал-губернатора за то, что тот покрывает воров и «выставляет их честными людьми, а честных людей ворами»⁴. «Предупреждаю тебя в последний раз!», — говорил обычно государь, и таких «последних разов» бывало множество...

Еще одна проблема появилась, как уже было сказано, 5 ноября 1713 г. В тот день Петр издал указ о том, чтобы половина товаров, которые прежде следовали через Архангельск, шла отныне через Петербург⁵. Подтолкнуть к этому иностранных купцов должны были изменения таможенных тарифов. Поскольку в Архангельске голландцы, как уже сказано, занимали господствующее положение, новые меры российских властей вызвали в Республике резкое недовольство, особенно в Амстердаме. Тем более что путь в Петербург преграждали шведские военные моряки и каперы, а вход в устье Невы из-за отмелей был для круп-

---

² *Koningsbrugge van J.S.A.M. Der Niedergang des niederländischen Handel mit Russland und dem Baltikum in den Jahren 1710–1721 // Around Peter the Great. Three Centuries of Russian-Dutch Relations. Groningen, 1997. P. 88–89.*

³ NA. Liassen Moskovijë 7367, De Bie aan Fagel, 07.03.1712.

⁴ Ibid. 29.03.1712.

⁵ Ibid. 29.01.1714.

ных кораблей недоступен. Однако многочисленные протесты со стороны Генеральных штатов ни к чему не привели. Впрочем, нельзя сказать, что позиции Архангельска во втором десятилетии XVIII в. заметно ослабли. Напротив, как показал канадский историк Дж. Кнопперс в своей книге «Голландская торговля с Россией от Петра I до Александра I», число судов, заходивших в Архангельск, даже выросло: если в 1693–1697 гг. их было в среднем 47 в год, то в 1716 г. — 233. Петербург же в тот год принял всего 40 кораблей⁶. Экономический рост новой столицы начнется лишь по окончании Северной войны (1721).

Сдерживали деятельность голландских купцов в России, кроме того, протекционистские меры Петра в отношении российской промышленности. Для ее защиты царь повысил ввозные пошлины на шелк, текстиль и фарфор, т.е. как раз на те товары, которые поставляли в первую очередь голландцы. Их конкурентные позиции на российском рынке ухудшились. Естественно, Генеральные штаты протестовали также против этого, и протекционизм Петра стал камнем преткновения в политическом диалоге Петербурга и Гааги.

Еще в 1712 г. власти Республики дали понять, что не согласны официально признать аннексию Россией шведских владений⁷. В ходе второго визита Петра к голландцам (декабрь 1716 — сентябрь 1717 г.) русский посол князь Куракин опять затронул эту тему. Фактически он предложил обмен. Если Генеральные штаты проявят готовность признать русские завоевания на Балтике, то все проблемы, связанные с торговлей между двумя странами, будут быстро решены⁸. Правящие круги Республики предложение Куракина отвергли, еще раз продемонстрировав суть своей политики нейтралитета в Северной войне: тайно продавать одной из сторон оружие и молчаливо позволять ей нанимать на службу голландцев, однако никаких официальных политических шагов навстречу кому-либо из участников конфликта не делать. В России вновь убедились, что политических уступок от Гааги ждать не приходится. Именно в этом свете и следует оценивать позицию России в отношении Республики.

---

⁶ *Knoppers J. Dutch Trade with Russia. Vol. I. P. 221.* По данным И.М. Кулишера (История русской торговли и промышленности. С. 142), в Архангельск пришли в 1716 г. 142 иностранных судна, а в Петербург 33.

⁷ *Koningsbrugge van J.S.A.M. Tussen Rijswijk en Utrecht. P. 246–247.*

⁸ *Knoopers J.V.Th. The Visits of Peter the Great. P. 48.*

Потешный бой на реке Эй в честь царицы Московской.
Гравюра, выполненная, предположительно, Барентом де Баккером по рисунку, приписываемому Херманюсу Петрюсу Схаутену, 1717 г. Государственный музей (Рейксмузеум), Амстердам

Для чего проявлять особую благосклонность к голландским купцам в прибалтийских портах, если господа «Высокомочные» не могут и не хотят давать ничего взамен? И поскольку русские считали гораздо более выгодным поддерживать собственных купцов и предпринимателей, сближение между Петербургом и Гаагой было почти невозможно.

Посещение Республики царем и царицей в 1716–1717 гг. с политической точки зрения не стало большим событием. Разумеется, и в Амстердаме, и в других городах высоких гостей встречали и провожали залпами пушек. Петру и Екатерине оказывали все полагавшиеся по протоколу почести⁹. Однако в разреше-

⁹ Вагеманс Э. Царь в Республике, *passim*.

нии противоречий между двумя странами никакого сдвига не произошло. Визит носил скорее туристический характер, чем политический, тем более что царь из-за неожиданной болезни вынужден был несколько недель в бездействии провести в Амстердаме. Для правителей в Гааге центральной фигурой в дипломатическом диалоге с русскими оставался посол Куракин¹⁰. Правда, Петр и сам активно занимался всем, что касалось подготовки мира со Швецией, включая то, что обсуждали с Куракиным в этой связи представители шведского короля Прейс и фон Гёртц¹¹.

Ко второму приезду царя в их страну голландцы поначалу отнеслись с энтузиазмом, что признал даже Прейс¹², но воодушевление быстро сошло на нет. Самодержец во всех подробностях осматривал мануфактуры и иные заведения, но как раз это возбудило недоверие: не намерен ли он просто подсмотреть все новшества и воспроизвести их у себя в России?¹³ Охлаждение выразилось также в том, что все попытки русских занять в Амстердаме денег провалились¹⁴. Не пришли на помощь даже те купцы, которые вели балтийскую торговлю с Россией. Немногим лучше обстояло дело и с Гаагой. В январе 1717-го в прусском городке Везель, около голландской границы, Екатерина родила сына. Счастливый Петр обратился к Генеральным штатам с просьбой принять новорожденного царевича «под свое отеческое покровительство» и выступить в качестве «восприемника». Но когда на следующий день младенец скончался, то в Гааге, если верить шведу Прейсу, были «отчасти рады, так как это избавляет от подарков и других расходов»¹⁵.

Только в одном отношении второй визит царя в Республику можно назвать успешным. Несмотря на то, что сразу после его прибытия в Амстердам сердитые жены матросов, отправившихся служить в России, явились к дому, где остановился августейший гость, и потребовали уплаты причитавшейся им части жа-

¹⁰ См. письма Куракина Петру I в 1717 г. (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. Д. 6).

¹¹ Донесение Куракина Петру I о беседах с Прейсом и фон Гёртцем в июле–августе 1717 г. (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. Д. 12).

¹² RSDH 341. Preis till Von Müllern, 05.01.1717.

¹³ RSDH 342. Preis till Von Müllern, 12.01, 09.02.1712.

¹⁴ Ibid. 30.03.1717.

¹⁵ Ibid. 19.01.1717. Подробнее см.: *Вагеманс Э.* Царь в Республике. С. 104–110.

лованья их мужей¹⁶, еще много мастеров и всякого рода специалистов нанялись к царю на службу. Тогдашняя пресса писала даже о 6000 человек¹⁷. И пусть это и преувеличение, все равно ясно, что огромное число жителей Голландии, Южных Нидерландов и Франции проторили тогда себе дорогу в новую петровскую столицу. После Утрехтского мира 1713 г. резко возросла безработица, поэтому возможность хороших заработков в далекой северной державе казалась множеству людей очень привлекательной.

МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ НА РУССКОЙ СЛУЖБЕ: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЙОХАННЮСА ВАН ДЕН БЮРГА

Амстердамский купец Йоханнюс Сейбрандтс ван ден Бюрг поступил на службу к русским в феврале 1704 г. Купец Эгберт Тесинг, старый знакомый царя Петра, представил коллегу вице-адмиралу российского флота Корнелису Крёйсу (в России — Корнелий Иванович Крюйс). Фактически ван ден Бюрг взял на себя две важные обязанности, которые прежде исполнял Крюйс: нанимать на службу к царю матросов, офицеров и иных специалистов, а также присматривать за русскими, учившимися в Голландии¹⁸. Услуги амстердамца Петр ценит так высоко, что в июне 1707 г. официально назначил его своим агентом при Генеральных штатах, с проживанием в Амстердаме¹⁹.

Год спустя ван ден Бюргу довелось сыграть немаловажную роль даже в большой европейской политике. Пока тогдашний посол России в Гааге Матвеев находился в Лондоне, агент сам

---

¹⁶ RSDH 341. Preis till Von Müllern, 01.01.1717.

¹⁷ Antwerpsche Post-Tijdinghe, 12.02.1717.

¹⁸ *Koningsbrugge van J.S.A.M. The Dutch Republic, Sweden and Russia, 1697–1708, and the secret activities of Cornelis Cruys and Johannus van den Burgh // Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century. Groningen, 1998. P. 57.* Подробнее о Йоханнюсе ван ден Бюрге см.: *Вагеманс Э. Царь в Республике. С. 42–50.*

¹⁹ *Zuiden van D.S. Bijdragen tot de kennis van Hollandsch—Russische relaties in de 16de—18de eeuw. Amsterdam, 1911. P. 23.*

вел переговоры с великим пенсионарием Хейнсиюсом по поводу предложения русских помочь Республике в войне за испанское наследство, прислав 12–15 тысяч солдат для участия в боевых действиях на землях будущей Бельгии. Однако в тот момент в Гааге полагали, что войну на Балтике выиграет Швеция, а потому предложением России не воспользовались. На высшем дипломатическом уровне Йоханнюс ван ден Бюрг действовал, впрочем, недолго. Летом 1708 г. несколько лондонских булочников и мясников, которым Матвеев задолжал 316 фунтов стерлингов, добились его ареста и заточения «как преступника» в местную тюрьму²⁰. Уже через пару часов, благодаря вмешательству его знакомых купцов, русского посла выпустили, но, глубоко оскорбленный, он немедленно отбыл назад в Гаагу, где и взял все дипломатические дела, связанные с международной политикой, опять в свои руки.

Стремление царя Петра через своего агента нанять к себе на службу как можно больше голландцев было вызвано, естественно, желанием модернизировать Россию. Судя по одному из контрактов 1708 г., который мы вправе считать типичным, нанимали на три года с возможностью продлить срок службы еще на один год. Часть жалованья выплачивалась на месте, в России, остальное выдавали оставшимся дома женам. Перед отъездом на службу человек получал задаток в размере жалованья за 4 месяца²¹. Найти для каждого дела приемлемого кандидата бывало совсем нелегко, и ван ден Бюрг как-то пожаловался генерал-адмиралу Ф.М. Апраксину: «Приходят иной раз 10 <человек>, прежде чем я могу выбрать одного подходящего, и я должен им что-нибудь давать и в разговор вовлекать, дабы все от них услышать [и определить], подходят ли они. Если бы Вы, Ваше Превосходительство, знали, сколько усилий мне стоит нанимать людей, мне бы за каждого человека приплачивали столько, на сколько я там с каждым должен сидеть выпивать»²².

---

²⁰ *Koningsbrugge van J.S.A.M. The Dutch Republic.* P. 59.

²¹ Протокол, составленный нотариусом Г. ван дер Гру, 1708 г. (Zuiden van D.S. Bijdragen).

²² Письмо Йоханнюса ван ден Бюрга Ф.М. Апраксину, 27.02.1711 (*Uhlenbeck C.C. Verslag aangaande een onderzoek in de archieven van Rusland ten bate der Nederlandsche geschiedenis.* 's-Gravenhage, 1891).

Порой дело кончалось плохо. Так, с марта по май 1714 г. он, как уже говорилось, сумел отправить в Ревель без малого 200 голландских офицеров и матросов²¹. Но примерно 20 мая галиот с 40 голландцами был захвачен шведским флотом и отведен в Карлскруну. Вскоре после этого Генеральные штаты постановили, что подданным Республики на российской службе, попавшим в руки к шведам, не следует рассчитывать на покровительство родного государства²². «Высокомочные», с одной стороны, стеснялись неприкрытой помощи, которую особенно амстердамцы оказывали России, а с другой, сознавали, что реально запретить это не в состоянии.

Постоянной головной болью для агента были бесконечно приходившие к нему с жалобами жены моряков, служивших в России. Женщины требовали положенную им часть жалованья мужей. Однако средства на это поступали из России редко, а потому ван ден Бюргу ничего не оставалось, как успокаивать несчастных «мягкими словами», хотя он сам признавал, что «они предпочли бы деньги, на которые смогли бы жить»²³. Бывало, ситуация вообще выходила из-под контроля. В феврале 1720 г. перед домом ван ден Бюрга в Амстердаме собралось более сотни возмущенных женщин. «Они хотели поджечь мой дом и на меня наброситься», — написал агент самому Петру. Неудивительно, что ван ден Бюрг подумывал о покупке жилья в Гааге, куда можно было бы ускользнуть от измучивших его перебранок²⁴. Даже самого Куракина то и дело осаждали, когда он приезжал в Амстердам. Он уже не осмеливался показываться там на улицах иначе как в сопровождении двоих лакеев.

Агента русского царя осыпали жалобами также те голландцы, которые после службы в России вернулись на родину. Многие утверждали, что им недоплатили, и подавали на ван ден Бюрга иски городским властям. «И я ничего иного не могу сделать, — сетовал он 22 марта 1720 г. в письме к вице-канцлеру барону Шафирову, — как сказать, что я полагаю, что им в России все полностью заплатили, и что я по этому поводу напишу...»

---

²¹ Письма ван ден Бюрга Головкину, 20.03, 23.03, 10.04, 13.04, 18.05.1714 (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1714 г. Д. 12).

²² См. об этом в письме ван ден Бюрга Головкину, 29.05.1714 (Там же).

²³ Письма ван ден Бюрга Головкину, 08.06, 12.04.1714 (Там же).

²⁴ Письмо ван ден Бюрга Петру I от 29.02.1720 (Архив внешней политики Российской империи МИД РФ [АВПРИ]. Ф. 50. Оп. 1. 1720 г. Д. 8).

«И если бы господа советники не питали ко мне уважения, они бы меня давно уже приговорили...»²⁵.

По мере того как Северная война продолжалась, число нанимавшихся на русскую службу уменьшалось, если не считать того периода в 1716—1717 г., когда Петр гостил у голландцев. В те месяцы многие завербовались в Россию, но после отъезда царя кандидатов опять стало заметно меньше. Из-за недостаточности платежей, поступавших из России, ван ден Бюргу все труднее было поставлять туда новых офицеров, матросов и мастеров, а в 1723-м он даже заявил, что «совершенно не в состоянии» кого-либо нанять. Через год набрать удалось лишь четырех гарпунщиков и двух резчиков китового жира для китобойного промысла²⁶. Такое резкое сокращение набора голландцев на службу в России объясняется, безусловно, не только скудостью финансовых средств, которыми располагал ван ден Бюрг, но и тем, что война на Балтике закончилась.

Другой обязанностью амстердамского купца еще с 1704 г. было, как мы помним, осуществлять надзор за учившимися в Голландии русскими. Под началом агента оказалось не менее 150 учеников — «пенсионеров» Его Царского Величества. Кроме ван ден Бюрга, ими занимался на месте князь И.Б. Львов, но ему не хватало знакомств и связей, чтобы определять молодых россиян к подходящим учителям. Понятно, что Львов пытался переложить часть своих функций на амстердамца, а тот наотрез отказывался²⁷. Прошел год, прежде чем в июне 1713 г. он согласился помогать Львову и уведомил об этом по всей форме генерал-адмирала Апраксина²⁸. Не исключено, что это было результатом выговора, сделанного ван ден Бюргу его петербургским начальством. В дальнейшем Львов занимался в основном теми своими соотечественниками в Голландии, которые обучались навигации²⁹, а в 1715-м тяжелая болезнь заставила князя вер-

---

²⁵ Письмо ван ден Бюрга Шафирову, 22.03.1720 (Там же). Подробнее см.: *Boonstra J. De activiteiten van Johannus van den Burgh, 1719–1725* [Scriptie Geschiedenis, Rijksuniversiteit Groningen]. Groningen, 1997. P. 33.

²⁶ Boonstra J. De activiteiten. P. 34.

²⁷ Письма князя И.Б. Львова Апраксину, 20.09.1709; 08.05.1712 (Uhlenbeck C.C. Verslag).

²⁸ Письмо ван ден Бюрга Апраксину, 23.06.1713 (Ibid.).

²⁹ См. об этом: Krotov P.A. Russische ‘navigators’ in Nederland tussen 1708 en 1715 // *Tijdschrift voor Zeegechiedenis*. Vol. 21. Amsterdam, 2001. Afl. 1. P. 15–23.

нуться в Петербург. С его преемником Осипом Соловьевым ван ден Бюрг четко разделил обязанности: каждый присматривал за своей группой учащихся. Не пройдет и двух лет, как Соловьев, обвиненный в финансовых злоупотреблениях, будет российскими властями вывезен из Амстердама, а все его имущество конфискуют³⁰. По окончании Северной войны (1721) число русских, обучающихся в Голландии, сократилось — к большому облегчению ван ден Бюрга — до нескольких человек.

Повседневный надзор за учащимися тоже был, несомненно, делом непростым. Из-за неизбежных языковых проблем местные специалисты предпочитали брать в ученики соотечественников, и ван ден Бюргу приходилось раскошелиться, чтобы убедить голландцев принимать к себе на обучение русских. К тому же надо было следить за успехами каждого из этих молодых людей в отдельности. Поведение некоторых просто выводило агента из себя. Они мало того что приходили на работу с опозданием, так еще и постоянно пьянствовали и предавались разврату. Сама атмосфера невиданной ими ранее свободы, царившая в Голландии, зачастую способствовала распушенности³¹.

В 1719 г. Петр разрешил своему агенту в Амстердаме применять меры более жесткие. «С большим удовольствием вижу повеление Его Величества наказывать тех, кто не хочет работать, — ответил обрадованный Йоханнус ван ден Бюрг кабинет-секретарю царя А.В. Макарову. — Сие повеление пришло как раз вовремя, ибо медник Виллем Шарников весьма ленив и медлителен и не желает усердно работать, так что я приказал не давать ему пропитания. Поэтому он продал свой плащ и отправился в Гаагу, дабы на меня пожаловаться, но князь Куракин не даст ему утешения и, если тот во второй раз явится в Гаагу, велит прогнать его, как и всем прочим, Ваше письмо»³².

Порой никакие средства не помогали, и нерадивых учеников приходилось отсылать назад в Россию. Типичный пример — Михаил Морашов. Он постоянно напивался и даже угрожал ван ден Бюргу ножом. С мастером, у которого проходил обучение,

---

³⁰ См. Об этом: *Серов Д.О.* Заметки о жизни ассессора Осипа Соловьева // *Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century*. Groningen, 1998. P. 97–110.

³¹ *Boonstra J.* De activiteiten. P. 39.

³² Письмо ван ден Бюрга А.В. Макарову, 24.03.1719 (РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. 1719 г. Д. 42).

молодой человек тоже обходился без особого почтения: «Он спросил у своего хозяина, есть ли в Зандаме игорные или публичные дома, как в Амстердаме, на что тот ответил “нет”. Тогда он [Морашов] сказал, что женат и не может работать, если у него не будет женщины. Хозяин сказал, что в Зандаме таких домов нет, а тот ответил: ну, хозяин, позволь мне в таком случае использовать твою жену или дочь — я ей буду за это деньги платить»³³. Тут даже физические меры воздействия, которые применил к виновному ван ден Бюрг, ничего не дали — оставалось только отправить Морашова в Петербург. В своих воспитательных попытках агент не останавливался перед тем, чтобы прибегнуть к помощи русского православного священника при посольстве России в Гааге. Учащиеся, как положено, исповедовались, обещали больше не грешить, но закоренелых грешников исправить не удавалось³⁴.

Впрочем, большинством своих протееж ван ден Бюрг был, по видимому, доволен. Правда, настоящее облегчение он испытывал лишь тогда, когда вверенные его попечению россияне благополучно возвращались на родину. Ведь некоторые из них, завершив четырехлетнее обучение, внезапно исчезали. Зачем плыть назад в Россию, рассуждали они, если уже овладел в Голландии специальностью и языком? Привязанность к близким и преданность государю не всегда брали верх. Те, кто предпочел не возвращаться, нанимались на суда Ост-Индской или Вест-Индской компании и уходили бороздить океаны. А один женился на голландке и нашел себе заработок в самой Республике. После смерти Петра (1725) «пенсионеры» больше не приезжали, и ван ден Бюрг продолжал заниматься только теми, кто прибыл раньше.

В обязанности агента входило, кроме того, вести переписку с высшими должностными лицами России, такими как канцлер Головкин, вице-канцлер Шафиров, кабинет-секретарь Макаров или генерал-адмирал Апраксин, а иногда даже с самим Петром, подробно извещая их обо всем, что их интересовало. А так как Республика находилась на пересечении многих почтовых дорог, амстердамец должен был также переправлять почту из Петербурга в Берлин, Вену и Лондон. При этом почтовые расходы подчас тяжелым бременем ложились на его бюджет. Так,

---

³³ Письмо ван ден Бюрга Макарову, 23.04.1723 (РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. 1723 г. Д. 64).

³⁴ *Boonstra J. De activiteiten.* P. 40–41.

с октября по декабрь 1723 г. они составили изрядную сумму в 236 гульденов³⁵.

Если добавить, что деньги от российского правительства приходили с запозданием, то вполне понятно, почему ван ден Бюрг то и дело сталкивался с острой нехваткой средств. И пожалованный ему в 1717 г. миниатюрный портрет царя, обрамленный бриллиантами³⁶, едва ли мог решить эту проблему. Когда нужда в деньгах становилась нестерпимой, агент обращался к русскому послу, будь то Матвеев или его преемник Куракин. Однако ни тот, ни другой чаще всего не спешили ему помочь, поскольку и сами из-за неаккуратности российской казны пребывали в стесненных обстоятельствах и вынуждены были прибегать к услугам дружественных голландских купцов вроде Кристоффеля Брантса.

Вместе с тем агент ван ден Бюрг пытался, разумеется, извлечь из своих связей с Россией коммерческую выгоду. Он, например, получал часть прибыли от трех судов: одного гукора и двух галиотов, которые назывались «Солнце», «Луна» и «Тунец». В своей переписке с канцлером или с царем он называл их «наши кораблики», так что коммерческие интересы были, судя по всему, общими. Агент регулярно просил указаний относительно этих кораблей, но царь обычно ограничивался выражением согласия с тем или иным предложением самого ван ден Бюрга. «Солнце», «Луна» и «Тунец» ходили в торговое плавание в восточную часть Балтики, прежде всего Ригу, Данциг и Кёнигсберг. Иной раз портом назначения был Стокгольм, хотя, как доложил Его Царскому Величеству ван ден Бюрг 3 декабря 1720 г., этот маршрут был не столь выгоден, так как люди там из-за войны обеднели и не могли ничего купить³⁷.

Еще агенту приходилось снабжать многих российских сановников предметами роскоши. Он посылал им бочки с бренди, каштановые деревья и даже экзотических птиц из голландской колонии Суринам; из последних, конечно, лишь немногие достигли Петербурга³⁸. Но и это было далеко не все, чем должен был

³⁵ *Boonstra J.* De activiteiten. P. 40-41.

³⁶ *Heeringa K.* Overzicht van de betrekkingen van Rusland tot Nederland tot aan het jaar 1800 // *Bijdragen en Mededelingen van het Historisch Genootschap.* Utrecht, 1930. P. 87.

³⁷ Письмо ван ден Бюрга Петру I, 03.12.1720 (РГАДА. Ф. 9. Оп. 2. 1721 г. Д. 55).

³⁸ *Boonstra J.* De activiteiten. P. 49-51.

заниматься представителем царя в Амстердаме. Ему полагалось следить за новыми изобретениями, чтобы их можно было переправить в Россию. Так, в 1723 г. Петр узнал об изобретении огнетушителя: царь еще в 1697–1698 гг. в Амстердаме очень интересовался средствами тушения пожаров³⁹, ведь у него на родине городская застройка была в основном деревянная. Ван ден Бюрг связался с изобретателем Хопффером и отослал государю исчерпывающее описание новинки. Она оказалась всегонавсего бочкой с водой, которая, когда ее вкатывали в огонь, автоматически открывалась. Использовать ее можно было только один раз⁴⁰.

Помимо предметов роскоши и технических новшеств агент поставлял своему петербургскому начальству также сведения о европейской политике. Будучи амстердамским купцом, он располагал обширной сетью контактов, тем более что в Амстердаме ведущие политики часто были связаны с международной торговлей. К таким влиятельным в городе лицам, как Николас Витсен или Виллем Бёйс, агент неоднократно заходил за помощью, советом и ценной информацией. Он и у себя их принимал, устраивая званные обеды, что давало прекрасную возможность узнать все новости, а также продвигать интересы России. Он и в Гааге знал очень многих купцов и политиков, скорее всего еще с 1708 г., когда фактически заменял русского посла Матвеева во время его пребывания в Лондоне. Тогда же он свел близкое знакомство с самим Хейнсийсом и потом не раз ездил в Гаагу побеседовать с великим пенсионарием о важных делах. А Хейнсийс, в свою очередь, узнавал от него новости из России. Переписку они друг с другом вели мало, именно потому, что часто встречались.

«Многоголовое» государственное устройство Республики не способствовало сохранению секретов, поэтому собрать конфиденциальную информацию не составляло труда. Гаагские политики не только выбалтывали все что угодно в разговорах с дипломатами, но и любили обсуждать государственные тайны в трактирах, «за стаканчиком»⁴¹. Тот факт, что каждые три-четыре дня

---

³⁹ *Driessen J.J.* Tsaar Peter de Grote en zijn Amsterdamse vrienden. Utrecht, 1996. P. 42–44.

⁴⁰ *Boonstra J.* De activiteiten. P. 51.

⁴¹ Bruin de G. Geheimhouding en verraad. De geheimhouding van staatszaken ten tijde van de Republiek (1660–1750). 's-Gravenhage, 1991. P. 77–81, 387.

агент отправлял в Петербург донесение не менее чем на шести страницах, показывает, какой объем информации он поставлял. К донесениям он нередко прикладывал газеты на нидерландском и французском языках.

В газетах тоже можно было почерпнуть немало сведений. Проблема, однако, была в том, что не все, что сообщали газеты, соответствовало действительности. Поэтому в задачу ван ден Бюрга входило, кроме всего прочего, опровергать ложные известия, касающиеся России. К примеру, в декабре 1722 г., в период Персидского похода Петра, он доложил, что сумел развеять запущенные «нашими тайными врагами» слухи о кончине царя в Персии и о гибели там почти всей его армии⁴². При появлении в печати негативных известий о России жаловаться великому пенсионарию было бесполезно, поскольку в Республике пресса пользовалась большой свободой. И послу Куракину, и агенту ван ден Бюргу приходилось действовать по-другому, пытаясь влиять на издателя газеты через своих друзей или прямо прибегая к подкупу. В Гааге удалось добиться от издателя обещания опираться в дальнейшем не на сомнительные немецкие источники, а на официальные известия российских властей. К сожалению, в этих официальных известиях, если они вообще поступали, содержалось слишком мало свежих новостей⁴³.

Интересовали агента, естественно, также донесения, пришедшие в Гаагу от голландских дипломатов. По инструкции им полагалось направлять Генеральным штатам лишь так называемые *публичные донесения*. Информация в них была в основном малозначительная, так как оглашали эти послания на пленарном заседании и содержание их недолго сохранялось в тайне⁴⁴. В донесениях такого рода сообщалось главным образом о бракосочетаниях, похоронах и торжественных приемах. Куда больше любопытства вызывали у ван ден Бюрга *секретные донесения*, которые дипломаты направляли чаще всего секретарю Генеральных штатов или великому пенсионарию. Амстердамский купец, по всей вероятности, просто подкупил пе-

---

⁴² Письмо ван ден Бюрга Петру I, 11.12.1722 (АВПРИ. Ф. 50. Оп. 1. 1722 г. Д. 5).

⁴³ *Boonstra J. De activiteiten*. P. 58–59.

⁴⁴ *Franken M.A.M. Coenraad van Beuningen's politieke en diplomatieke activiteiten in de jaren 1667–1684*. Groningen, 1966. P.25.

реписчика в канцелярии, вследствие чего русский двор был полностью в курсе всего, что сообщали «Высокомочным» их представители за рубежом. Скрытыми от русских глаз оставались разве что спорадические прямые ответы-директивы, которые посылали дипломатам великий пенсионарий или секретарь Генеральных штатов.

Анализируя всю многообразную деятельность Йоханнюса ван ден Бюрга, мы можем сделать вывод, что в условиях, в которых ему приходилось функционировать, он действовал превосходно. Страдая от бесконечных жалоб, неаккуратных платежей, а то и физических угроз, царский агент честно служил неутомимым посредником между правящими кругами Амстердама и Гааги, с одной стороны, и российскими властями, с другой. Только бескорыстной преданностью делу можно объяснить, почему он большую часть жизни служил тем, кто ему так плохо платил. До какой степени плохо, стало ясно 27 ноября 1731 г., когда ван ден Бюрг скончался. В инвентарной описи его имущества обращает на себя внимание список должников. От одной лишь имперской канцелярии в Петербурге агент недополучил 29 368 гульденов, а еще 30 тысяч ему причиталось от различных высокопоставленных особ при русском дворе⁴⁵.

По завещанию он оставил половину своего капитала (облигации и дома в Амстердаме и Гааге) вице-канцлеру Российской империи графу А.И. Остерману. В благодарность за помощь в устройстве его финансовых дел в России ван ден Бюрг завещал треть своего имущества Яну Крюйсу, сыну вице-адмирала Корнелия Крюйса. Одна шестая досталась Хендрику Олдекопу, сотруднику покойного агента, ставшему его преемником. Похороны Йоханнюса ван ден Бюрга вышли скромными: всего за 10 гульденов и 10 центов он обрел вечный покой рядом с женой и детьми в амстердамской церкви Вестеркерк.

---

⁴⁵ *Boonstra J. De activiteiten. P.18.*

КОНФЛИКТЫ ИНТЕРЕСОВ И НЕВОЗДЕРЖАННОСТЬ НА ЯЗЫК: МИССИЯ ЯКОБА ДЕ БИ

Между 1711 и 1713 годами взаимоотношения между Республикой Соединенных Нидерландов и Россией, как уже говорилось, ухудшились. Изменившееся соотношение сил в балтийском регионе — русские войска уже овладели большей частью шведских портов — оказалось для голландских купцов невыгодным. К тому же их интересам наносили всевозможный ущерб действия генерал-губернатора Меншикова. Резидент Генеральных штатов при русском дворе Якоб де Би смог сам в этом убедиться, отправившись зимой 1711—1712 г. в Петербург.

Новая столица не вызвала у него восторга. Дороговизна там царила такая, какой он не встречал «во всей Германии». Из-за нехватки средств ему пришлось, по его собственным словам, поселиться в жалком деревянном доме, где были только «две пригодные комнаты». Поэтому дипломат попросил свое начальство избавить его от обязанности устроить в честь своего прибытия банкет⁴⁶. Сам же город, когда армия и флот уходили воевать, напоминал собой пустыню. Динамизм быстро растущей столицы явно не произвел на голландца впечатления. Претила ему и придворная жизнь с ее празднествами и пиршествами. То, что участие в них принимал сам царь, Якоб де Би находил прискорбным и видел причину пошатнувшегося здоровья Петра исключительно в пьянстве и обжорстве⁴⁷.

Есть основания предполагать, что поездка и первые впечатления резидента о Петербурге в значительной мере предопределили его мнение о России и ее властелине. Сложившийся у него негативный образ укрепила история в Гельсингфорсе, где, как сказано выше, русский флот без всякого повода уничтожил пять голландских торговых судов. Впрочем, недовольство 30-летнего дипломата русскими было обоюдным. В Петербурге считали, что Генеральные штаты направили в Россию представителя слишком низкого ранга. При дворе курфюрста

⁴⁶ NA. Liassen Moskovïë 7367, De Bie aan Staten-Generaal, 25.07.1713.

⁴⁷ NA. Liassen Moskovë 7397, De Bie aan Fagel, 05.11.1714.

Саксонского, который занимал одновременно польский престол, Республику представлял чрезвычайный посланник — и в Петербурге ожидали дипломата по меньшей мере такого же ранга, тем более что у царя в Гааге был чрезвычайный посол, т.е. носитель высшего дипломатического ранга.

Якобу де Би предстояло еще ко многому привыкнуть в практике российской дипломатии. Как бы ни были важны в России высокие сановники, все решения принимал самодержец и никто иной. Собеседники де Би, прежде всего канцлер Головкин и секретарь Посольского приказа Остерман, были не более чем передаточным звеном. Поскольку все передавалось на рассмотрение государя, а государь отнюдь не сидел на месте, то игра с вопросами и ответами могла тянуться до бесконечности. Русский двор, как никакой другой, владел искусством затягивания. Типичный пример — все тот же инцидент в Гельсингфорсе. Хотя де Би и сумел после четырех месяцев переговоров добиться признания русскими своей вины в случившемся, конкретные шаги, которые следовали из этого признания, заставят себя ждать более 10 лет. И все это время гельсингфорское дело будет отравлять отношения между двумя странами. Царь мог себе позволить даже после столь серьезного инцидента годами игнорировать требования голландцев. «Высокомочные» в Гааге протестовали, посылали своему дипломату поручение за поручением, но прибегать к более сильным мерам воздействия не хотели, да и не имели возможности.

Больше всего де Би должен был заниматься проблемами голландских купцов в России⁴⁸. Естественно, они испытывали большие трудности из-за российской бюрократии, которая замедляла любое дело. Бюрократизм был неотъемлемой частью общей системы управления в стране, где никто, кроме первого лица, не смел брать на себя ответственность ни за какое решение. Доказательств сознательной обструкции со стороны российских властей по отношению к голландским купцам у нас нет, однако то, что Петербургу отдавалось предпочтение за счет Архангельска, открыто и явно наносило голландской торговле в России ущерб, ухудшая конкурентные позиции подданных Республики. Впро-

---

⁴⁸ Подробнее см.: *Steevensz C. Het residentschap van Jacob de Bie: Diplomatieke betrekkingen tussen de Republiek en Rusland in een tijd van oorlog, 1711–1718* [Scriptie Geschiedenis, Rijksuniversiteit Groningen]. Groningen, 1993. P. 24–26.

чем, желание царя ослабить зависимость своей державы от одного торгового партнера и усилить конкуренцию между купцами из разных стран, было не менее понятным и логичным. Поднять Россию на уровень развития Запада, не впадая в слишком большую зависимость от него, — такова была политическая программа Петра⁴⁹. Его покровительство собственной, российской промышленности и торговле предполагало повышение ввозных пошлин на многие импортные товары, а именно это в глазах голландского дипломата означало подрывать свободу торговли⁵⁰.

В отдельных случаях ему удавалось добиться приемлемого для тех или иных его соотечественников решения, но *структурные* проблемы в торговых связях Голландии с Россией продолжали существовать. В этих условиях де Би неоднократно получал из Гааги прямое поручение сделать возможным торговый договор между двумя странами. Договор служил бы юридической основой голландской коммерции в России, что позволило бы легче решать повседневные вопросы, осложнявшие там жизнь подданным Республики. Кроме того, договор помог бы избегать произвольных мер, таких как одностороннее повышение русскими пошлин.

Однако дело было в том, что в вопросе о торговом договоре правительства обеих стран преследовали совершенно разные цели. После очередной беседы с Остерманом резидент 29 октября 1714 г. объяснил в письме к секретарю Генеральных штатов Франсуа Фагелу, что царь, на которого влияет Меншиков, не изменит свое решение о привилегиях Петербургу в ущерб Архангельску. И не только из любви к своей новой столице, но и для того, чтобы вынудить голландцев и англичан справиться со шведским каперством на Балтике. Петр исходит из того, что ни Голландия, ни Великобритания не в состоянии обойтись без русских товаров, «которые, как полагает Его Величество, нельзя найти ни в каком другой стране мира»⁵¹. Так что подданным Республики придется и впредь терпеть «русские пошлины и притеснения», причем все тяготы лягут на голландских купцов, а плоды коммерции пожнет властитель России.

---

⁴⁹ *Massie R.* Peter de Grote en het ontstaan van het moderne Rusland 1672–1725. Amsterdam; Brussel, 1986. P. 692–695.

⁵⁰ NA. Liassen Moskovïë 7397, De Bie aan Fagel, 22.03.1715.

⁵¹ *Ibid.* 29.10.1714.

Прежде чем де Би успел получить через Остермана ответ от царя относительно торгового договора, секретаря Посольского приказа обвинили в злоупотреблениях. 6 декабря было начато расследование. На первом же заседании следственной комиссии Петр обрушился на Остермана с грубой бранью: тот, мол, со своими друзьями за несколько лет настолько разворовал казну, что царские доходы истощились. Сообщая об этом в Гаагу, резидент с одобрением отметил, что русский государь наконец-то взялся за своих коррумпированных приближенных. Де Би со вкусом описывал, как вице-губернатору Ингрии Я.Н. Римскому-Корсакову в пыточной камере сломали руку, а управляющий Адмиралтейством А.В. Кикин после допроса попытался покончить с собой. К ответу привлекли также «ревельского коменданта-тирана» В.Н. Зотова — к великой радости голландского дипломата. Увы, злой гений Петра, самый ненавидимый голландца среди русских вельмож, Меншиков, по словам де Би, получил от царя заверения, что ему опала не грозит. Правда, оставалась надежда, что Меншиков «через наказание своих ставленников сам тоже пострадает»⁵². Два месяца спустя дипломату пришлось доложить в Гаагу, что крупных последствий это дело не имело. От проведенного расследования потерпели «больше кошельки, нежели жизни». Виновные уплатили штрафы на общую сумму свыше шести миллионов рублей, и де Би не преминул вернуть, что деньги эти были фактически взяткой царице Екатерине за ее заступничество. Вдобавок она получила от обвиняемых два фунта драгоценностей⁵³.

Посланец Генеральных штатов мог сколько угодно считать, что России торговый договор с Республикой срочно необходим, — сами российские власти полагали иначе. 28 января 1715 г. из Москвы в Петербург прибыл голландский купец Ян Люпс. Царь его принял и спросил, что он думает о возможном торговом договоре между Республикой и Россией. В донесении де Би мы читаем, что купец всячески уклонялся от прямого ответа, «говоря, что не может высказать своего мнения, не навлекая на себя немилости господ Высокомочных, его природных суверенов, и Его Царского Величества, в землях коего проживает»⁵⁴. Потом в разговоре с де Би Ян Люпс заверил дипломата, что желание голландцев до-

---

⁵² Ibid. 14.12.1714.

⁵³ Ibid. 15.02.1715.

⁵⁴ Ibid. 01.02.1715.

биться «свободы торговли по всей России» в обмен на подобную же привилегию для русских в Голландии, исполнено не будет, ибо это означало бы вытеснение с русского рынка коренных, местных купцов. Если Люпс высказать свое мнение царю не решался, то его русские коллеги стеснялись меньше, резко отвергая принцип взаимности и равенства купцов обеих стран. Так же бы настроен и сам Петр. В том же, что касается различий в размере пошлин для русских и голландцев, царское «нет» звучало не столь категорично. Резиденту Генеральных штатов дали понять, что слабость рубля делала повышение пошлин для иностранцев неизбежным, но со временем эти различия исчезнут⁵⁵.

Как нелегко приходилось голландцу Люпсу, показали события середины марта. Преполование Великого поста Петр и его двор неизменно отмечали возлияниями в течение целой недели. На исходе ее государь пожелал посетить Люпса и прибыл к нему уже в изрядном подпитии. Высокому гостю поднесли вина французского и венгерского, но ему эти напитки не понравились и он по-русски обругал купца скрягой и «жидом». Пытаясь оправдаться, голландец сказал, что купил вино через вице-адмирала Крюйса, но Петр еще больше разгневался и на несколько часов посадил гостеприимного хозяина под арест в его же собственном доме. Помимо нежелания высказаться по поводу возможного торгового договора, Люпс вызвал недовольство российских властей тем, что обратился в Сенат и другие инстанции с просьбой «рассчитаться», после чего собирался окончательно вернуться на родину. Он не без оснований полагал, что за услуги, оказанные им России в поставке оружия⁵⁶, ему кое-чем обязаны. Однако царь счел намерения голландца дерзостью, ведь, как написал де Би в Гаагу, «проживающий в этих землях иностранный купец рассматривается по большей части как подданный»⁵⁷. А подданные самодержца покидать страну без его разрешения не вправе.

Люпсу ничего не оставалось, как просить Генеральные штаты о содействии. Де Би, со своей стороны, констатировал, что если бы между Россией и Голландией существовал торговый договор, всей этой злополучной ситуации можно было бы избежать. В благодарность за поддержку купец подсказал резиденту «Высокомочных» в Петербурге два способа принудить русских к уступ-

---

⁵⁵ Ibid., 15.02.1715.

⁵⁶ См. об этом: *Koningsbrugge van J.S.A.M. Tussen Rijswijk en Utrecht*. P. 101–105.

⁵⁷ NA. Liassen Mosковиë 7397, De Bie aan Fagel, 22.03.1715.

кам. Строжайший запрет на вывоз из Республики денег и контрабанды — оружия! — показал бы, что «Голландия может обойтись без России, а Россия без Голландии нет»⁵⁸. Другой возможный способ — ответить русским введением чрезвычайных пошлин на их товары, доставляемые в Голландию. Де Би оба совета одобрил, так как давно уже рассматривал отношения с Россией лишь через призму конфронтации.

В начале января 1716 г. дошло до открытой ссоры между резидентом и вице-канцлером бароном Шафировым⁵⁹. Тот прямо заявил, что с равным обложением пошлинами голландских товаров в России и русских в Голландии государь никогда не согласится. Де Би ответил, что Генеральные штаты имеют право возложить на подданных России «в пропорции» более тяжелое фискальное бремя. На это Шафиров возразил: государь не желает, чтобы его подданных в Республике ставили ниже, чем других иностранцев. По словам же де Би, Генеральные штаты могли бы пойти на компромисс, если бы голландские купцы в России пользовались равными правами с армянскими, которые обладали там значительными привилегиями. Это предложение вице-канцлер отклонил. Когда же резидент дал понять, что «Высокомочные» готовы говорить лишь о «старых владениях и землях» Его Царского Величества, а Петербург и прочие захваченные у шведов территории официально пока не считают русскими, это, разумеется, только ухудшило атмосферу. 24 января разговор повторился, но столь же безрезультатно. А так как Петр уже готовился к отъезду в свое второе заграничное путешествие, переговоры с де Би были прекращены⁶⁰. Впрочем, если бы царь никуда и не уезжал, стороны едва ли достигли бы соглашения. В отношении пошлин на импортные товары и равного статуса для русских и голландских купцов их позиции радикально расходились. Принцип свободы торговли, который отстаивали голландцы, был просто несовместим с российской политикой протекционизма.

Пока Петр отсутствовал — до октября 1717 г., — ни о каких успехах резидента в Петербурге не могло быть и речи. Не было на месте даже его постоянных собеседников, ведь и Головкин,

---

⁵⁸ Ibid.

⁵⁹ Ibid. 06.01.1716.

⁶⁰ Ibid. 24.01.1716.

и Шафиров, и Остерман отбыли со своим монархом за границу. Содержание донесений дипломата в Гаагу изменилось. Так, 24 июля 1716 г. он сообщил, что русские солдаты в Финляндии буквально умирают от бескормицы, а генерал-адмирал Апраксин не в состоянии ничего предпринять, поскольку «люди ежедневно гибнут сотнями»⁶¹. Тогда командующий из собственных средств закупил на 200 тысяч рублей муки и других продуктов. Вина за создавшееся положение лежала, по мнению Апраксина, на Меншикове, который, хорошенько наполнив зерном собственные склады, дожидался, когда оно в условиях дефицита резко вздорожает. Жалобы шли одна за другой, однако, как подчеркивал в своих письмах де Би, Меншиков оставался неприкасаемым, выпутываясь из любых затруднений благодаря тугому кошельку и царскому покровительству.

В конце 1716-го, пока Петр все еще находился за рубежом, резидент столкнулся с новой проблемой. Некий «доктор» из голландского города Гронинген был в Гамбурге по приказу датского короля арестован. Его обвинили в том, что он предлагал королю Швеции «какой-то негасимый огонь собственного изобретения, способный в короткое время истребить целый флот»⁶². Понятно, что датчане, противники шведов, подвергли изобретателя допросу с пристрастием, и тот сказал, что не может изготовить подобный огонь без содействия лейтенанта Карела Лодевейка Капса из гронингенского гарнизона. Загадочным лейтенантом заинтересовались *также* русские. Их резидент в Гамбурге отправил в Гронинген своего тестя, дабы заполучить этого офицера. Обещание приятного путешествия в Гамбург послужило хорошей приманкой, но по дороге Капс заметил, что карета повернула в другую сторону — по-видимому, в Данию. Он вышел и сам добрался до Гамбурга. Там на постоялом дворе его посетила некая женщина, которая убедила его зайти к русскому резиденту. Не успел офицер войти в здание миссии, как его схватили и, продержав семь недель под стражей, в полной изоляции, переправили с русским конвоем в Данию, в ставку русского командования.

Там Капс признался, что знаком с изобретателем и что тот хотел обучить его своему искусству, но до этого так и не дошло. Командующий русскими войсками в Дании отнесся к словам

---

⁶¹ Ibid. 24.07.1716.

⁶² Ibid. 14.12.1716.

голландца с недоверием, и его после еще семи месяцев заточения доставили морем в Петербург, где бросили в Петропавловскую крепость. Резидент Генеральных штатов де Би, естественно, пытался получить разрешение поговорить с заключенным, но ему отказали, и он мог лишь оплачивать его пропитание в тюрьме. В начале июня «Высокомочные» в Гааге потребовали освободить подданного Республики. Каково же было удивление де Би, когда ему заявили, что лейтенант будет сидеть до конца войны, ведь и «доктор», признавший, что владеет секретом «негасимого огня», тоже находится под стражей в Дании⁶³. Единственная уступка, на которую пошли голландцам русские, — это согласие отныне самим оплачивать содержание узника. Снова, в который уже раз, испытал де Би унижительное чувство бессилия. Не только купцы-голландцы как группа легко становились жертвой произвола российских властей, но даже отдельные подданные Республики, будь то Люпс или лейтенант Капс. Дипломатические протесты не помогали, и резидент вынужден был проводить время в бездействии.

Весной 1718 г. отношения между Гаагой и Петербургом, и без того уже охладившиеся, неожиданно превратились в совершенно ледяные. Россия, как мы знаем, энергично воспротивилась плану голландцев послать на Балтику эскадру из 30 кораблей: русские опасались, что может подвергнуться нападению их союзник — Дания. При этом они обрушили свой гнев на дипломата де Би, который тут мало что мог поделать⁶⁴. Под давлением русского посла в Гааге и из-за отчаянного финансового положения Республики эскадру пришлось в конце концов уменьшить до 9 судов. Тем временем де Би в своих донесениях извещал «Высокомочных», что ожидать выгоды от торговли с державой Петра не приходится, ибо, «по их [голландских купцов в России] мнению, абсолютно невозможно при введенном тарифе плавать в Петербург и вести коммерцию»⁶⁵. Любой неугодный царю внешнеполитический шаг Республики немедленно обернется дальнейшими притеснениями голландцев в России. Де Би не исклю-

---

⁶³ Ibid. 24.12.1717.

⁶⁴ См. об этом: *Hovinga V. In dienst van de Republiek: het mislukte residentschap van Jacob de Bie (1711–1718) // Van de Vierpotige Leeuw en de Tweekoppige Adelaar. Studies over Nederlands-Russische relaties. Groningen, 2002. P. 29–31.*

⁶⁵ NA. Liassen Moskovië 7397, De Bie aan Fagel, 21.03.1718.

чал даже того, что Петр начнет выдавать норвежцам и датчанам каперские свидетельства, позволяющие нападать в открытом море на голландские суда⁶⁶.

Сам резидент тоже подвергался в Петербурге мелким притеснениям. Его не приглашали на приемы, и он больше не получал принятых в дипломатическом обиходе официальных уведомлений от принимающей стороны. Вице-канцлер Шафиров даже не скрывал того, насколько российские власти раздражены всем, что говорил и делал де Би. Исполнять дипломатические функции тот фактически уже не мог. Сознывая это, он 29 апреля попросил правящие круги в Гааге отозвать его для консультаций⁶⁷.

Острейший период кризиса вскоре миновал. В конце мая де Би получил возможность показать Шафирову резолюцию Генеральных штатов, в которой они заявляли, что отправляют в Балтийское море эскадру из 9 кораблей без каких-либо агрессивных намерений. Речь шла лишь о защите голландских торговых судов. Гаага всячески демонстрировала, что ее акция на Балтике никаких серьезных последствий для международной политики за собой не повлечет. Изначально импульсивная реакция русских уступила место разумному восприятию происходящего.

Успокоение, однако, продлилось недолго. 13 июля, когда единственный ребенок де Би «в судорогах словно бы боролся со смертью», резидента вызвали к Шафирову. Вице-канцлер предъявил ему целый ряд обвинений, и среди прочего — в участии в заговоре царевича Алексея. Сын Петра не поддерживал его преобразований и был лишен права на наследование престола. Из проведенного весной 1718 г. расследования видно, что заговор был направлен не столько против Петра, сколько на то, чтобы вернуть царевичу право после смерти отца занять его трон⁶⁸. Действительно ли реформы Петра были бы новым государем отменены, вызывает сомнения. Алексей Петрович был воспитан в дорогих Петру западных традициях и сам успел познакомиться с Западной Европой. Ему претила скорее военная политика отца: предпочтения, которое тот отдавал развитию флота, Алексей совершенно не разделял.

---

⁶⁶ Ibid. 28.03.1718.

⁶⁷ Ibid. 29.04.1718.

⁶⁸ Подробнее см.: *Павленко Н.И.* Петр Великий. С. 398–406.

Пыточное следствие завершилось осуждением многих знатных лиц и представителей высшего духовенства, особенно из ближайшего окружения царевича. Мать его Евдокию, первую супругу Петра, сослали в отдаленный монастырь близ Ладожского озера. Брату ее на Красной площади отрубили голову. Любовника же ее, майора С.Б. Глебова, с которым она сошлась, когда жила в Суздальском Покровском монастыре, после жесточайших пыток («пытанный в Москве страшно кнутом, раскаленным железом, горящими угольями, потом трое суток был привязан к столбу на доске с деревянными гвоздями») посадили на кол⁶⁹. Если верить сообщению де Би в Гаагу от 28 марта, причиной этих зверств был твердый отказ Глебова раскрыть секрет тайнописи, которой он вел переписку⁷⁰.

14 июня самого царевича бросили в Петропавловскую крепость. По воле Петра начались допросы с применением пыток. После сорока ударов кнутом Алексей показал, что хотел смерти отца и даже добивался от императора Священной Римской империи военной помощи для захвата власти⁷¹. Затем царевича предали церковному и гражданскому суду, которому на основании этих выбитых кнутом показаний ничего не оставалось, как приговорить обвиняемого к смерти. Петр после всех «признаний» заговорщика не мог себе позволить отменить приговор, но и не решался подвергнуть сына публичной казни. Из таких затруднений царя вывела кончина царевича 26 июня. Причина ее не выяснена, хотя можно предположить, что Алексей, никогда не отличавшийся крепким сложением, не перенес избиений. В какой психологической раздвоенности находился Петр, показывает церемония погребения царевича. Похоронили его в соответствии с его высоким рангом и по всем обычаям Русской православной церкви, в присутствии царя, однако, по желанию последнего, никто не носил траур, а иностранных дипломатов не было. На медали, которую отчеканили по повелению Петра в конце того же года, изображено лучезарное небо и выбиты слова «Величество твое везде ясно», явно выражающие чувство облегчения после окончания этого тягостного дела⁷².

---

⁶⁹ *Massie R. Peter de Grote. P. 622–625.*

⁷⁰ NA. ASG 7397. Liassen Moskoviië, De Bie aan Fagel, 28.03.1718.

⁷¹ *Massie R. Peter de Grote. P. 628–629.*

⁷² *Ibid. P. 633.*

Но при чем тут резидент Генеральных штатов? В своих донесениях де Би откровенно говорил о непопулярности петровского правления в консервативных кругах и даже о том, что смерть царевича Алексея в Петропавловской крепости не была естественной. А так как голландец тайнописи не использовал и на почте в Петербурге с его донесений снимали копии, российские сановники содержание писем де Би хорошо знали⁷³. Было решено, что подобной информацией может располагать лишь тот, кто реально вовлечен в заговор. Иначе почему бы он написал, что «в Москве и здесь во время расследования жил в страхе и тревоге»?⁷⁴

25 июля, через 12 дней после вызова к вице-канцлеру де Би направил в Гаагу донесение на 16 страницах под заглавием «Краткое и искреннее повествование о нарушении международного права, совершенном с применением насилия». Он рассказал об обвинениях, которыми его яростно, с пеной у рта осыпал Шафиров, заявляя без всякого стеснения, что «мошеннические и лживые» письма де Би давно уже открывают и читают, и даже грозя дипломату плахой. Особый гнев властей вызвало сообщение резидента о предстоящем бунте. На это де Би ответил, что сам наблюдал в Москве бесчисленные казни, включая и страшную расправу с Глебовым, и все это отнюдь не свидетельствовало о царящем в стране спокойствии. Ведь даже голландские купцы были «охвачены страхом». Подозрительным показалось Шафирову также то, что де Би так быстро доложил секретарю Генеральных штатов о смерти царевича Алексея. Резидент признался, что о ней ему поведал лейб-хирург царя, голландец Ян Гови.

«Вас здесь держат, чтобы заниматься одними только делами торговыми, а вы хитростью влезли в дела деликатные, которые вас не касаются. Вы способны из сладчайшего меда острейший яд извлекать!» — передал де Би гневную речь вице-канцлера. По мнению Шафирова, просьба резидента к Генеральным штатам отозвать его из Петербурга была продиктована лишь желанием ускользнуть от российских властей. Обвинили его также в том, что он сообщил в Гаагу о слабом здоровье наследника престола, двухлетнего царевича Петра Петровича. Откуда дипломату стало об этом известно? Оказалось, что жена придвор-

---

⁷³ См. об этом: *Hovinga V. In dienst van de Republiek*. P. 32–33.

⁷⁴ NA. Liassen Moskovië 7397, De Bie aan Fagel, 25.07.1718.

ного медика Л.Л. Блюментроста часто рассказывала жене де Би, как тяжело у царевича режутся зубки и какой он слабенький. Российские сановники считали эту информацию государственной тайной, которую уж точно нельзя было разглашать в письмах за границу.

Вернувшись в тот день домой, дипломат застал душераздирающую сцену. Его жена, на последних сроках беременности, стояла, обливаясь слезами, перед их домом, окруженная гренадерами, в руках которых были ружья с примкнутыми штыками. Перед этим, дождавшись, когда де Би отправится к вице-канцлеру, солдаты взломали топорами двери его кабинета и забрали все находившиеся там письма и документы⁷⁵. Разумеется, это было грубейшим нарушением международного права. Официальному представителю Республики Соединенных Нидерландов запретили поддерживать любые контакты с внешним миром, не говоря уже о проживавших в России голландских купцах. В половине двенадцатого ночи оставшиеся в доме восемь гренадеров под командованием поручика внезапно отбыли, заявив, что де Би может вновь располагать своим жилищем.

На следующий день, 14 июля были взяты под стражу — по видимому, как информаторы голландского дипломата — лейб-хирург Ян Гови и акушерка, тоже из Голландии. Обдумав все это и расспросив слуг, не заметили ли они накануне 13-го числа чего-либо необычного, де Би выяснил, что в предшествующие дни близ его дома был замечен соглядатай от российского Адмиралтейства. От пережитых волнений у резидента случился нервный припадок — понадобилось вызвать врача. 15 июля де Би по его просьбе посетил секретарь Адмиралтейства Веселовский, перед которым дипломат стал ходатайствовать об освобождении арестованных. Был у него в этом деле и личный интерес. Жена вот-вот должна была родить, и де Би очень боялся, как бы в отсутствие акушерки-голландки возможные преждевременные роды не оказались для матери и ребенка роковыми. Секретарь же Адмиралтейства потребовал от де Би официально заявить, что он не писал клеветнических писем о Шафирове и Остермане: то был еще один упрек, который среди прочего высказал голландцу вице-канцлер. Однако из-за припадка дипломат не мог даже взять в руки перо. Потом ему все же пришлось такое заявление написать, ибо Шафилов настаивал. Акушерка, в про-

---

⁷⁵ Ibid.

шлом слишком много болтавшая, осталась под арестом, а встревоженному мужу роженицы посоветовали обратиться к акушерке шведке или финке, которых в Петербурге было достаточно.

16 июля де Би получил из канцелярии два письма с требованием немедленно явиться. Он ответил, что по состоянию здоровья не может этого сделать. Два дня спустя к нему неожиданно вновь приехал Веселовский. Теперь представитель Адмиралтейства требовал назвать имена тех голландских купцов в Москве, которые, по словам де Би, «охвачены страхом» из-за состоявшихся там публичных казней. Если же резидент откажется, с ним будут обращаться как с «человеком нехарактеризованным», т.е. не имеющим дипломатического статуса. Тем не менее де Би не уступил. Памятуя о том, что произошло с акушеркой, он никаких имен не назвал. Он также вновь не захотел написать требуемое Шафировым заявление и дал понять, что больше в канцелярии не появится. Правда, он еще признал, что использовал свою дипломатическую почту для помощи русским военнопленным в Швеции и шведским в России. Веселовский принял это к сведению.

К 25 июля, когда резидент закончил свое длинное донесение в Гаагу с описанием произошедших событий, никаких дальнейших репрессий к нему не применялось, но было совершенно очевидно, что ему надо как можно скорее готовиться к отъезду из России. Впрочем, пройдет еще немало времени, пока ему удастся покинуть царскую столицу. Особенно много хлопот понадобилось для получения паспорта с разрешением на выезд. Отбыл он только в начале октября⁷⁶. Местом назначения была сначала Гаага, но уже вскоре его, как мы увидим, направят в... Стокгольм! Там он должен будет помогать резиденту Генеральных штатов Рюмпфу. Посылая де Би к врагам России — шведам, правящие круги Республики тонко намекали, что действиями Петербурга весьма недовольны.

В чем сегодня можно упрекнуть Якоба де Би? Он действительно, как отмечает историк Винсент Ховинга, слишком откровенно и неосторожно написал о смерти царевича Алексея⁷⁷. Дипломат вел себя прежде всего наивно. Конечно, он мог исходить из того, что находится под защитой международного пра-

---

⁷⁶ Ibid. 07.10.1718.

⁷⁷ *Hovinga V.* In dienst van de Republiek. P. 30–35.

ва, но, зная, как мало считаются российские власти с тайной дипломатической переписки, должен был понимать, что русские воспримут содержание его донесений, особенно пассажи о смерти царевича как прямое оскорбление царя и государства. Ведь за подобный проступок выслали из России в 1718 г. резидента венского двора Отто Антона Плейера. Напротив, тот факт, что де Би, как указывает Ховинга, не снискал себе симпатий у царя и его приближенных⁷⁸, еще не означает, будто он недостаточно хорошо выполнял свои функции официального представителя Республики. Да, он не был выпивохой, хотя уметь выпивать было почти необходимым условием, чтобы понравиться Петру. То, как обошлись с резидентом Генеральных штатов, говорит не о том, был ли он эффективным дипломатом, а о том, насколько бессильной стала сама Республика в защите собственных интересов и подданных. Если бы Голландия была в то время державой более могущественной, российские власти не посмели бы так обходиться с ее представителем. Действия Петра показали, что он уже не скромный ученик голландцев и что бывшим наставникам не стоит рассчитывать на его милости.

Было ли ухудшение российско-голландских отношений неотвратимым? Есть основания полагать, что да. Это связано с несовместимостью принципов, на которых зиждилась политика той и другой стороны. Республика отстаивала свободу торговли, Россия — протекционизм. Для экономики, только начавшей бурно развиваться, как российская при Петре, выбор в пользу меркантилизма, защиты собственной промышленности и торговли можно считать практически неизбежным. Такой выбор проявился, в частности, в той почти маниакальной одержимости, с которой Петр отстраивал свой Петербург.

То, что в Голландии и особенно в Амстердаме этого не понимали, несколько не удивляет. Там рассуждали иначе. Поддержав Россию в Северной войне оружием, деньгами и специалистами, голландцы внесли фундаментальный вклад в ее победу над Швецией. Так разве русский царь не в долгу перед ними? При таких рассуждениях забывалось, что государственные интересы могли потребовать от царя совсем иной политики и что удержать растущую мощь России под контролем было бы трудно. Дипломаты Рюмпф и Гус предупреждали об этом Гаагу, но что там

---

⁷⁸ Ibid. P. 28.

могли предпринять? Амстердам действовал в этом вопросе совершенно самостоятельно, отправляя в Петербург все больше оружия и нанятых на русскую службу голландцев.

Неизбежным был также рост напряженности из-за недружественных мер, принятых российскими властями в отношении голландских купцов и шкиперов, и из-за неспособности голландцев понять острую потребность Петра в признании. Слишком уж велики были различия в менталитете обоих народов. Дело Якоба де Би стало кульминацией процесса, который развивался уже давно, хотя сыграло свою роль и иррациональное в глазах голландцев поведение русских. Лучшие дни дружбы между двумя странами отошли в прошлое.

V.
ИЛЛЮЗИИ, НЕДОРАЗУМЕНИЯ
И РАЗОЧАРОВАНИЯ:
ГОЛЛАНДИЯ И ШВЕЦИЯ
в 1719–1721 годах

То, что случилось с голландским резидентом де Би в Петербурге, поставило Республику в крайне затруднительное положение. Дипломатические отношения не только со Швецией, но теперь и с Россией были фактически разорваны, поэтому защищать коммерческие интересы голландцев на Балтике стало почти невозможно. Однако внезапная гибель Карла XII 30 ноября 1718 г. сулила новые перспективы. Появилась надежда завязать плодотворные связи с тем, у кого были наибольшие шансы занять шведский престол, а именно с сестрой Карла принцессой Ульрикой Элеонорой. Надежды эти были не беспочвенными: супруг ее, принц Фридрих (в Швеции Фредрик), сын ландграфа Гессен-Кассельского, много лет прослужил генералом в голландской армии. Так что от него Республика вполне могла ожидать поддержки. Но и принц с принцессой нуждались в поддержке со стороны голландцев, ибо в наследники Карла, который умер бездетным, а преемника себе не назначил, мегил также другой кандидат. Помимо младшей сестры покойного короля, на шведский престол претендовал Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский, сын его старшей сестры, скончавшейся еще в 1708 г.

В противоборстве с племянником Ульрике Элеоноре необходимо было преодолеть два препятствия. Во-первых, ее супруг, принц Гессен-Кассельский, был приверженцем кальвинистской веры, что в лютеранской Швеции отнюдь не считалось плюсом. К тому же принцесса в свое время не обратилась за разрешением на брак к шведским сословиям¹. Поскольку Карл XII никого

---

¹ *Carlson S.* Svenska Historia. Stockholm; København; Helsinki, 1961. Del 2. P. 91–95; *Roberts M.* The Age of Liberty. Sweden 1719–1772. Cambridge, 1986. P. 6–7.

себе в преемники не определил, то королевская власть в Швеции вновь стала выборной, как до 1544 г., когда постановили, что престол будет переходить наследникам по мужской линии в роду Ваза. Теперь же сословиям предстояло собраться и решить самим, кому достанется шведская корона.

И тут Республика Соединенных Нидерландов могла сыграть немаловажную роль. Созная это, посланник ландграфа Гессен-Кассельского в Гааге обратился в начале января 1719 г. к великому пенсионарию Хейнсиусу с просьбой о вмешательстве голландцев

Казнь барона фон Гёртца.
*Рисунок неизвестного художника.
Национальный музей, Стокгольм*

в интригу по поводу престолонаследия в Стокгольме². Ведь чего хорошего могли ожидать в Гааге от «гольштейнской партии», которая воцарилась бы при шведском дворе, если бы королем стал Карл Фридрих? Арест голландцами фон Гёртца, гольштейнского барона, еще не забылся, и «гольштейнская партия», руководствуясь

² De briefwisseling. Deel XIX, 2001, Johann Reinhard von Dalwig aan Heinsius, 05.01.1719.

чувством мести, сделала бы восстановление добрых отношений между Республикой и Швецией невозможным. Напротив, победа «гессенской партии» сулила голландцам, больше, чем кому-либо иному, все мыслимые формы дружбы.

Однако прежде чем голландский дипломат в Стокгольме Хендрик Рюмпф успел что-нибудь предпринять, проблема престолонаследия там разрешилась. «Гессенская партия» нанесла упреждающий удар. 13 декабря 1718 г., ссылаясь на приказ, который отдал якобы еще сам Карл XII, принц Фредрик, муж Ульрики Элеоноры, распорядился арестовать фон Гёртца, а в начале марта 1719-го гольштейнского барона казнили. Эта расправа, совершенная явно по политическим мотивам, привела к тому, что «гольштейнская партия» в Швеции осталась фактически без вождя.

Но принц Фредрик этим не ограничился. Он посоветовал супруге формально отказаться от абсолютной власти и созвать риксдаг — собрание представителей сословий. Да принцесса и не могла поступить иначе, ведь многие высшие офицеры шведской армии прямо дали ей понять, что не станут ей присягать, если она не будет избрана на престол риксдагом. Публично отказавшись в январе 1719 г. от своих наследственных прав, она сделала возможным формальное избрание ее сословиями. Месяц спустя новая королева подписала конституцию, которая существенно ограничила прерогативы монарха. Трудно поверить, что королева Ульрика, рассчитывавшая на абсолютную власть, по-настоящему понимала, что она подписала³. Королева хотела сделать своего супруга соправителем, но не нашла поддержки у шведской элиты⁴. Вдобавок у Ульрики не сложились отношения с влиятельным президентом королевской канцелярии Арвидом Хорном и сменившим его Густафом Кроньельмом⁵. В результате всего этого в 1720 г. Ульрика уступит место на шведском троне своему мужу Фредрику Гессен-Кассельскому.

Для голландской торговли на Балтике уход со сцены Карла XII был фактором благоприятным. Новые правители Швеции делали все возможное, чтобы восстановить контакты с другими стра-

---

³ Carlson S. Svenska Historia. Del 2. P. 91–95; Roberts M. The Age of Liberty. P. 6–7.

⁴ De briefwisseling. Deel XIX, Von Dalwig aan Heinsius, 05.01.1719.

⁵ Den Svenska Historien. Del VIII. Karl XII, stormaktens fall. Arvid Horn, fredens General. Stockholm, 1984. P. 118–120, 135–137.

нами, тем более что шведам остро не хватало множества товаров. В конце января 1719 г. жителей Амстердама обрадовало известие о том, что порт Гётеборг снова доступен для голландских купцов. Вскоре корабли с продовольствием один за другим отходили из Амстердама к шведским берегам. Царил такой оптимизм, что страховая премия для судов, направляющихся в Швецию, понизилась до 3%⁶, а до этого была по крайней мере втрое больше. Городские власти Амстердама написали Хейнсиусу, что, по их мнению, надо как можно скорее послать в Стокгольм человека «без характера», т.е. без дипломатического ранга и связанных с этим протокольных сложностей, дабы «сделать все, что должно, для освобождения все еще задержанных голландских кораблей и для восстановления свободы судоходства и торговли в соответствии со старыми договорами»⁷.

Амстердамцы так спешили еще и потому, что с тревогой узнали о подобных же шагах британского короля. Дабы не проиграть конкурентам, голландцам нужно было поскорее уладить все конфликты со шведами. Однако Хейнсиус реагировал без особого энтузиазма: уместно ли посылать в Швецию дипломата для защиты лишь амстердамских интересов? Да и другие высшие должностные лица в Гааге явно считали торговлю со Швецией вопросом исключительно амстердамским, а не таким, который касается благосостояния всей Республики⁸. Впрочем, амстердамцы не отступали. Обращаясь к Хейнсиусу в самых учтивых выражениях, городской пенсионарий Виллем Бёйс предложил отправить в Стокгольм Якоба де Би, которому, мол, после возвращения из Петербурга нечем в Гааге заняться⁹. В постскриптуме Бёйс особо отметил, что происшедшее с этим дипломатом в России не должно помешать его назначению в Стокгольм. Власти Амстердама, писал Бёйс, рассмотрели дело де Би и пришли к выводу, что он ничем не заслужил такого дурного обращения со стороны русских, да к тому же царь явно не торопится принести извинения. А коль скоро российский монарх столь мало прислушивается к голландцам, то и им отныне незачем с ним считаться.

⁶ Письма ван ден Бюрга Головкину и Шафирову, 31.01, 10.02.1719 (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1719 г. Д. 11).

⁷ De briefwisseling. Deel XIX, Buys aan Heinsius, 25.01.1719; RSDH 347. Preis till Von Müllern, 28.01, 02.02.1719.

⁸ De briefwisseling. Deel XIX, Heinsius aan Buys, 26.01.1719.

⁹ De briefwisseling. Deel XIX, Buys aan Heinsius, 27.01.1719.

При поддержке Хейнсиуса амстердамцы добились своего¹⁰, и в середине февраля 1719 г. Якоб де Би отбыл — через Гамбург и Любек — в Стокгольм¹¹. Насколько срочной считали в Амстердаме его миссию, видно из того, что на сборы ему дали всего четыре дня¹². После «весьма прискорбного и затяжного путешествия» — только на пути от голландской границы до Оснабрюка оси его кареты ломались трижды¹³ — 27 марта де Би добрался наконец до шведской столицы. Там он обнаружил, что официальный представитель Республики, резидент Рюмпф, уехал в Упсалу на коронацию королевы Ульрики¹⁴. Дело было не в одной лишь протокольной обязанности дипломата, но и в том, что Рюмпфа всерьез задело назначение де Би. Резидент еще 22 марта в письме к Хейнсиусу с намеком отметил, что де Би прежде был всего-навсего секретарем ездившего по Восточной Европе посланника Йохана ван Харсолте ван Краненбюрга. О приключениях де Би в Петербурге Рюмпф, как ни странно, не упомянул, считая это, видимо, ударом ниже пояса. Однако он открыто задавался вопросом, каким образом сможет дальше, после приезда де Би, выполнять свои функции резидента в Стокгольме «avec honneur», с честью. Рюмпф полагал, что было бы лучше, если бы его заранее отозвали. Вместе с тем резидент позаботился о жилье для прибывшего соотечественника¹⁵, а значит, портить с ним отношения не собирался.

Если Якобу де Би когда-нибудь казалось, что его миссия в Швеции окажется легкой, то Рюмпф сумел быстро избавить его от этого заблуждения. Шведское правительство, во-первых, не желало давать разрешение на свободное плавание в порты, захваченные русскими. Во-вторых, невероятных трудов должно было стоить добиться возмещения ущерба, нанесенного шведскими каперами и военными моряками голландским судам и грузам. С точки зрения каперского регламента, утвержденного Карлом XII, суда, следующие в Ригу, Ревель, Петербург, Нарву и Выборг или оттуда, объяв-

---

¹⁰ Письмо ван ден Бюрга Головкину и Шафирову, 10.02.1719 (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1719 г. Д. 11).

¹¹ De briefwisseling. Deel XIX, De Bie aan Heinsius, 21.02, 02.03, 06.03.1719.

¹² RSDH 347. Preis till Von Müllern, 02.02.1719.

¹³ Письмо ван ден Бюрга Головкину и Шафирову, 28.02.1719 (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1719 г. Д. 11).

¹⁴ De briefwisseling. Deel XIX, De Bie aan Heinsius, 30.03.1719.

¹⁵ De briefwisseling. Deel XIX, Rumpf aan Heinsius, 22.03.1719.

лялись вне закона. Понятно, что голландцы такую идею категорически отвергали, ведь она означала, что и противники Швеции, такие как русский царь и король Дании, вправе были бы делать с голландскими кораблями, идущими в шведские порты, все, что угодно. Глядя на вещи реалистически, Рюмпф доносил в Гаагу, что, поскольку конфискованных судов в руках у шведов осталось мало, а конфискованных товаров не осталось совсем, получить компенсацию совсем не просто.

Де Би, со своей стороны, утешал себя надеждой на принца Фредрика, супруга королевы, который принял его в Стокгольме благожелательно. Как сообщил Рюмпф Хейнсиусу, принц Фредрик, напомнив, что служил генералом в армии Республики, дал понять: он и дальше будет отстаивать «всей душой ее же интересы»¹⁶. Намерения Его Высочества можно было, бесспорно, назвать добрыми, однако только будущее должно было показать, удастся ли голландцам извлечь из этих своих гессенских связей политическую выгоду.

Пока де Би осваивался и налаживал первые контакты в Стокгольме, в Гааге возникли новые проблемы. Ведь там все еще обсуждали, кого направить в Швецию полномочным послом. Циркулировали имена двух дворян из провинции Фрисландия: Юббо ван Бюрмания и Сикко ван Гослинга. Депутаты от Фрисландии указывали на то, что высший дипломатический пост в Стокгольме по традиции занимали представители этой провинции и посягать на обычай нельзя¹⁷. Напротив, городские власти Амстердама, а за ними и провинциальные штаты Голландии прочили в послы члена амстердамского магистрата Геррита Хаселара. Великий пенсионарий Хейнсиус решил прощупать позицию остальных провинций. Амстердамцы с этим согласились, но хотели действовать осторожно и дожидаться, когда председательство в Генеральных штатах перейдет к представителю нейтральной в этом вопросе провинции Гелдерланд¹⁸.

Между тем противоборство провинций Голландия и Фрисландия продолжалось и даже усилилось, когда и другие провинции разделились на два лагеря. Гронинген и Оверейссел поддерживали соседнюю Фрисландию, а Гелдерланд и Зеландия вста-

---

¹⁶ Ibid. 01.04.1719.

¹⁷ RSDH 347. Preis till Von Müllern, 25.02.1719.

¹⁸ De briefwisseling. Deel XIX, Buys aan Heinsius, 08.03, 10.03.1719.

ли на сторону Голландии. Утрехт поначалу сохранял нейтралитет. Депутаты от Фрисландии по-прежнему защищали традицию направлять послом в Швецию человека из их региона. Голландцы же ссылались на то, что 95% захваченных шведами торговых судов Республики — из провинции Голландия¹⁹. Странно в этой связи, что предложенный депутатами от Голландии на пост посла Хасселар никогда торговыми делами не занимался. По этой причине провинциальные штаты решили дать ему в помощь в качестве секретаря человека, который в коммерции разбирается²⁰.

При этом все сознавали, что времени терять нельзя, ибо конкуренты-англичане, несомненно, попытаются заключить со Швецией выгодный для себя торговый договор²¹. И все же единодушия достичь не удавалось — даже в начале мая, когда уже пять провинций выразили поддержку Фрисландии, а Голландия осталась в полной изоляции. В Гааге готовы были, вполне логично, предложить провинциальным штатам Голландии направить своего кандидата в Швецию в качестве второго человека при посольстве, но остальные провинции отказались его оплачивать, а голландцы предложение отклонили²². В последние дни мая, раздраженный всеми этими проволочками, Юббо ван Бюрмания из Фрисландии стал готовиться к отъезду в Стокгольм. В конечном счете выбор между кандидатами от Фрисландии и Голландии сделала сама судьба: 2 июня 1719 г. амстердамец Хасселар скончался²³. Как написал в Петербург Йоханнус ван ден Бюрг, причинами смерти были «подагра и скорбь»²⁴.

Тем временем в Швеции Рюмпф и де Би усердно приступили к делу. За визитом вежливости к президенту королевской канцелярии графу Хорну последовала 4 апреля аудиенция у королевы. Еще до аудиенции выяснилось, что у королевы весьма высокие требования. Рюмпф должен был обращаться к ней на шведском

---

¹⁹ RSDH 347. Preis till Von Müllern, 12.04.1719.

²⁰ Письмо ван ден Бюрга Головкину и Шафирову, 07.03.1719 (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1719 г. Д. 11).

²¹ RSDH 347. Preis till Von Müllern, 12.04.1719.

²² Письмо ван ден Бюрга Головкину и Шафирову, 09.05.1719 (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1719 г. Д. 11).

²³ RSDH 347. Preis till Von Müllern, 12.04.1719.

²⁴ Письмо ван ден Бюрга Головкину и Шафирову, 06.06.1719 (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1719 г. Д. 11).

языке, а де Би на немецком, потому что по-французски она понимала плохо²⁵. В обстановке менее формальной принял голландских дипломатов принц-консорт. Рюмпф и де Би тут же выложили карты на стол. Они хотели узнать, разрешат ли шведы свободный доступ в свои бывшие порты, попавшие в руки русских. Принц Фредрик ответил, что видит здесь некоторые проблемы. Разрешат ли Дания и Россия свободное плавание в шведские порты? Иными словами, допустят ли противники Швеции полную свободу судоходства и торговли на Балтике? Это был действительно больной вопрос. Отношения Республики с царем находились после дела де Би на точке замерзания, а датский флот готовился перекрыть судам нейтральных стран путь в шведский Гётеборг. Правда, об этом голландские дипломаты предпочли, разумеется, не упоминать.

В разговоре с супругом королевы Де Би горячо живописал нищету жителей Ревеля и Риги — не бросит же шведская корона в беде тех, кого все еще считает своими подданными? Не намерена же она уже уступить эти территории русским? Но сам принц пошел дальше и поставил вопрос иначе. Свобода судоходства на Балтике возможна, намекнул он, однако и Генеральным штатам следует, со своей стороны, сделать кое-что конкретное для Швеции, не ограничиваясь словами и протокольными жестами²⁶. Эта реплика напугала дипломатов. Неужели правительство Швеции, воскликнул де Би, требует, чтобы Республика выступила вместе со шведами против их врагов? К тому же обсуждать дела такой важности подобает дипломатам более высокого ранга. Но Фредрик не собирался смягчать разговор и напрямик спросил своих собеседников: разве пойдет Республике на пользу поражение Швеции?

Если голландцы хотели, чтобы проблема торговли рассматривалась и решалась отдельно, то шведская элита смотрела на вещи иначе. Для нее вопрос о торговых уступках был неотделим от всей проблематики трудного военно-политического положения Швеции. Это с самого начала сделало миссию де Би и Рюмпфа крайне деликатной. 8 апреля оба они обедали у президента канцелярии графа Хорна, и тот говорил еще резче, чем принц-консорт. Да, Республика должна оказать Швеции реальное содействие. Свободное плавание в порты, которые не захвачены

---

²⁵ De briefwisseling. Deel XIX, De Bie aan Heinsius, 05.04.1719.

²⁶ Ibid. 08.04.1719.

русскими, возможно, признал граф Хорн, но говорить о возмещении ущерба за задержанные шведами голландские суда и товары преждевременно. В качестве же разменной монеты он предложил захваченные каперами, но еще не проданные корабли и грузы вернуть владельцам, если все бумаги в порядке. Впрочем, это тоже затянется на долгие годы.

Какова на самом деле позиция Швеции, стало ясно очень скоро. В апреле в Стокгольме увидели свет новые правила для шведских каперов. Плавание судов нейтральных стран в бывшие шведские порты, захваченные русскими, было вновь, как и в 1710 г., запрещено. У Якоба де Би это вызвало, естественно, большое разочарование и возмущение. Он увидел здесь происки той части шведской элиты, которая получала доходы от каперства. В письме к Хейнсиусу от 15 апреля де Би констатировал различия во мнениях между королевой и ее супругом, с одной стороны, и членами государственного совета Швеции, с другой. В отличие от Ульрики и Фредрика шведские аристократы идти на уступки голландцам не желали. Их приводило в ярость намерение королевы посадить принца-консорта на престол вместе с ней, и они намерены были показать гессенскому принцу, что ему не следует слишком вмешиваться в политику. Новая конституция, обещание королевы ничего не предпринимать в государственных делах без одобрения Сената делали Ульрику и ее супруга беспомощными марионетками в руках знатной верхушки страны.

Вскоре после того, как де Би подробно, в характерном для него жалобном тоне уведомил Гаагу о том, что дело не в недостатке старания с его стороны²⁷, на политической сцене Швеции произошли резкие перемены. 22 апреля граф Арвид Хорн, главный приверженец новой, олигархической формы правления, ушел в отставку²⁸. Поводом к ней стал инцидент вполне заурядный, но типичный для тогдашней Швеции, где неясно было, у какого государственного органа какая сфера компетенции. Шведские каперы захватили небольшое судно из Фрисландии. По личной просьбе вдовствующей принцессы Нассау-Фрисландской королева Ульрика приказала его освободить. Президента канцелярии это привело в бешенство. Поскольку королева отдала это повеление, не спросив мнения Сената, граф Хорн обви-

---

²⁷ Ibid. 15.04.1719.

²⁸ Ibid. 24.04.1719.

нил ее в нарушении конституции. Ее Королевское Величество, разумеется, пожаловалась мужу. Дело разбирали шведские сословия, представленные в риксдаге. Они одобрили освобождение корабля, но осудили королеву за то, что она не передала вопрос на рассмотрение в Сенат. Однако Хорн считал, что решение об освобождении судна входило целиком в компетенцию Сената и вмешательство риксдага неуместно. Во всяком случае сам он этого больше терпеть не хотел.

Отставка графа Хорна и одновременная скоропостижная кончина его союзника, предводителя шведского дворянства графа Петера Риббинга, серьезно ослабили позиции противников придворной партии²⁹. Двор умело воспользовался ситуацией, добившись избрания новым предводителем дворянства сторонника абсолютистской монархии графа Андерса Лейонстедта, бывшего посла в Берлине. Королева и принц-консорт явно пытались снова подчинить короне непокорную шведскую аристократию.

Голландские дипломаты в Стокгольме, конечно, надеялись извлечь пользу из изменившейся расстановки политических сил. Они рассчитывали, так сказать, впрячь в свои сани как принца Фредрика, так и нового президента канцелярии графа Кроньельма. В обещаниях не было недостатка, и вообще положение неожиданно стало казаться благоприятным³⁰. 24 мая Рюмпфу и де Би было заявлено, что неограниченная свобода судоходства на Балтике разрешена... но при определенных условиях. В донесении Хейнсиусу Рюмпф изложил эти условия так:

- 1) Первые корабли голландцев, вошедшие в Балтийское море, обязаны доставить в Швецию «для продажи по справедливой цене столько зерна, продовольствия, пеньки, мачт и других необходимых товаров, сколько там нужно»;
- 2) Генеральные штаты должны твердо гарантировать, что никто из их подданных не дерзнет под страхом смертной казни поставлять врагам Швеции контрабандные товары;

---

²⁹ De briefwisseling. Deel XIX, Rumpf aan Heinsius, 27.04.1719.

³⁰ De briefwisseling. Deel XIX, De Bie aan Heinsius, 17.05.1719; Rumpf aan Heinsius, 17.05.1719.

- 3) Республика приложит все усилия к тому, чтобы плаванию торговых судов в Швецию и обратно ничто не препятствовало и чтобы «Дания как можно скорее отозвала свою эскадру, которая в настоящее время блокирует город Гётеборг»;
- 4) Генеральные штаты, которые некогда выступили гарантом Травентальского мирного договора 1700 г. между Данией и Швецией, постараются «всеми силами» воздействовать на ситуацию в балтийском регионе таким образом, чтобы «Ее Величество королева могла добиться желательного и почетного мира»³¹.

Первое условие показывало, в какой безнадежной ситуации находилась воюющая Швеция, которой не хватало буквально всего. При этом совершенно естественно было надеяться на торговые суда из Голландии. Отношения шведов с Великобританией из-за ее личной унии с Ганновером были тогда еще напряженными, и трудно было себе представить, что провиант в шведские порты будут поставлять англичане. Окруженной врагами Швеции ничего не оставалось, как ждать помощи от Республики. Понятно, что Рюмпфа и де Би это вполне устраивало. Такая зависимость шведов от жизненно необходимых товаров, доставляемых на голландских судах, сулила всем провинциям Республики немалые экономические и финансовые выгоды. Оба дипломата получили возможность проявить по отношению к своим шведским собеседникам любезность, сообщив им, что в течение одной лишь весны 1719 г. пятьдесят голландских кораблей заходили в порт Стокгольма со всякими нужными шведам грузами.

Со вторым условием, выдвинутым шведским правительством, дело обстояло сложнее. В Гааге, как известно, ни для кого не было секретом, что голландские купцы, особенно амстердамские, снабжали и продолжают снабжать оружием и военными материалами Россию. Шведско-голландскими договорами 1699 г. о торговле и взаимной обороне это, кстати, не запрещалось, однако договоры давно утратили силу и больше не имели никакого значения. Нетрудно было догадаться, что требование Швеции, чтобы голландцы ввели смертную казнь за поставки контрабандных товаров ее противникам, не вызовет в правящих кругах Республики бурного одобрения. Не говоря уже о том, что

---

³¹ De briefwisseling. Deel XIX, Rumpf aan Heinsius, 24.05.1719.

выносить приговоры голландским купцам входило в компетенцию не Генеральных штатов, а штатов провинции Голландия. Де Би и Рюмпф обо всем этом мудро помалкивали и просто обещали передать условие шведов в Гаагу.

По-своему болезненным было также третье условие. Оно, правда, не требовало от голландцев немедленно взяться за оружие против врагов Швеции. Речь могла идти об усилиях дипломатических. Но действия датского флота внушали немалое беспокойство. В начале апреля датчане блокировали Гётеборг, а в середине месяца уже перехватили десять голландских судов и отослали в Норвегию. Несколько недель спустя заинтересованные купцы обратились к Генеральным штатам с настоятельной просьбой отправить на Балтику эскадру³². Подобное решение должны были поддержать все провинции, поэтому «Высокомочные», в свою очередь, запросили мнение провинциальных властей, в результате чего было потеряно еще больше времени.

Конечно, датскому дипломату в Гааге указали на явное нарушение его страной датско-голландского торгового договора от 15 июля 1701 г. и заявили, что Республика оставляет за собой право всеми мерами добиваться возмещения ущерба. В Гааге, однако, понимали, что угроза эта пустая, ибо на снаряжение военных кораблей просто не было денег. Насколько драматически обстояло положение с финансами, показали разговоры с представителями адмиралтейств. Только амстердамское адмиралтейство в состоянии было выделить средства на снаряжение пары фрегатов. Но этого было недостаточно: эскадра должна была насчитывать не менее десятка судов³³, а такое было голландцам не по карману. Вся надежда была на то, что с улучшением отношений между Республикой и Швецией меньше голландских кораблей будет становиться жертвой хотя бы шведского каперства.

Все это свидетельствовало о трезвом реализме гаагских политиков, но вместе с тем демонстрировало их бессилие. А тут еще каверзы со стороны англичан. Британская дипломатия уверяла голландцев, что их торговые суда не найдут в Швеции достаточ-

---

³² RSDH 357. Preistill Von Müllern, 19.04, 22.04, 02.05.1719.

³³ Письмо ван ден Бюрга Головкину и Шафирову, 28.04.1719 (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1719 г. Д. 11).

но грузов, которые можно взять, отправляясь домой, а потому незачем, мол, вообще ходить в шведские порты. Зная о том, что в Лондоне в то время шла дискуссия об отмене британского эмбарго на торговлю со шведами, нетрудно предположить, что за «добрыми» советами англичан скрывался исключительно эгоистический расчет на устранение конкурента. Понятно, что секретарь шведской миссии в Гааге Прейс поспешил разоблачить перед местной элитой лицемерие британских дипломатов³⁴.

Из четырех условий, которыми шведы обставили свое согласие на свободу судоходства на Балтике, наиболее опасным для интересов Республики было четвертое. В августе 1700 г. Травентальский мир положил конец конфликту между Данией и Швецией. Датское правительство обещало тогда больше не участвовать в Северной войне³⁵. Республика выступила одним из гарантов этого договора, и теперь четвертое условие шведов означало, что они требуют вмешательства голландцев, дабы вновь принудить Данию к миру, да еще и «всеми силами». Осторожные Рюмпф и де Би о сути четвертого условия не высказывались, а лишь дали понять, что можно ожидать «благоприятной» резолюции Генеральных штатов, пока же следует немедленно отдать приказ шведскому адмиралтейству не чинить никаких препятствий голландской торговле на Балтике. Как велико было доверие шведов к Генеральным штатам, видно из того факта, что в конце мая 1719 г. пожелание обоих голландских дипломатов действительно было выполнено³⁶.

Это, впрочем, не означало, что Рюмпф и де Би могли отныне сидеть сложа руки. Шведы продолжали удерживать четыре голландских судна, которые вместе с их грузами еще не были конфискованы. Кроме того, в порту Хельсингборг находился пятый корабль, который королева Ульрика уже дважды приказывала освободить. То, что приказы эти не были выполнены, говорило о многом. Хотя королева и ее супруг выиграли в борьбе против инициаторов новой конституции, воля монарха пока не стала при Ульрике законом. Вдобавок еще одно голландское судно было перехвачено по пути в Выборг шведским военным кораблем, однако вскоре отпущено³⁷. Это быстрое освобождение было связано, вероятно, с просьбой шведского риксадага к Рюмпфу

---

³⁴ RSDH 357. Preistill Von Müllern, 02.05.1719.

³⁵ *Koningsbrugge van J.S.A.M. Tussen Rijswijk en Utrecht*. P. 65–75.

³⁶ De briefwisseling. Deel XIX, De Bie en Rumpf aan Heinsius, 27.05.1719.

³⁷ Ibid. 09.06, 29.06.1719.

и де Би помочь получить в Голландии заем под залог доходов от шведской провинции Готланд. Оба дипломата просто передали эту просьбу в Гаагу³⁸. Упомянутые же выше пять голландских судов шведы по-прежнему удерживали у себя.

Вопрос о том, нельзя ли произвести в Голландии заем, шведское правительство направило, разумеется, и своему дипломату Прейсу. В июне ему велели приложить все усилия для того, чтобы уменьшить «безденежное положение» Швеции³⁹. Прейс прибег к услугам купца Пьера Бальгери, который исполнял в Амстердаме функции шведского агента. Вместе они отправились в город Харлем. Из разговоров там стало ясно, что в предложении шведов относительно займа недоставало важной информации. Из чего состояли доходы острова Готланд? Какую сумму они составляли? И когда предполагалось начать выплату процентов и самого долга? К тому же шведские власти должны были дать гарантии финансирования и процентов, и возвращения долга — на случай, если доходов провинции Готланд окажется недостаточно. В этой мере предосторожности отразился печальный опыт голландцев. В 1701 г. они дали шведам займы 300 тысяч риксдалеров под залог доходов от таможенных пошлин в Риге. Когда в 1710-м Ригу заняли русские войска, выплаты по долгу прекратились. Такая же опасность грозила и теперь. Готланд пока еще был шведским, но надолго ли, никто не знал. Вот почему голландцы настаивали, чтобы шведское королевское правительство дало конкретные гарантии.

Секретарь шведской миссии в Гааге поговорил, конечно, и с Хейнсиусом. Тот потребовал сначала возместить ущерб за захваченные шведами голландские суда и вернуть старый кредит 1701 г. Любезнее, но не намного сговорчивее оказались другие влиятельные лица в Гааге. Они объясняли, что финансовые обязательства иностранных держав по займам, полученным от голландцев, всегда выполнялись так плохо, что кредит Республики совершенно подорван, ведь государство каждый раз выступало гарантом в случае потерь частных лиц по этим займам. При такой тяжелой финансовой ситуации Республики шведам трудно рассчитывать там на большую поддержку со стороны частных лиц или государства. Еще один собеседник Прейса советовал даже не направлять Генеральным штатам официальную просьбу

---

³⁸ Ibid., 21.06.1719.

³⁹ RSDH 357. Preis till Von Müllern, 12.08.1719.

о займе под залог доходов провинции Готланд, ибо это может навести русских на мысль напасть на остров⁴⁰.

Отсутствие у тогдашней голландской верхушки энтузиазма в отношении финансовой помощи шведам можно ретроспективно считать упущенным шансом. Совершенно очевидно, что ввязываться ради Швеции в военную авантюру гаагские политики не желали. Однако трудно себе представить, как можно было добиться от Стокгольма уступок в области торговли, не оказав ему поддержки в войне. Предоставление займа как раз и стало бы такой поддержкой, пусть и косвенной. Можно было проявить добрую волю, не идя на слишком большой риск в международной политике. То, что правящим кругам Республики хотелось, по голландской поговорке, жать не посеяв, уже летом 1719 г. сделало их переговоры со шведами фактически бессмысленными. Выйти из тупика можно было лишь в том случае, если одна из сторон изменит свой подход к ситуации.

Пока голландские дипломаты в Стокгольме ограничивались отстаиванием коммерческих интересов своей страны и как можно более неопределенно высказывались о том, что она готова дать взамен, настроения в шведской столице начали заметно меняться. В середине июня пошли слухи о наращивании военных сил русских в Финляндии. Само по себе это не должно было внушать опасения: царь Петр сводил туда свои полки ежегодно. Но широкомасштабные военно-морские приготовления русских указывали на то, что на этот раз их целью мог стать Стокгольм. Капитуляция двух шведских фрегатов у побережья Курляндии перед превосходящими силами противника не оставляла сомнений: русский медведь выпускает когти⁴¹.

В Гааге шведский дипломат Прейс тоже, еще в конце мая, услышал об опасности, но не придавал ей особого значения. В разговоре с посланником императора Священной Римской империи он выказал себя оптимистом, убежденным в могуществе шведского оружия. Если русские хотят совершить грабительский набег — что ж, для жителей побережья это очень прискорбно, но никаких иных целей противник не достигнет⁴². На посланника венского двора эти заверения не произвели большого впечатления, и он со всей прямотой посоветовал Прейсу, а через

---

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ De briefwisseling. Deel XIX, De Bie en Rumpf aan Heinsius, 21.06.1719.

⁴² RSDH 357. Preistill Von Müllern, 27.05.1719.

него правительству Швеции официально отказаться от Бремена и Вердена в обмен на изрядную британско-ганноверскую субсидию и военную помощь.

И действительно, именно на эту тему шведы повели летом в Стокгольме переговоры с англичанами. 5 июля Рюмпф и де Би сообщили Хейнсиусу, что относительно Бремена и Вердена Швеция готова к уступкам, но Великобритания должна указать точно, какой помощи шведы могут от нее ожидать. Одновременно правительство Швеции старалось затянуть, насколько возможно, переговоры с русскими на Аландских островах. Шведы были, по-видимому, не в силах продолжать борьбу против стольких врагов сразу. После двадцати лет войны страна была и в военном, и в финансовом отношении истощена. Оставалось выбирать из двух зол: сближение с Россией или с Великобританией. Обе эти державы были важнейшими участниками антишведской коалиции, но отнюдь не друзьями, а значит, логично было попытаться оторвать одну из них от союза с другими противниками Швеции. Выбор в пользу сближения с Лондоном напрашивался сам собой. Британский флот мог легко помочь шведам нейтрализовать угрозу со стороны России и отвоевать потерянные земли. К тому же принц-консорт Фредрик ориентировался на Западную Европу, а вовсе не на Россию. В войне за испанское наследство Фредрик сражался бок о бок с голландцами и англичанами, Россия же и ее царь были ему психологически чужды и непонятны.

Шведский курс на сближение с Лондоном полностью соответствовал замыслам британско-ганноверского окружения Георга I. Король и его главный советник Джеймс Стэнхоуп разработали план, предусматривавший два этапа. Сначала шведам надлежало заключить мир с Ганновером, Данией и Пруссией. Разумеется, это потребует от Стокгольма болезненных территориальных уступок — в расчете на достижение основной цели: возвращение земель, захваченных русскими. На втором этапе следовало как можно больше, и если надо — силой оружия, изолировать Россию в международной политике. Царь вынужден будет отказаться от Финляндии, Лифляндии с Ригой и части Эстляндии с Ревелем. Карелию, Ингрию с Петербургом и эстонскую Нарву русские смогут сохранить. Так шведы вернут себе свои важнейшие владения на восточном побережье Балтики, а Россия все же получит столь желанный для нее выход к морю. Возникнет равновесие сил, которое сделает невозможной чью-

либо монополию на такие товары, как пенька, деготь и лес, и британскому правительству не придется опасаться экономической зависимости от какой-либо из балтийских держав⁴³.

В рамках этого плана Лондону нужно было поскорее направить в Швецию посла. Уже 30 июня 1719 г. барон Джордж Картерет высадился в Гётеборге⁴⁴, а две недели спустя был принят королевой Ульрикой. Правда, без церемоний, так как еще не успели прибыть кареты посла и его багаж. Картерет мог теперь сам ознакомиться на месте с той отчаянной ситуацией, в которой находилась Швеция. Он убедился, что шведы гораздо больше боялись русских, чем датчан. Блокада Гётеборга датским флотом создавала препятствия для поставок в Швецию продовольствия, но не угрожала самому существованию державы. С середины июля Стокгольм жил в тревоге перед возможной высадкой русских. Повсюду люди уверяли, что видели русские корабли. Началась массовая истерия; в столице даже вспыхнули беспорядки, когда кто-то огласил поддельный королевский указ, разрешавший грабить и сносить публичные дома. Чтобы восстановить спокойствие, властям пришлось вынести несколько смертных приговоров⁴⁵.

Ставка верховного командования шведской армии прекрасно понимала серьезность положения. Однако намеченная стратегия могла быть только оборонительной, тем более что защищать бесконечно длинную береговую линию Швеции стоило больших трудов. Абсолютным приоритетом было не допустить захвата Стокгольма. Под энергичным командованием принца Фредрика вдоль побережья были размещены мобильные сторожевые части, а подступы к столице с моря охраняла усиленная эскадра. Проблема была в том, что российский флот обзавелся грозной и эффективной новинкой — галерами нового типа, с которыми нелегко было соперничать шведским фрегатам и линейным кораблям, оказавшимся слишком медлительными для того, чтобы успешно маневрировать между островами Стокгольмского архипелага.

---

⁴³ *Aalbers J. De Republiek en het Balticum in het bijzonder tijdens de jaren 1719–1721, door N.N. Bantys-Kamenskij // Dittrich Z.R. Oost-Europa in het Verleden. Groningen, 1987. P. 103–122.*

⁴⁴ *De briefwisseling. Deel XIX, De Bie en Rumpf aan Heinsius, 05.07.1719.*

⁴⁵ *Ibid. 22.07.1719.*

25 июля к северу от Стокгольма была замечена русская эскадра из 132 галер и 100 вооруженных шлюпов. Так как на некоторых кораблях находились кони, можно было опасаться очень быстрой атаки. В ответ шведы возвели везде у берегов 10-метровые завалы из бревен, и это возымело действие. Вместо того, чтобы напасть на столицу, русский флот разделился на две части, и на протяжении десятков километров к северу и югу от Стокгольма были разрушены и сожжены множество городов, деревень, мельниц и рудников. Ко всеобщему удивлению русские войска повсюду вывесили манифест, в котором на шведском и немецком языках утверждалось, что нападение совершенно не с целью оккупации, а для того, чтобы побудить власти страны к миру. В середине августа в окрестностях Стокгольма появилась третья эскадра русских. 19 августа она соединилась с той, которая действовала к югу от столицы, и за этим последовала прямая атака на Стокгольм. 25 августа атака была отбита, после чего все русские корабли ушли⁴⁶.

Резиденту Хендрику Рюмпфу эти события доставили немало переживаний. От царского кабинет-секретаря Остермана он получил охранную грамоту на свою усадьбу Херхамбра на одном из островов Стокгольмского архипелага, однако грамота подоспела слишком поздно. Конечно, Рюмпф не забыл прикрепить к дверям своего загородного дома извещение на французском языке о том, что дом и усадьба принадлежат ему, голландскому дипломату. Но извещение не помогло. Русские солдаты были в большинстве своем неграмотные крестьяне, а среди офицеров тогда еще мало кто умел читать по-французски⁴⁷. Поскольку сгорел также железоделательный завод, в котором у Рюмпфа была значительная доля капитала, убытки резидент понес огромные.

Пока он занимался своими частными делами, его британский коллега Картерет успел многого добиться. Нападения русских на столицу Швеции и ее окрестности привели, как ни странно, именно к тому, чего петербургский двор хотел избежать: к сближению Стокгольма с Лондоном и возросшей готовности шведов продолжать войну с Россией. Голландские дипломаты передали в письме к Хейнсиусу слова королевы Ульрики о том, что она «предпочитает вообще не иметь королевства, чем зави-

---

⁴⁶ Den Svenska Historien. Del VIII. P. 103–105.

⁴⁷ De briefwisseling. Deel XIX, Rumpf aan Heinsius, 02.08.1719.

сеть от России»⁴⁸. Но состояние Швеции было печальным, поэтому все надежды возлагались на помощь со стороны британского флота. Посол Великобритании, а вслед за ним посол Ганновера, искусно воспользовавшись царившими в шведской столице настроениями, прямо потребовали отдать Ганноверу герцогства Бремен и Верден целиком, причем оба дипломата знали, что их король-курфюрст Георг согласен был и на меньшее⁴⁹. Дело завершилось тем, что шведы подписали с Великобританией и Ганновером мир, который, по мнению голландца де Би, обошелся Швеции слишком дорого. Всего за миллион риксдалеров шведы уступили курфюрсту Ганноверскому свои владения на севере Германии. Лондон же передал свою эскадру, действовавшую на Балтике, под командование шведов, а договор об оборонительном союзе, заключенный Швецией и Англией еще в 1700 г., был объявлен вновь вступившим в силу.

Рюмпф и де Би, видевшие все происходящее сквозь призму британско-голландских противоречий, не скрывали от Хейнсиуса своих мрачных мыслей. Британский посол Картерет поначалу обходился с голландскими коллегами достаточно вежливо, но очень скоро оказалось, что он больше не готов отправлять их корреспонденцию в своих почтовых мешках. Из этого можно было сделать только один вывод: британец подпиливает ножки у стула голландской торговли. Тот факт, что представителям Республики трудно было пересылать свою корреспонденцию (почтовое сообщение через Южную Швецию блокировал датский флот), показывает, до какой степени они были изолированы⁵⁰. Да и что они могли предложить отчаявшимся шведам? Рюмпф ворчал, что новоназначенный посол Республики при шведском дворе все не едет и что Генеральные штаты не удосужились даже ответить на выдвинутые Стокгольмом четыре условия, при выполнении которых шведы разрешили бы свободу судоходства на Балтике.

Де Би считал положение Швеции безнадежным. Ее поражение и упадок predetermined, «если только десницею Божией и помощью со стороны она не будет вырвана из рук царя, который, достигнув своей цели, получит полное *Dominium Maris Baltici* [господство над Балтийским морем]»⁵¹. Де Би явно рас-

---

⁴⁸ Ibid. 05.08.1719.

⁴⁹ Ibid.

⁵⁰ Ibid. 22.07, 25.07.1719.

⁵¹ De briefwisseling. Deel XIX, De Bie aan Heinsius, 05.08.1719.

считывал, что латинский термин произведет в Гааге большее впечатление и сильнее расшевелит тамошних политиков. Ведь еще с XVII в. традиционная политика Республики на Балтике была ориентирована на сохранение там баланса сил. Для процветания голландской торговли в этом регионе важно было, чтобы ни одна из балтийских держав не добилась преобладания. Дипломат де Би не просто докладывал своему начальству о ситуации в Швеции, а давал ему ясный совет: вмешайтесь поскорее, чтобы потом не жалеть!

Естественно, и шведский дипломат Прейс тоже не сидел в Гааге без дела. Он должен был прозондировать, готовы ли «Высокомочные» оказать шведам помощь или нет. После ряда разговоров с Хейнсиусом он понял: никакой эскадры голландцы на Балтику не направят. Правящие круги в Гааге охотно выступили бы посредниками, но, похоже, никто, включая и шведский двор, их об этом не просил⁵². Прейсу приходилось не раз объяснять своим собеседникам, что голландская поддержка России оружием и всем прочим существенно подорвала доверие между Стокгольмом и Гаагой. К тому же положение Швеции было слишком отчаянным, чтобы можно было тратить время на долгие посреднические усилия⁵³.

Свою окончательную линию поведения по отношению к шведам Генеральные штаты определили в *секретной* резолюции от 1 июля 1719 г. Правительство королевы Ульрики обязано прежде всего выплатить компенсацию за захваченные шведами голландские суда и товары. После этого вполне возможен торговый договор, однако о военной поддержке следует забыть. Оборонительный союз обсудить можно, но не применительно к войне текущей, нынешней. Получив из Гааги соответствующее послание, Рюмпф и де Би тотчас же поняли, что им эту пустую скорлупу лучше не передавать шведскому двору. Пусть это сделает, когда придет, новый посол Республики⁵⁴.

Но был ли его приезд еще уместен? Со смертью амстердамца Хасселара спор между провинциями Фрисландия и Голландия о том, кого назначить послом в Стокгольм, не закончился. Голландия и особенно Амстердам продолжали противиться назна-

---

⁵² RSDH 357. Preis till Von Müllern, 03.06.1719.

⁵³ Ibid. 10.06.1719.

⁵⁴ De briefwisseling. Deel XIX, De Bie en Rumpf aan Heinsius, 08.08.1719.

чению кандидата от Фрисландии Юббо ван Бюрмания, так что тот в конце августа поинтересовался в Гааге, надо ли ему еще собираться в путь. В начале сентября вслед за центральными властями шесть провинций из семи снова высказались за то, чтобы новый посол немедленно отправился в Швецию. Штаты же провинции Голландия по-прежнему стояли на той точке зрения, что наибольший ущерб действия шведов нанесли людям из этой провинции, а значит, и послом должен стать их земляк. Только 19 сентября, несмотря на сопротивление Голландии, ван Бюрмания получил наконец назначение⁵⁵, а через месяц ему велели как можно скорее отбыть в Стокгольм. Предписанную традицией резолюцию Генеральных штатов с пожеланиями благополучия и благословения новому послу депутаты от провинции Голландия не подписали. Пять месяцев препирательств позволили им лишь оттянуть, но не предотвратить то, против чего они так возражали.

Одновременно с назначением посла отзывали из Швеции де Би. Казалось, Генеральные штаты уступили настояниям русских, ведь посол Куракин давно уже этого требовал⁵⁶. Однако дело обстояло сложнее. Приказ «Высокомочных» был ясным сигналом, что переговоры в Стокгольме шли не так, как хотели в Гааге, и именно поэтому было вполне логичным показать царскому послу, что голландцы не ставят только на одну, шведскую, лошадь. Тем более что Юббо ван Бюрмания уже отправлялся в Стокгольм, а следовательно, шаг навстречу русским уравновешивался дипломатической любезностью в отношении шведов. Кроме того, новый посол Республики в Швеции успел дать понять, что не хочет брать себе секретарем де Би, а предпочитает Шарля Рюмпфа, родившегося в Швеции брата Хендрика Рюмпфа⁵⁷.

Узнав о том, что его отзывают, Якоб де Би, дабы все-таки завершить свою миссию успехом, предпринял еще одну попытку добиться хотя бы освобождения голландских судов, которые пока удерживали шведы. Нельзя ли было использовать как средство давления свой предстоящий отъезд? 13 сентября Хендрик Рюмпф и де Би посетили президента канцелярии графа Кронь-

---

⁵⁵ NA. ASG 8703, Verbaal Ubbo van Burmania, 1719–1721.

⁵⁶ RSDH 357. Preis till Von Müllern, mars–juli 1719.

⁵⁷ Письмо ван ден Бюрга Головкину и Шафирову, 23.06.1719 (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1719 г. Д. 11).

ельма и изложили свою просьбу⁵⁸. Тот реагировал возмущенно. Как могут голландцы ожидать чего-либо от Швеции, если они, как докладывал Прейс из Гааги, только требуют компенсации за свои суда и товары, «тогда как интересам Республики гораздо больше соответствовало бы оказать помощь Швеции в ее бедственном положении и спасти ее от полного падения»?

Голландские дипломаты ответили другим риторическим вопросом. Республика глубоко оскорблена нескончаемым шведским каперством — как же можно чего-либо ожидать от нее, если не протянуть ей руку? Вскоре последовал еще один, более конкретный разговор, в ходе которого граф Кроньельм пошел на небольшую уступку. Из удерживаемых шведами кораблей можно было сразу, без специальных юридических процедур, освободить лишь те, что были захвачены военными моряками, а не каперами. Позднее принц-консорт Фредрик заявил Рюмпфу, что понимает позицию голландцев, однако подчеркнул, что практически невозможно убедить правящие круги Швеции в доброй воле Республики, если шведам не будет оказана реальная поддержка. К тому же сам-то Стокгольм добрую волю уже проявил. Ведь Рюмпфу позволили вернуться к шведскому двору, еще не зная, приедет ли из Гааги полномочный посол, а некоторые из захваченных судов уже отпустили.

В своем донесении Хейнсиюсу от 26 сентября 1719 г. резидент предостерег: если в Гааге сосредоточат слишком много внимания на проблеме кораблей, Великобритания или Франция, а то и обе они сумеют заключить со шведами выгодный торговый договор, Республика же останется ни с чем⁵⁹. Несмотря на свой предстоящий отъезд, де Би упорно продолжал переговоры, и наконец 9 октября ему выдали постановление с королевской печатью. Как и предупреждал президент канцелярии, голландские суда, попавшие в руки каперов, оставались под арестом, но небольшое число других, захваченных шведским военным флотом, получили свободу. К этому добавилось туманное обещание, что ущерб, нанесенный голландскому судоходству, будет возмещен. Чего такое обещание стоит, должно было показать будущее.

---

⁵⁸ De briefwisseling. Deel XIX, De Bie en Rumpf aan Heinsius, 19.09.1719; De Bie aan Heinsius, 21.09.1719.

⁵⁹ De briefwisseling. Deel XIX, Rumpf aan Heinsius, 26.09.1719.

Добившись этих результатов, Якоб де Би стал готовиться к отъезду. Когда точно он покинул Стокгольм, неясно. Корабль, на котором они с женой отплыли, в конце ноября у побережья Гольштейна затонул. Тела дипломата, его жены и многих других погибших позднее выбросило на берег⁶⁰. Лишь семеро матросов выжили в этой катастрофе. В Стокгольме Рюмпф казался совершенно потрясенным трагической новостью, но скорбь его была неглубокой. В письме к Хейнсиусу он доверительно сообщил, что настоятельно советовал своему коллеге проделать большую часть пути по суше. Тот согласился, однако из скупости предпочел более дешевое путешествие на корабле. И хотя де Би, по словам Рюмпфа, делал все, чтобы его заменить (читай: подсадить), резидент отметил, что «очень чувствителен к его печальной судьбе»⁶¹. Великий пенсионарий отнесся к сказанному Рюмпфом без особого доверия, так как вел переписку с обоими дипломатами порознь и хорошо знал, что де Би в своих письмах всегда с похвалой отзывался о Рюмпфе, но не наоборот.

ОДИН УШЕЛ, ДРУГОЙ ПРИШЕЛ

Пока де Би готовился к отъезду, посол Юббо ван Бюрмания 9 ноября 1719 г. высадился в Швеции близ Гётеборга. Прибыл он на голландском военном корабле, вооруженном 44 пушками. Незадолго до его отплытия городские власти Амстердама предприняли последнюю попытку сорвать его миссию, предложив назначить послом в Стокгольме Рюмпфа, а ван Бюрмания был бы при нем вторым по рангу. Предложение это в Гааге с насмешкой отвергли. В конце ноября новый посол добрался до шведской столицы. Задолго до него туда прибыл со своей эскадрой британский адмирал Норрис, показав, что его страна после подписания августовского договора на деле поспешила на помощь шведам, ведь русский флот мог опять появиться в любую минуту. Очень характерным для тогдашнего положения

---

⁶⁰ Письмо ван ден Бюрга Головкину и Шафирову, 01.12.1719 (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1719 г. Д. 11).

⁶¹ De briefwisseling. Deel XIX, Rumpf aan Heinsius, 09.12.1719.

шведов было то, что королева Ульрика преподнесла адмиралу подарок... из железа. Пояснений не требовалось: Швеция разорилась⁶².

Послу Республики королева дала первую аудиенцию 2 декабря. За этим протокольным обменом любезностями последовали более содержательные беседы посла ван Бюрмания в течение декабря с принцем Фредриком и с президентом канцелярии графом Кроньельмом. В глазах гостя дело выглядело просто. Разумеется, голландцы стремятся восстановить дружбу со Швецией, однако для этого Стокгольму надо вернуть захваченные суда и выплатить компенсацию, как поступили сами Генеральные штаты в 1691 и 1693 годах, когда их подданные необоснованно захватили корабли шведов. Оборонительный союз между обеими державами вполне возможен, но не применительно к текущей войне⁶³. Понятно, что ожиданиям шведской элиты это не соответствовало. Она желала заключить широкий наступательный альянс, в котором ключевую роль играли бы как Великобритания, так и Голландия. Целью было отвоевать шведские земли, попавшие в руки русских, и установить в балтийском регионе выгодный Швеции мир. Если гаагские политики к этому готовы, риксдаг мог бы принять «сильную резолюцию», в которой максимально пошел бы навстречу подданным Республики.

Чтобы не ограничиваться красивыми словами и с учетом того, что шведская казна была пуста, был составлен план, предусматривающий конфискацию имущества шведских каперов и владельцев каперских судов для возмещения ущерба голландцам, насколько хватит конфискованного добра. Правда, тут не обошлось бы без трудностей. Владельцы каперских судов обладали в Швеции немалым политическим влиянием, ибо многие высокопоставленные особы получали от каперства большие доходы. То, что принц Фредрик и иные руководители шведской политики хотели донести до голландского посла, сводилось к следующему: пусть Республика, ради Бога, сделает первый шаг — и тогда пожелания голландцев большей частью будут выполнены. Но ван Бюрмания понимал, — ему достаточно было перечитать свои инструкции, — что в Гааге не желали делать ничего и, уж конечно, не желали быть вовлеченными в наступательный союз.

---

⁶² Письма ван ден Бюрга Головкину и Шафирову, 20.04., 17.11.1719 (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1719 г. Д. 11).

⁶³ NA. ASG 7224, Van Burmania aan Fagel, 29.12.1719.

При подобном расхождении позиций никакого успеха достичь было нельзя. Так что уже 29 декабря ван Бюрмания обратился к секретарю Генеральных штатов Франсуа Фагелу, с которым вел официальную переписку, с вопросом, есть ли еще смысл в его переговорах⁶⁴. Проблемой было также нежелание властей провинции Голландия поддерживать посла, назначенного против их воли. Так, из-за противодействия голландских адмиралтейств дипломат не мог даже составить полное описание причиненного голландцам ущерба.

Однако в первые месяцы 1720 г. противодействие уменьшилось. Это было связано с проходившими зимой в Гааге переговорами о завершении формирования Четверного союза, т.е. о вступлении Республики вместе с Великобританией, Францией и Австрией в борьбу против Испании. Между тем скоро выяснилось, что Испания в военном отношении быстро слабела. Развернув в октябре 1719 г. наступление в Каталонии, франко-британские силы подошли к Барселоне. Одновременно в Галисии англичане овладели портовым городом Виго, а британские эскадры перерезали морские пути, соединявшие Испанию с ее американскими колониями. В середине ноября на Сицилии австрийцы принудили к капитуляции Мессину, которую удерживали испанские войска. Фактически это означало победу союзников, и король Испании не выдержал. 5 декабря кардиналу Джулио Альберони, одному из главных противников мира при испанском дворе, было приказано удалиться от государственных дел и в течение трех недель покинуть страну⁶⁵. Участники антииспанской коалиции согласились прекратить боевые действия лишь при условии, что Испания присоединится к Четверному союзу. Деваться испанцам было некуда — и 19 февраля 1720 г. они вступили в альянс, который по иронии судьбы был создан в первую очередь против них. Судя по всему, в Лондоне, Париже и Вене союз уже не считали исключительно антииспанским и конъюнктурным, а видели возможность сделать его основой новой системы международной безопасности⁶⁶.

С поражением Испании в войне участие голландцев в Четверном союзе перестало быть в глазах англичан делом таким уж

---

⁶⁴ Ibid.

⁶⁵ NA. AAN 2054, Willem Maurits van Cats van Colster aan Staten van Holland, 11.12.1719.

⁶⁶ *Koningsbrugge van J.S.A.M. Tussen Mars en Mercurius*. P. 68–69.

срочным. Теперь, когда отпали прямые экономические и политические мотивы добиваться с Республикой дружбы, Лондон мог себе позволить отказаться от некоторых прежних обещаний. В свое время, летом 1718-го, дабы заманить Гаагу в альянс, ей предложили, чтобы возможными уступками Швеции в сфере торговли в равной мере пользовались и британские купцы, и голландские⁶⁷. Но полтора года спустя испанская угроза была устранена, а в Стокгольме тон, размер и ритм задавала британская скрипка. В обмен на поддержку со стороны англичан Швеция, как уже говорилось, отдала их королю как курфюрсту Ганноверскому Бремен и Верден, а британским подданным предоставила торговые привилегии, создавшие правовую основу для вытеснения их конкурентов-голландцев со шведского рынка. Ключевыми здесь были таможенные тарифы⁶⁸.

Амстердам, естественно, разразился протестами. Все это напомнило голландцам, как англичане подвели их в отношении торговли с испанскими владениями при заключении Утрехтского мира 1713 г., обеспечив себе монополию на перевозку рабов в американские колонии Испании. Теперь в утешение былым союзникам британский посол в Гааге Кадоген пообещал «применить все действенные средства, дабы подданные Республики могли получить такие же преимущества, что и англичане»⁶⁹. Все это, безусловно, ничего не значило. Впрочем, Хейнсийус хотел, тем не менее, ввести свою страну в Четверной союз и тем самым сохранить дружбу с Францией, Великобританией и императором Священной Римской империи. Но Амстердам продолжал требовать, чтобы британское правительство обещание Кадогена выполнило, и это требование было подтверждено в официальной резолюции Генеральных штатов⁷⁰. Однако участие Республики в альянсе фактически больше не стояло на повестке дня. Как уже часто бывало после Утрехтского мира, руководители страны снова не поспевали за развитием реальной ситуации.

На этот раз почти все депутаты штатов провинции Голландия настаивали на том, чтобы покончить со спорами о представите-

---

⁶⁷ *Hatton R.* Diplomatic Relations. P. 187–188.

⁶⁸ *Rosén J.* Den Svenska Utrikespolitikens Historia. Stockholm, 1952. Del II. P. 167–172.

⁶⁹ SAA. Missiven Gedeputeerden ter Dagvaart 5029/35, 08.03.1720.

⁷⁰ De briefwisseling. Deel XIX, Buys aan Heinsius, 05.03.1720; SAA. Missiven Gedeputeerden ter Dagvaart 5029/35, 25.03.1720.

ле Республики в Стокгольме. Все еще сопротивлялись лишь депутаты от Амстердама⁷¹, которые в начале апреля внесли новое невероятное предложение. Нельзя ли голландского посланника в Копенгагене Роберта Гуса направить в Швецию в качестве чрезвычайного посла на срок не более шести-семи недель для ведения отдельных переговоров о компенсациях за захваченные шведами суда и товары? Поводом могла послужить необходимость поздравить со вступлением на престол нового короля Фредрика I, о чем речь пойдет ниже. Но Гус от этой миссии отказался, сухо указав на то, что ему еще не доплатили за 1705–1719 годы 40 тысяч гульденов жалованья и он не намерен принимать новый пост, пока не получит денег. Прекрасно понимая, что ранг посла повлечет за собой множество представительских расходов, он не желал высокого поста в соединении с жалкой нехваткой денег. А поскольку Республика сама остро нуждалась в средствах и ожидать регулярных выплат не приходилось, Гус предпочитал, чтобы чаша сия его миновала. В результате план амстердамцев провалился, что, конечно, усилило позиции посла ван Бюрмания. Ему больше не нужно было опасаться противодействия со стороны провинции Голландия.

А в это время на политической сцене Швеции произошли перемены. В марте 1720 г. риксдаг попросил принца Фредрика сменить на шведском престоле свою супругу. Принцу-консорту, который внезапно обнаружил, что в душе всегда был, как шведы, лютеранином, а не кальвинистом, не понадобилось долго размышлять. С согласия жены, подписавшей отречение, он вступил на трон под именем Фредрика I. При этом было определено, что в дальнейшем корона будет переходить к его потомкам по мужской линии. Тем самым шведы вернулись к введенному в 1544 г. принципу наследственной монархии, а монархия выборная, как в 1719-м, когда сословия избрали королевой Ульрику Элеонору, снова отошла в прошлое⁷². О предстоящих переменах посол Республики узнал заранее, еще в середине декабря, по секрету от самого принца-консорта⁷³.

Из-за всех этих событий посол Юббо ван Бюрмания только 7 мая смог начать переговоры с уполномоченными на это

---

⁷¹ SAA. Missiven Gedeputeerden ter Dagvaart 5029/35, 14.03.1720.

⁷² Roberts M. The Age of Liberty. P. 6–8.

⁷³ NA. ASG 8703, Verbaal Van Burmania, 14.12.1719; 7224, Van Burmania aan Fagel, 16.12.1719.

шестью (!) шведскими комиссарами. Он представил им список из 116 захваченных голландских судов и претензию на возмещение ущерба в размере чуть более одного миллиона 160 тысяч гульденов⁷⁴. Вновь занявший должность президента канцелярии граф Арвид Хорн выразил от имени короля Фредрика принципиальную готовность к выплате компенсаций, а также к заключению с Республикой нового союза и торгового договора.

Это выглядело как огромный шаг вперед, но был и целый ряд подводных камней. Прежде всего шведы не без оснований исходили из того, что суда, перевозившие контрабанду, как ее определяла статья 15 торгового договора 1679 г., были задержаны обоснованно. Контрабандой считалось, например, оружие, предназначенное для России, и дипломату трудно было с этим не согласиться. Но граф Хорн пошел еще дальше. По его мнению, и те суда, на борту которых не было найдено контрабанды, но которые следовали в российские порты или шведские порты, захваченные русскими, тоже были задержаны обоснованно. Такая точка зрения была для посла в высшей степени неприемлемой, поскольку прямо противоречила принципу «свободы морей» и статье 13 упомянутого выше договора 1679 г. Эта статья как раз разрешала плавание в страну или страны, находившиеся в состоянии войны с одним из участников договора.

Не вызывает удивления, что обе стороны пришли к выводу: переговоры могут затянуться. Единственное, чего голландскому послу удалось пока добиться, было согласие шведов на будущий торговый договор. Проект его предстояло выработать самому дипломату⁷⁵. Наряду с этим предполагалось продолжить переговоры о компенсациях, однако рассматривая каждую претензию отдельно. Не прошло и двух дней, как шведская делегация опять передумала. Обсуждать торговый договор шведы хотели отныне лишь в связке с союзом, который должен носить наступательный характер. Ван Бюрмания сигнал понял: ждать от Швеции милостей не приходится. Идея же наступательного союза противоречила инструкциям послу, разрешавшим ему говорить только о союзе оборонительном. Таким образом, представитель Республики ни по одному из пунктов не достиг успеха.

---

⁷⁴ NA. ASG 8703, Verbaal Van Burmania. Lijst door Zweedse kapers en oorlogsschepen genomen Staatse vaartuigen.

⁷⁵ NA. ASG 8703, Verbaal Van Burmania, 07.05.1720. См. также: *Aalbers J. De Republiek en het Balticum*. P. 112–115.

Вывод напрашивался сам собой. Юббо ван Бюрмания обратился в Гаагу с убедительной просьбой отозвать его на родину. Помимо отсутствия прогресса на переговорах, он ссылаясь также на необходимость позаботиться о собственных деловых интересах у себя во Фрисландии. К тому же он не хотел, чтобы его родная провинция зря тратила деньги, ведь все расходы, связанные с его миссией, в одиночку несла Фрисландия. В Гааге с его анализом ситуации согласились. В резолюции от 23 мая Генеральные штаты позволили ему вернуться, как только он сочтет, что не может больше сделать в Стокгольме ничего полезного⁷⁶. В особенно неловкое положение посла Республики поставило то, что британский адмирал Норрис, командующий эскадрой, которая должна была защищать Швецию от русского флота, получил от своего правительства разрешение задержать несколько фрегатов, построенных в Амстердаме и Зандаме для России⁷⁷. Большинство высших должностных лиц Швеции картина была ясна: шведам голландцы не желают идти навстречу ни в чем, — даже заем оказался невозможен, — а русским помогают без ограничений. Столь громко заявленный нейтралитет Республики обернулся в глазах шведов пародией. Понятно, что репутацию посла ван Бюрмания в Стокгольме это не улучшило.

Дело с фрегатами показало, насколько односторонним было голландское представление о нейтралитете. Еще около 20 января 1720 г. до секретаря шведской миссии в Гааге дошли слухи, что в Амстердаме и Зандаме строят три фрегата для российского флота⁷⁸. Прейс направил шведского агента в Амстердаме купца Пьера Бальгери к властям города, дабы собрать сведения и подать жалобу. Основной аргумент был такой: заказывая в Голландии фрегаты, царь стремится поставить палки в колеса голландской коммерции в Швеции — в интересах собственной, российской торговли на Балтике. Правда, действовать Преис должен был осторожно, ведь, несмотря на все попытки шведов разведать, что происходит на амстердамских и зандамских верфях, твердых доказательств их работы на Россию собрать не удалось. Поэтому — а также потому, что идти на риск открытого конфликта с русским послом «Высокомочные» опасались, — подать официальную ноту протеста Преис не мог.

---

⁷⁶ NA. ASG 8703, Verbaal Van Burmania, 04.06.1720.

⁷⁷ Ibid., 15.05.1720.

⁷⁸ RSDH 359. Preis till Ulrika Eleonora, 13.02.1720.

Посоветовавшись с британским послом Кадогеном, он решил провести с руководителями провинции Голландия беседы неформальные⁷⁹. Хороший шанс давало заседание провинциальных штатов в конце февраля. Амстердамские отцы города выразили в разговоре со шведом крайнее удивление. По их словам, они ничего об этом деле не знали, тем более что занимались лишь вопросами политическими. За происходящее на верфях отвечало городское адмиралтейство, но начнет ли оно расследование, вызывало сомнения, ибо твердых улик у Прейса не было. Трудно сказать, действительно ли амстердамский пенсионер и бургомистр ничего не знали. В любом случае их незнание полностью вписывалось в многолетнюю традицию отрицания амстердамскими властями того, что их город помогает России.

Ведущие торговлю на Балтике голландские купцы оказались более осведомленными. По их мнению, пока доказательств не было, предпринять что-либо было невозможно, но как только фрегаты будут оснащены и вооружены, наступит пора действовать. Тогда Прейс должен будет потребовать гарантий, что голландская торговля в балтийском регионе не пострадает⁸⁰. Это было уже что-то, но, на взгляд шведа, еще недостаточно. Он, естественно, прощупал также Хейнсиуса. Великий пенсионер был с ним, как доложил дипломат королеве Ульрике, целиком согласен, однако заметил, что поделаться тут что-нибудь трудно, поскольку кораблестроение для экономики Амстердама очень важно. Не изменилась точка зрения Хейнсиуса и после того, как Прейс уведомил его о том, что для вооружения построенных фрегатов царский агент в Амстердаме, торговец оружием Кристоффель Брантс доставил из Петербурга 96 пушек⁸¹.

Воздействовать на амстердамский магистрат пытался не один лишь Прейс. Русский посол князь Куракин заверял власти города, что Его Царское Величество не станет противиться свободной торговле голландцев со Швецией, за исключением провоза контрабанды⁸². К фрегатам же русский государь, мол, отношения не имеет. Куракин ясно давал понять, что голландским купцам беспокоиться не о чем, независимо от того, строятся в Амстердаме фрегаты для России или нет. Этот маневр русского

---

⁷⁹ Ibid. 17.02.1720.

⁸⁰ Ibid. 24.02.1720.

⁸¹ Ibid. 05.03.1720.

⁸² Ibid. 12.03.1720.

посла серьезно осложнил задачу Прейса. Шведское правительство заключило торговый договор с Великобританией, предоставило британским купцам преимущества, которых лишены их конкуренты-голландцы, а вот царь Петр голландской торговле ни в чем не препятствует, и даже торговле со шведами.

С провозглашенным Республикой нейтралитетом в Северной войне все это сочеталось плохо. Цинизм голландцев проявился еще заметнее, когда 5 марта Прейсу прислали из Стокгольма королевское повеление подать в Гааге официальный протест⁸³. Шведский дипломат указал Генеральным штатам на то, что голландским плотникам, нанятым в начале 1720 г. для работы в Швеции, не дали разрешения выехать из Голландии. Но «Высокомочные» только отмахнулись. От многих депутатов и от Хейнсиуса Прейс услышал, что срок действия голландско-шведских договоров давно истек, а потому Республике нет больше нужды соблюдать строгий нейтралитет. К тому же от строительства кораблей зависит благосостояние страны, так что с нейтралитетом можно считаться и поменьше. Что вообще еще представлял собой этот пресловутый нейтралитет, было неясно. Амстердамский пенсионарий Бёйс вел себя с Прейсом любезнее. Как он сообщил в середине апреля шведу, городские власти получили заверения, что строящиеся фрегаты предназначены для борьбы с африканскими пиратами⁸⁴. Корабелы на верфях Амстердама дали слово, что к России эти суда отношения не имеют. Для отцов города вопрос тем самым был решен, и фрегаты смогут беспрепятственно выйти в море.

В мае 1720-го к голландскому острову Тессел пришвартовался шведский капитан Фалькенгрэн. Он командовал тремя военными кораблями, два из которых, пострадав от весеннего шторма, потеряли управление⁸⁵. Прейс и шведский агент Бальгери сделали, разумеется, все возможное для скорейшего ремонта судов. Последний даже дал на это авансом из собственного кармана 300 гульденов. Естественно, Прейс рассказал капитану Фалькенгрэну всё о «русских фрегатах». Тот не преминул на амстердамских верфях лично их осмотреть — с тем, чтобы потом поджидать их в проливе Каттегат. У этой истории еще будет продолжение...

---

⁸³ Ibid. 06.04.1720.

⁸⁴ RSDH 359. Preis till Fredrik I, 20.04.1720.

⁸⁵ Ibid. 11.05.1720.

В Стокгольме посол Юббо ван Бюрмания находился в ситуации безвыходной и мечтал вернуться к себе во Фрисландию, не в последнюю очередь потому, что все труднее становилось его финансовое положение. Представительские расходы росли, как на дрожжах, а мы вправе предполагать, что платили провинциальные власти Фрисландии не очень аккуратно. В конце мая посол впал в «меланхолию» (сегодня мы сказали бы: в депрессию), затем у него развилась душевная болезнь⁸⁶. Не улучшала картину и его страсть к выпивке. В середине июня Рюмпф написал в Гаагу, что ван Бюрмания абсолютно не в состоянии исполнять дальше свои обязанности и его следует переправить на родину. В Гааге тут же согласились. 26 августа злополучный посол отплыл на голландском фрегате домой. Встречные ветры и шторма (с послом едва не случилось того же, что и с Якобом де Би) заставили корабль завернуть в Норвегию. 22 октября он наконец бросил якорь у берегов Фрисландии.

Не пройдет и полугода, как ван Бюрмания настолько оправится, что снова займет свою прежнюю должность в правящих органах провинции⁸⁷. Но лишь 8 августа 1721 г. он сможет завершить свой заключительный отчет Генеральным штатам. В Гааге с ним побеседует секретарь шведской миссии Прейс. Бывший посол заявит, что здоровье его теперь в полном порядке, а остальное — слухи. Швед позволит себя в этом убедить, но в донесении королю Фредрику I отметит, что раньше со здоровьем голландского дипломата дело, конечно же, могло обстоять иначе⁸⁸. В Швеции дворянин из Фрисландии не оставил по себе долгой памяти. В оружейной палате Королевского дворца в Стокгольме можно увидеть роскошную карету под названием «*Vigmanía*», прежним владельцем которой указан посол Франции. Однако изначально она принадлежала тому, кого звали Юббо ван Бюрмания. То, что память о нем стерлась даже как о владельце кареты, говорит о довольно скромных успехах его дипломатической миссии.

---

⁸⁶ *Aalbers J. De Republiek en het Balticum. P. 114.*

⁸⁷ RSDH 360. Preis till Fredrik I, 11.03.1721.

⁸⁸ *Ibid.* 12.08.1721.

ПРЕЙС И РЮМПФ: МОНО, НО ВСЕ ЖЕ СТЕРЕО

После отъезда посла все легло на плечи Рюмпфа. Фактически все эти годы он был при шведском дворе не более чем зрителем и мало что мог предпринять, пока Швеция медленно, но верно шла к поражению. Договор с Ганновером, по которому шведы в ноябре 1719 г. отдали Бремен и Верден, открыл дорогу миру между Швецией и Пруссией в январе 1720 г. За уступку Штеттина шведская казна получила два миллиона риксдалеров. Штральзунд же и его окрестности были возвращены шведам. В июне того же года под давлением англичан оказался возможным мирный договор с Данией. По нему шведы, правда, не должны были отдавать территорий, но лишились беспошлинного прохода через пролив Эресунн, между датским островом Зеландия и Швецией. И здесь Лондон как посредник сумел хорошо позаботиться о себе: с лишением шведских купцов такого важного преимущества, как беспошлинный проход через Эресунн, окрепли позиции их конкурентов — торговцев британских.

Было очевидно, что Швеция поставила все на карту продолжения войны с Россией. И летом 1720-го Стокгольм, казалось, извлек пользу из сложившейся новой ситуации. После капитуляции испанцев в конфликте с Четверным союзом Великобритания получила возможность опять послать флот в Балтийское море. Однако русские корабли избегали всякого столкновения, а британский адмирал Норрис, в свою очередь, считал неразумным нападать на захваченные русскими шведские портовые города⁸⁹, тем более что они были хорошо укреплены и обладали большими запасами продовольствия и вооружений, как откровенно объяснил в Гааге князь Куракин своему шведскому коллеге Прейсу⁹⁰. Для атаки на эти города Норрис полагал необходимой комбинированную операцию морских и сухопутных сил. Переговоры об этом начались в Ганновере, но продвигались медленно. Так, из пожелания англичан, чтобы шведы вторглись в Финляндию (этого очень хотел и сам король Фредрик), совершенно ничего не вышло⁹¹. Не хватило ни денег, ни войск.

⁸⁹ *Aalbers J. De Republiek en het Balticum. P. 114–115.*

⁹⁰ RSDH 359. Preis till Fredrik I, 16.07.1720.

⁹¹ Ibid. 03.09.1720.

Обсуждался и другой план: совместное шведско-прусское вторжение из Штральзунда и с острова Рюген. К шведам присоединилась бы 30-тысячная армия прусского короля. Проблема была в том, что правительство Пруссии медлило с возвращением шведам Штральзунда. В Берлине об оказании помощи Стокгольму готовы были говорить, но за это Швеция должна была окончательно уступить Пруссии все свои владения в Померании, включая Штральзунд и Рюген⁹². Эта идея услуги за услугу не нашла в Швеции поддержки, и летний сезон — самое подходящее время для боевых действий — прошел впустую. В Великобритании же неожиданное банкротство «Компании Южных морей» повлекло за собой разорение бесчисленных других фирм. Британскому финансовому миру был нанесен удар в самое сердце, поэтому никаких широкомасштабных военных операций Лондон вести не мог.

Между тем в Гааге секретарь шведской миссии Прейс продолжал делать то, чем занимался уже годами: склонял верхи Республики к содействию шведам⁹³. Однако ответ был всегда один и тот же — экономические интересы страны не позволяли ей обострять отношения с русским царем. На Великобританию голландцам рассчитывать не приходилось. В войне за испанское наследство она их подвела, и теперь, в случае конфликта с Россией, это могло повториться. Голландцы вынуждены были бы действовать в одиночку, а этого необходимо было во что бы то ни стало избежать. Швеции же правящие круги в Гааге желали военных успехов, однако чем-либо способствовать им не собирались.

Тем же летом 1720 г. политическая жизнь Республики замерла. В июле заболел Хейнсиус. 3 августа он скончался. Избранный на должность великого пенсионария провинции Голландия еще в 1688 г., Антони Хейнсиус даже в 78 лет продолжал руководить внешней политикой всей страны. В своем донесении королю Прейс высоко оценил усердие покойного⁹⁴, в дальнейшем же внимательно следил за развернувшейся борьбой претендентов на освободившийся пост. Основных кандидатов было двое: Симон ван Слингеландт, секретарь Государственного совета, и Исаак ван Хорнбейк, пенсионарий Роттердама. Первого поддерживали британский посол Чарлз Витворт и специально при-

---

⁹² Ibid. 09.07.1720.

⁹³ Ibid. Juni—augustus 1720.

⁹⁴ Ibid. 03.08.1720.

бывший из Лондона лорд Сандерленд, который для оживления симпатий к их протее привез с собой 100 тысяч фунтов стерлингов⁹⁵. Это не помогло. Амстердам решительно высказался за ван Хорнбейка — и тот победил. В письмах Прейса об исходе этого соперничества сквозит определенное злорадство. Хотя Швеция и Великобритания с некоторого времени опять стали друзьями, прошлое все же не было ни забыто, ни прощено.

Прейс и ван Хорнбейк быстро нашли общий язык. Новоизбранный великий пенсионарий говорил со шведским дипломатом вполне откровенно. Царя Петра он считал «помешанным на море», который повышением таможенных пошлин и протекционистскими тарифами стремится нанести голландской торговле как можно больше вреда⁹⁶. Лифляндию и Эстляндию шведы абсолютно не должны отдавать. Такая позиция была Прейсу тем более по сердцу, что он сам родился в Эстляндии, в городе Дорпат (он же Дерпт, ныне Тарту), а служебную карьеру начал в канцелярии в Риге⁹⁷. И не только Прейс стремился повлиять на ван Хорнбейка, но и Рюмпф в своих письмах из Стокгольма. Фредрик I при любом удобном случае убеждал представителя Республики, что отныне ей следует предоставить Швеции военную помощь. Рюмпф был того же мнения. Кроме того, король дал понять, что он в восторге от нового сильного человека в Гааге, о котором судил, несомненно, по донесениям Прейса. По словам монарха, наступательный союз голландцев и шведов решит все прежние проблемы между ними, будь то возмещение ущерба или торговый договор.

Однако ван Хорнбейк мог предложить Швеции так же мало, как и его предшественник. Рюмпфу великий пенсионарий сообщил, что охотно сделал бы что-нибудь для шведов и что подобные настроения свойственны большинству гаагских политиков⁹⁸, но финансовое положение страны не позволяет ей оказать Швеции военное содействие ни в какой форме. О том же доносил своему королю и Прейс⁹⁹. Кроме того, рассуждали в Гааге, если

---

⁹⁵ Ibid. 10.09.1720.

⁹⁶ Ibid. 15.10, 23.11.1720.

⁹⁷ Schutte O. Repertorium der buitenlandse vertegenwoordigers residerende in Nederland, 1584—1810.'s-Gravenhage, 1983. P. 512.

⁹⁸ NA. Archief Isaac van Hoornbeek. Nr. 2, XVIII, Van Hoornbeek aan Rumpf, 23.11.1720.

⁹⁹ RSDH 360. Preis till Fredrik I, 24.12.1721.

Исаак ван Хорнбейк.
Частная коллекция Ханса ван Конингсбрюгге.
Фото: Николас Крафт ван Эрмел

уж британский флот не смог образумить русского царя, то удастся ли это намного меньшим по размерам военно-морским силам Республики?

В остальном все беседы в Гааге были лишь повторением ходов. Голландцы хотели сначала возмещения ущерба и подписания торгового договора, а уж потом дальнейших переговоров. Для шведов первоочередным было заключение союза. В этом смысле — ничего нового, но кое-что все же изменилось. Если Хейнсийус в разговорах с Прейсом всегда высказывался неопределенно и более или менее нейтрально, то ван Хорнбейк не скрывал, что считает Россию опасной. И в этом своем анализе он становился все радикальнее. В конце мая 1721 г. великий пенсионарий признался Прейсу, что лучше всего было бы царю побыстрее покинуть этот мир, после чего можно будет попытаться восстановить прежнее положение на Балтике¹⁰⁰. Перед лицом русской угрозы интересам Республики ван Хорнбейк не исключал, что в будущем его страна и Швеция все-таки выступят совместно против России. В то же время он полагал, что Швеции следует как можно скорее заключить с Россией мир, а дальше набираться сил и ждать лучших времен. Такой же совет давали через Прейса шведам Витворт и лорд Сандерленд¹⁰¹. Не нужно было обладать стратегическим гением, чтобы увидеть в этом совете англичан ясный сигнал: о существенной британской помощи Швеции больше не было и речи. Да и от других держав мало чего можно было ожидать. Именно поэтому Прейс настоятельно рекомендовал своему королю войну прекратить.

Шведское правительство и само понимало, что без мощной поддержки со стороны продолжать войну не в состоянии. Но для того, чтобы в обмен на мир уступить противнику большие территории, требовалось преодолеть высокий психологический барьер. Лишиться земель на восточном побережье Балтийского моря означало ни много ни мало официально отказаться от статуса региональной великой державы. Был и еще один осложняющий фактор. С восшествием на шведский престол королевы Ульрики, а затем ее супруга, принца Гессен-Кассельского, оказались нарушены права Гольштейн-Готторпского дома, и не все в Европе это одобрили. Так, император Священной Римской империи и царь всея Руси выразили поддержку герцогу Гольш-

---

¹⁰⁰ Ibid. 27.05.1721.

¹⁰¹ Ibid. 28.01, 25.03, 06.05.1721.

тейн-Готторпскому. Перед шведской дипломатией стояла тяжелая задача: свести к минимуму территориальные потери страны и одновременно добиться всеобщего признания «гессенского престолонаследия». Государственные интересы Швеции оказались смешаны с частными интересами династии.

И когда весной 1721 г. в Финляндии, в городе Нюстад (в русской традиции Ништадт, сегодня финский Уусикаупunki), начались прямые русско-шведские переговоры о мире, было совершенно очевидно, что произойдет обмен принадлежавших Швеции территорий на признание русскими Фредрика Гессен-Кассельского шведским королем. Как раз в таком обмене будут упрекать впоследствии Фредрика I в связи с Ништадтским миром¹⁰². По договору, заключенному 10 сентября 1721 г., Швеция потеряла Ингрию, Эстляндию, Лифляндию, острова Дагё (эстонский Хийумаа) и Эзель (Сааремаа), а также окрестности Выборга. Но возлагать всю ответственность за это на короля Фредрика нельзя. Во-первых, Швеция была в военном отношении истощена и не имела возможности без прикрытия со стороны британского флота наладить оборону. Поэтому, например, в июне 1721 г. русские войска, не встречая особого сопротивления, сожгли город Гявле, в 200 км от Стокгольма. Во-вторых, ожидать существенной помощи от иностранных государств шведам не приходилось, поэтому даже к стратегии затягивания они прибегнуть не могли. В-третьих, финансовая ситуация страны была безнадежной, если не сказать хуже. Принимая во внимание все эти факторы, следует признать, что условия Ништадтского мира вряд ли могли быть иными.

В последние месяцы перед окончанием Северной войны секретарь шведской миссии в Гааге занимался тем же, чем и раньше: следили за тем, что делается в амстердамском порту в интересах России. В декабре 1720 г. Прейсу из анонимного источника стало известно о строительстве в Зандаме трех, а в Амстердаме двух фрегатов для царя Петра¹⁰³. Все устроили из-за кулис агенты царя Кристоффель Брантс и Йоханнус ван ден Бюрг. Посол Куракин сам ни во что не вмешивался, ведь в Петербурге понимали, что дипломату лучше не связываться с такой отчасти не-

---

¹⁰² Den Svenska Historien. Del VIII. P. 111.

¹⁰³ RSDH 359. Preis till Fredrik I, 24.12.1720 (в приложении — анонимное письмо от 10 декабря 1720 г.).

легальной практикой. Прейс и шведский агент Бальгери решили пристально понаблюдать за тем, что происходит на верфях.

Получили шведские представители в последние дни 1720 г. и хорошую новость. Голландский фрегат «Эйндрахт [Согласие]», один из трех, которые были построены для России раньше и которые так тщательно изучил еще на верфях шведский капитан Фалькенгрэн, был в районе Карлскруны задержан. Это вызвало в Голландии большое смятение. Со всех сторон и, в частности, от самого ван Хорнбейка шли к Прейсу просьбы хлопотать об освобождении корабля. Особенно в Амстердаме многие испугались, что теперь русский царь, в свою очередь, ограничит на Балтике свободу судоходства для нейтральных стран¹⁰⁴. Именно таков был смысл угроз, с помощью которых князь Куракин оказывал давление на своих собеседников-голландцев. Брантс и его компаньоны-арматоры утверждали, что «Эйндрахт» — торговое судно, а не военное. О том же говорила резолюция, которую они побудили принять Генеральные штаты 11 февраля 1721-го¹⁰⁵. В ней голландскому дипломату в Стокгольме Рюмпфу поручалось добиваться освобождения корабля. Тем самым власти Республики элегантно избавились от деликатной проблемы. Характерно, что, вопреки обычаю, секретарь шведской миссии копию этой резолюции не получил. В Гааге явно стеснялись того, что произошло. Продолжением спектакля стало прошение, поданное «Высокомочным» женами захваченных членов команды «Эйндрахт». Женщины просили сделать все необходимое для освобождения судна, ссылаясь на то, что их мужья якобы сами не знали, торговое оно или военное¹⁰⁶. Но шведы отпускают «Эйндрахт» только после окончания войны.

Случившееся с фрегатом несколько уменьшило готовность голландцев наниматься на русскую службу. 58 матросов, уже подписавших контракт, принесли полученный задаток назад¹⁰⁷. Внимание Прейса сосредоточилось на двух фрегатах, построенных в Амстердаме. Швед обнаружил, что оба судна при необходимости пойдут в Петербург под флагами Пруссии, причем в качестве подставного судовладельца выступит некий прусский

¹⁰⁴ RSDH 360. Preis till Fredrik I, 04.02.1721.

¹⁰⁵ NA. ASG. Resolutiën Staten-Generaal, 11.02.1721.

¹⁰⁶ RSDH 360. Preis till Fredrik I, 24.06.1721.

¹⁰⁷ Ibid.

купец из Кёнигсберга¹⁰⁸. Пока Брантс и ван ден Бюрг хлопотали о снаряжении этих кораблей, у побережья Голландии неожиданно появились два русских фрегата. Пошли всевозможные слухи. По одним — русские будут проверять голландские суда и отнимать найденную контрабанду. По другим — они прибыли забрать те, что построены для них в Амстердаме. Все это оказалось неправдой: фрегаты просто направлялись в Средиземное море. Впрочем, русские не упустили случая сделать себе рекламу. Они бросили якорь в порту Хеллевутслёйс, близ Роттердама, и предоставили местному населению достаточно времени, чтобы фрегаты осмотреть. Впервые военные корабли России вошли в голландский порт¹⁰⁹. И если кто-то из гаагских политиков еще сомневался в возросших силах далекой страны, то иллюзии развеялись. От дальнейших осложнений уберег Ништадтский мир.

Русско-шведский мирный договор положил конец Северной войне, которая длилась 21 год. Швеция лишилась своего господства в балтийском регионе. Карл XII пошел в свое время ва-банк — его держава проиграла. Утрата богатых прибалтийских провинций долго еще будет отзываться в шведской политике. На протяжении всего XVIII века в Стокгольме будут искать возможностей для реванша — безуспешно.

Отношения Швеции с голландцами в последние годы войны отмечены растущими противоречиями. Охлаждение началось в 1710 г. с бесчисленных случаев захвата и конфискации шведами голландских судов и грузов. Арест шведского агента фон Гёртца ухудшил взаимоотношения еще больше. Генеральные штаты, со своей стороны, прилагали слишком мало стараний для того, чтобы облегчить положение Швеции. Крупные поставки из Амстердама русскому царю вооружений и специалистов, продолжавшиеся в течение всей войны, были прямым нарушением условий голландско-шведского договора 1701 г. Так что, не находясь в состоянии войны друг с другом, оба государства нанесли одно другому немало вреда.

После гибели Карла XII (1718) появились, казалось, шансы на сближение. Однако беседы представителей обеих стран напоминали собой разговор глухих. Видя свое безнадежное положение, шведы повторяли, как заклинание, что Республика должна

---

¹⁰⁸ Ibid. 10.06, 17.06.1721.

¹⁰⁹ Ibid. 01.07.1721.

оказать им военную помощь, хотя было совершенно ясно, что после войны за испанское наследство голландцы не в силах вступить в новый вооруженный конфликт. Интересы же голландской торговли требовали не гладить против шерсти русского медведя. В Стокгольме это не всегда хорошо понимали. Там еще живы были представления столетней давности, эпохи, когда в установлении международного порядка на Балтике доминировали голландцы.

Но и в Гааге без конца твердили одно и то же. Мысль о том, что шведам следует прежде всего возместить ущерб за захваченные голландские суда и товары, была сама по себе справедлива. Правда, трудно было ожидать от почти разорившейся воюющей страны, что она сможет хоть что-либо заплатить, ведь и сама шведская военная машина ни в чем так срочно не нуждалась, как в деньгах. К тому же правящие круги Республики даже после возмещения ущерба не собирались предоставлять Швеции военную поддержку. Обсуждать возможный союз они были согласны, но лишь после текущей войны. Такое постное угощение шведскую элиту, как нетрудно понять, не соблазняло.

Позиция Республики имела под собой основания, но отличалась крайней негибкостью. Шведский дипломат Прейс, а за ним и высшие лица в Стокгольме с полным правом указывали на то, что голландцы не придерживались в Северной войне строгого нейтралитета. Русские могли беспрепятственно закупать в Амстердаме оружие, шведам же мало в чем шли навстречу. Нанятые шведским агентом купцом Бальгери в Голландии корабельные плотники не получили разрешения отплыть в Швецию, между тем как год за годом множество голландцев, особенно из Амстердама, поступив на русскую службу, отправлялись в Россию. Государственное устройство Республики Соединенных Нидерландов, в котором одним из ключевых принципов была самостоятельность городов, позволяло амстердамским властям проводить свой собственный курс. Верно, однако, также то, что гаагские верхи и не желали ставить палки в колеса амстердамскому магистрату, ограничиваясь предостережениями, что, если поставки оружия России будут обнаружены, это может привести к дипломатическим осложнениям со Швецией. В вопросе соблюдения нейтралитета в Северной войне правящие круги в Гааге постоянно оказывались слепы на один глаз.

В результате голландцы упустили в Швеции много шансов, тогда как конкуренты-англичане вовремя позаботились о том,

чтобы их политическая и военная помощь Швеции обернулась торговыми привилегиями для их купцов. Вопрос только в том, могла ли Республика действовать иначе, чем она действовала. Вероятно, все же могла. Прейс, несомненно, был прав, говоря, что если Гаага не хочет поддерживать Стокгольм открыто, то есть и тайные пути. Скрытая помощь, которую амстердамцы оказывали Петру I, показывала, что такие пути действительно есть. Но здесь нужна была добрая воля Амстердама, так как лишь этот город располагал достаточными запасами военных материалов и финансовыми ресурсами. Амстердам же с самого начала войны встал на сторону России. Осознание того, что этот выбор, возможно, не самый удачный, постепенно росло, но не настолько, чтобы изменить политику Генеральных штатов. В этих условиях шведы, быть может, даже не желая того, полностью переориентировались на Лондон. Так возникла их зависимость от англичан, которой в Стокгольме охотно бы избежали. На исходе 1721 г. на политической сцене Швеции безраздельно господствовала Великобритания, главный соперник голландцев в торговле на Балтике.

VI.

ОТ ХОЛОДНОГО К ЧУТЬ ТЕПЛОМУ: ГОЛЛАНДИЯ И РОССИЯ в 1719–1721 годах

Если отношениям Гааги со Стокгольмом гибель Карла XII в 1718 г. сулила улучшение, то в контактах с Петербургом едва ли можно было ждать потепления. Дело Якоба де Би оставило глубокие следы. Царь был в гневе, и его послу Куракину предстояло внушить это правителям Республики. В начале декабря 1718 г. князь Борис Иванович предпринял первые шаги в этом очень нелегком деле. Он должен был не только выразить голландцам оскорбленные чувства своего государя, но и потребовать удовлетворения¹. Это последнее великий пенсионарий Хейнсиус считал совершенно излишним. Ведь де Би от царского двора удалили, бумаги его отобрали, а сам он сидит в Гааге фактически без работы — чего же еще требовать? Судя по донесениям Куракина, его голландские собеседники, кроме того, заявили, что Генеральные штаты уже проявили уступчивость, не выразив протест против того, что у их представителя изъяли дипломатическую переписку. Иными словами, «Высокомочные» достаточно унижены. Царь, очевидно, и сам это понял — в январе 1719-го он повелел Куракину на том и остановиться².

Инцидент, однако, был еще далеко не исчерпан. С января в Гааге пошли разговоры о том, что именно де Би отправят в Стокгольм для переговоров о захваченных шведами голландских судах и грузах. Хейнсиус обратился с просьбой предложить подходящего человека к амстердамцам, «ибо тот будет в Швеции заниматься прежде всего и главным образом делами их го-

---

¹ Письмо Куракина Петру I, 09 (20).12.1718 (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1718 г. Д. 5).

² Письмо Петра I Куракину, 02 (13).01.1719 (Там же).

рода и его жителей»³. Великий пенсионарий хотел также избежать распрей по поводу наилучшего кандидата у себя в Гааге. Власти Амстердама высказались без обиняков: Якоб де Би в северных делах хорошо разбирается и государству служит с большим усердием. В постскриптуме к своему письму в Гаагу амстердамский пенсионарий Виллем Бёйс добавил, что магистрат его города обсудил случившееся с де Би в Петербурге и считает его невиновным, а ход всего дела был таков, что царю самому следует дать Республике удовлетворение⁴. В Гааге против предложенной амстердамцами кандидатуры де Би не возражали⁵.

Примечательна та определенность, с которой высказались власти Амстердама. На протяжении всей Северной войны город оказывал помощь России, но это не предотвратило бесчисленных конфликтов между обеими странами в сфере торговли. Взаимности не получилось, и теперь реакция амстердамцев показывала, насколько они разочаровались в связях с Россией. Первоочередным стало восстановление отношений со Швецией. К тому же мало кто еще находил нужным считаться с чувствами русской элиты. Назначение де Би ко двору злейшего врага России означало, что в Голландии высланного из Петербурга дипломата реабилитируют и награждают. Амстердам, а за ним и официальная Гаага ясно давали понять, что не позволят наступать им на ноги.

Князь Куракин, разумеется, доложил все это своему государю. Петр пришел в ярость. В его глазах де Би был враждебно настроенным и никчемным человечком, который в Швеции будет только распространять всякого рода злонамеренные слухи о российских властях⁶. Естественно, Куракин подал в Гааге протест против нового назначения дипломата, которого удалили из России⁷. Гаагские политики с их многолетним опытом затягивания любого дела, дабы выиграть время, решили не спешить. Они переслали ноту Куракина в Стокгольм, попросив де Би на нее отреагировать. Тот страстно отстаивал свою невиновность, остерегаясь вместе с тем нападать на самого царя. Не Петра, а ви-

---

³ De briefwisseling. Deel XIX, Heinsius aan Buys, 26.01.1719.

⁴ De briefwisseling. Deel XIX, Buys aan Heinsius, 27.01.1719.

⁵ De briefwisseling. Deel XIX, Heinsius aan Buys, 28.01.1719.

⁶ Письмо Петра I Куракину, 20.02 (03.03).1719 (Uhlenbeck С.С. Verslag).

⁷ См. протест Куракина против назначения де Би, 01.04.1719 (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1718 г. Д. 19).

це-канцлера Шафировва представил он злым гением, стоявшим за всем этим инцидентом в Петербурге. Нелепость, конечно, ведь в российской системе принятия решений трудно было даже вообразить себе, будто чиновник рискнет вызвать международно-дипломатический скандал без твердого одобрения высшего начальства. Но во всяком случае для Генеральных штатов после обмена обвинениями дело было закрыто.

Из-за вынужденного отъезда де Би из царской столицы Голландия осталась без дипломатического представителя в России. Надо было подыскать преемника. В конце января 1719 г. прозвучало имя Абрахама Коррона, который приходился шурином бургомистру города Лейден. «Личность сомнительная», — доложил в Петербург российский агент Йоханнус ван ден Бюрг, ибо несколькими годами раньше Коррон потерял кучу денег на операциях страхования⁸. Одновременно в Амстердаме все чаще называли имя лейтенанта Виллема де Вилде, который и будет резидентом Генеральных штатов в России до самой своей смерти в 1729 г. Куракину де Вилде объявил, что претендует на этот пост, поскольку пользуется расположением царя. На самом же деле Петр был вовсе не в восторге от его кандидатуры и написал Куракину, что в Петербург следовало бы послать человека позначительнее и что он, Петр, отнюдь не поддерживает этого назначения⁹.

Однако «Высокомочные» хотели де Вилде и никого другого. В июле 1719 г. самодержец уступил — Куракину было приказано уведомить голландцев, что де Вилде принять готовы. Хотя большими способностями новый резидент не отличается, рассуждал царь в письме к своему послу в Гаагу от 28 июля, но все же не будет «таким преступником и бездельником, как де Би, который ничего, кроме дурного, не писал и одну лишь ненависть и рознь пытался вызвать между нами и [Генеральными] штатами»¹⁰. Впрочем, дело затянется, и в Петербург Виллем де Вилде прибудет только 21 июля 1720-го¹¹.

---

⁸ Письмо ван ден Бюрга Головкину, 27.01.1719 (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1719 г. Д. 11).

⁹ Письмо Петра I Куракину, 26.01 (06.02).1719 (Uhlenbeck C.C. Verslag).

¹⁰ Письмо Петра I Куракину, 28.07 (08.08).1719 (Uhlenbeck C.C. Verslag). Текст цитируется в обратном переводе с нидерландского языка.

¹¹ NA. Liassen Moskovië 7368, Willem de Wilde aan Staten-Generaal, 22.07.1720.

За всем этим — как и в отношениях со Швецией — стояла проблема свободы голландской торговли на Балтике. Еще в начале 1718 г. Куракин напрямую заявил великому пенсионарию Хейнсиусу, что возможное торговое соглашение между Республикой и Швецией должно распространяться на порты, захваченные у шведов русскими. Шведам надлежит гарантировать свободное плавание голландских торговых судов и в такие порты, как Ревель и Рига. Хейнсиус, секретарь Генеральных штатов Фагел и иные высокопоставленные лица в Гааге с этим согласились. Лишь пенсионарий Амстердама Бёйс возразил, указав на то, что у Республики с Россией союза нет, а со Швецией есть. Аргумент был явно притянутым за уши (голландско-шведский договор 1700 г. давно утратил силу), но русского посла он глубоко возмутил. Бёйс, вероятно, имел в виду, что трудно будет убедить шведский двор примириться с тем, чему он годами противился, а именно со свободным плаванием торговых судов в потерянные шведами портовые города. Куракин же, со своей стороны, пригрозил, что, если в договор Гааги со Стокгольмом не включат порты, захваченные у шведов русскими, Его Царское Величество будет вынужден приказать своему флоту задерживать идущие в Швецию голландские торговые суда¹². И в течение всего 1718 г. эта позиция России заметных изменений не претерпела.

Понятно, что Куракин пристально следил за переговорами, которые вели в Стокгольме резидент Рюмпф и де Би. К концу мая 1719 г. им удалось добиться от шведского правительства согласия на то, чтобы голландские купцы могли свободно действовать во всем балтийском регионе. Теперь предстояло получить такие же гарантии от российских властей. Трудность заключалась в том, что в Петербурге у Республики в тот момент не было представителя, а в Гааге князь Куракин, который фактически руководил всей русской дипломатией в Западной Европе, часто отсутствовал. Это сильно осложняло дипломатические контакты между двумя странами. Так, в середине июня 1719 г., когда Амстердам охватила паника при известии о том, что в Ревеле русские приковали цепью к пристани около 40 голландских кораблей¹³, представители амстердамского купечества от-

---

¹² Письмо Куракина Петру I, 17 (28).01.1719 (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1718 г. Д. 4).

¹³ Письмо ван ден Бюрга Головкину и Шафирову, 23.06.1719 (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1719 г. Д. 11); RSDH 357. Preis till Ulrika Eleonora, 24.06.1719.

правились в Гаагу подавать русскому послу протест, Куракин же не придал их демаршу особого значения и даже уехал на один из немецких курортов, чтобы избежать официальных объяснений с великим пенсионарием.

В дипломатических кругах оживленно обсуждалось, не связано ли такое поведение русских с делом де Би и не следует ли видеть во всем происходящем средство давления на голландцев, дабы побудить их отозвать де Би из Стокгольма¹⁴. Генеральные штаты мудро решили не вдаваться в подобные спекуляции, а прямо взять быка за рога. В своей резолюции от 1 июля «Высокомочные» сослались на заявление Куракина от 8 августа 1718 г. насчет того, что царь не станет ограничивать свободу торговли на Балтике, если и шведский монарх будет вести себя так же¹⁵. Теперь же, когда королева Ульрика в конце мая 1719 г. согласилась снять все ограничения для голландских купцов на Балтике, властитель России поступает наоборот! Вернувшись в Гаагу, Куракин резко возразил тамошним политикам. Шведские уступки, подчеркнул он, сделаны только для виду и, едва Швеция наберется сил, будут отменены. Захваты судов шведскими каперами возобновятся. Секретарь шведской миссии Прейс оспаривал эти утверждения: русские, мол, судят о других по себе¹⁶.

Положение с балтийской торговлей голландцев оставалось летом 1719-го мучительно трудным. Да, правительство Швеции отныне готово было допустить неограниченную свободу торгового плавания, но Стокгольму и его окрестностям, самому сердцу королевства, постоянно угрожали морские и сухопутные силы русских. Что толку было в уступках шведского двора, если военное преобладание в регионе перешло к России, настроенной по отношению к Республике недружелюбно? Естественно, вновь пошли разговоры о том, чтобы послать в Балтийское море голландскую эскадру. Амстердам эту идею поддерживал, однако обсуждать ее открыто считал опасным. С появлением на Балтике военных кораблей Голландии поведение русских могло бы стать еще более враждебным. К тому же ни денег, ни времени для активных действий уже не было.

Что еще можно было делать, это снова и снова совать под нос Куракину шведские уступки, касающиеся свободы тор-

---

¹⁴ RSDH 357. Preis till Ulrika Eleonora, 27.06.1719.

¹⁵ Ibid. 01.07.1719, приложение.

¹⁶ Ibid. 04.07.1719.

говли, и просить его склонить своего государя к смягчению позиции¹⁷. Иного пространства для маневра у «Высокомочных» не оставалось. На Куракина и его властелина все это произвело мало впечатления. В своем ответе, переданном в середине августа Хейнсиусу, русские осыпали голландцев упреками. Плавание голландских торговых судов в Швецию, говорилось в ответе, давало ей больше сил для сопротивления, не позволяя России завершить войну миром. Впрочем, если шведы сделают возможным свободный доступ купцов из нейтральных стран во все балтийские порты, включая те, которые завоеваны русскими войсками, то Россия поступит так же. Но если шведы оставят за собой право те голландские суда, которые следуют в захваченные русскими порты, атаковать и задерживать, тогда и Его Царское Величество сочтет законным нападать на голландские корабли, идущие в Швецию.

Еще в начале июля Петербург сделал небольшой шаг навстречу голландцам. Им разрешалось доставлять в Швецию всё, кроме пороха, селитры, свинца, зерна, соли и материалов для судостроения¹⁸. Уступка была поистине незначительной, ведь изголодавшаяся Швеция больше всего нуждалась как раз в зерне и соли. То, что, помимо традиционных контрабандных товаров военного времени (порох, свинец и т.п.), под русский запрет попало продовольствие, ясно показывает, чего Петр добивался: любой ценой поставить шведов на колени.

О том, признают ли в Петербурге принцип «свободы морей», русские не высказывались. Бессилие Республики и недружественная позиция России завели ситуацию в тупик. Над голландской торговлей в балтийском регионе нависла серьезная опасность. В отличие от шведов, которые с 1710 по 1718 г. многократно захватывали суда голландских купцов, но полностью свести на нет их коммерцию были не в силах, русский царь располагал всеми военными средствами, чтобы целиком закрыть Балтику для кораблей под красно-бело-синим флагом.

Такой расклад требовал какого-нибудь жеста голландцев в сторону России. Поскольку военное вмешательство считалось невозможным, произойти должно было нечто иное, а именно сближение. Жестом доброй воли стал отзыв Якоба де Би из Стокгольма¹⁹, на чем давно уже настаивал в Гааге Куракин. Тем

¹⁷ Ibid. 01.08.1719.

¹⁸ NA. Liassen Moskovië 7368, Peter I aan Staten-Generaal, 26.06 (07.07).1719.

¹⁹ De briefwisseling. Deel XIX, De Bie aan Heinsius, 16.09.1719.

более что задачу свою при шведском дворе де Би уже в основном выполнил, добившись согласия правительства королевы Ульрики на неограниченную свободу торговли на Балтике. Удалось дипломатам Рюмпфу и де Би также выволить некоторые захваченные шведами голландские торговые суда. Правда, о подобающем возмещении ущерба, нанесенного голландским купцам и судовладельцам, пока не договорились, но это можно было рассматривать как подходящее дело для куда более высокого по рангу нового представителя Республики — чрезвычайного посла Юббо ван Бюрмания.

Повлияли на ход мыслей официальной Гааги и другие события. Швеция все чаще действовала в тесном союзе с Великобританией. После нападений русских на Стокгольм шведский двор согласился, как мы уже знаем, отдать свои бывшие владения Бремен и Верден курфюрсту Ганноверскому, который одновременно занимал и британский престол. Тем самым исчезло главное препятствие к улучшению отношений между Стокгольмом и Лондоном, а уж англичане постарались извлечь из политического сближения коммерческие выгоды. Известия об этом встревожили Гаагу. Мы уже знаем, что там не забыли, как в 1713 г., в ходе мирных переговоров в Утрехте, англичане за спиной своих союзников-голландцев обеспечили себе монополию на перевозку рабов в американские колонии Испании. Потепление отношений между Швецией и Великобританией стало еще одной причиной того, что Республика решила пойти навстречу царю.

Но и царь, в свою очередь, пришел к выводу, что не следует чрезмерно настраивать голландцев против русских. Ведь британская дипломатия уже всюю действовала в пользу шведов. В сентябре 1719 г. при посредничестве Лондона возник проект мирного договора между Швецией и Польшей. В конце октября под давлением англичан Дания заключила со шведами перемирие на шесть месяцев, имевшее важные стратегические последствия. Отныне шведская армия могла целиком сосредоточиться на угрозе со стороны России, а шведский флот не должен был беспокоиться по поводу присутствия датских военных кораблей в проливе Эресунн. Мало того, были предприняты попытки установить мир между Швецией и Пруссией. И 1 февраля 1720 г. этот мир был заключен.

Однако усилия Великобритании не сводились к тому, чтобы избавить шведов от как можно большего числа противников. Шла работа над крупномасштабным наступательным союзом

ряда государств на тот случай, если Россия не захочет возвращать захваченные ею шведские земли²⁰. Особенно в Вене к планам англичан отнеслись с одобрением. Император и его двор давно уже с подозрением смотрели на рост могущества России и расширение ее территории. Для немедленной и односторонней вооруженной акции против русских понадобилось бы слишком много времени и денег. Такую акцию нужно было тщательно подготовить, поискать союзников. И в Вене, и в Лондоне подумывали в этой связи об Османской империи, так что весной и летом 1719 г. центром тайных дипломатических интриг стал Стамбул. Но посланник царя при Блистательной Порте А.И. Дашков преуспел больше. Уже летом великий визирь предложил России вечный мир. Правительство султана явно не желало быть втянутым в новый конфликт с северным соседом. И когда через год Лондон выделил своему послу в Стамбуле крупную сумму, дабы побудить турецких сановников изменить позицию, посол сухо ответил, что делать это надо было раньше²¹.

Несмотря на то, что планы англичан и императорского двора в Вене не осуществились, внешнеполитическое положение России выглядело осенью 1719 г. на первый взгляд очень серьезно. Ее союзники в войне со Швецией один за другим заключали со шведами мир или перемирие, а Великобритания тем временем изо всех сил сколачивала широкую антироссийскую коалицию. К счастью для русских, в военном отношении им практически не о чем было беспокоиться. Сухопутная война против России потребовала бы от ее врагов колоссальных усилий и затрат. Между тем все они недавно вели долгую войну за испанское наследство, Австрия же меньше года назад завершила конфликт с турками. Поэтому ни финансовых, ни материальных возможностей для новой авантюры у противников России не было. Британский же флот особой угрозы для русских не представлял. Масивные корабли короля Георга были слишком неповоротливы, чтобы гоняться за галерами Петра в шведских и финских шхерах, как это признавал сам британский адмирал Норрис. Петровский «парадиз» на Неве мог спать спокойно.

Но в какой бы готовности ни пребывала военная машина огромной северной державы, для Петербурга все же безопаснее было не допустить формирования антироссийской коалиции.

---

²⁰ *Wittram R. Peter I. Bd. 2. S. 430–440.*

²¹ *Ibid. S. 437.*

С этой точки зрения могла вызывать интерес Голландия. Следовало помешать тому, чтобы обе великие морские нации, англичане и голландцы, действовали на Балтике совместно. А здесь лучшим средством было бы заявить в Гааге, что царь предоставит голландским купцам в балтийском регионе неограниченную свободу, в том числе тем, кто торгует со Швецией. Уступка в сфере торговли позволила бы снять политическую напряженность между Республикой и Россией.

14 сентября 1719 г. Куракин уведомил Генеральные штаты о согласии его государя на свободу торговли на Балтийском море. Впрочем, посол оставил себе лазейку, отметив, что официального заявления Швеции о признании ею полной свободы торговли в регионе пока еще нет²². Во всяком случае Петр через своего посла дал голландцам надежду. Кроме того, было обещано заново рассмотреть вопрос о тех голландских судах, которые шли в Стокгольм с зерном и солью — с точки зрения России, товарами запрещенными — и были перехвачены русскими военными моряками. Из Петербурга дали понять, что если у этих кораблей все бумаги в порядке и никакого мошенничества обнаружено не будет, то их отпустят. Но наступила осень, приближался конец навигации — и дискуссию на время прервали.

Зимой 1719–1720 г. позиция России изменилась. При всех своих возросших военных силах петербургский двор все-таки ощущал нависшую над страной и городом угрозу. Приходилось считаться с возможностью совместного нападения шведских и британских судов. Поэтому предпринятые русскими военные приготовления носили теперь главным образом оборонительный характер, тогда как в прежние годы приоритет отдавался наступательным действиям против шведов. Русские гарнизоны в Эстляндии и Финляндии были усилены, особенно много внимания было уделено наращиванию артиллерии. Вместе с тем разрабатывались планы нового удара против Швеции, местом которого выбрали город Умео на севере страны²³.

К военным усилиям добавились дипломатические, причем Петр и его окружение все больше смотрели на голландцев как на потенциальных союзников. Вот почему 28 февраля (11 марта) 1720 г. царь разрубил gordиев узел торговых проблем между обе-

²² NA. Liassen Moskovii 7368, Koerakin aan Staten-Generaal, 14.09.1719.

²³ *Wittram R. Peter I. Bd. 2. S. 436–437.*

ими странами, объявив в собственноручно написанном указе о полной свободе голландской торговли на Балтике, без всяких условий: «...Милостиво за благо изобрели подданным их высоко-мочных стат [штатов] позволить свободный и невозбранный ход и торг на Балтийском море в пристани швецкия»²⁴. Как велико было в Гааге недоверие к заявлениям русских, смог убедиться посол Куракин. Он доложил царю, что голландцы сомневаются, будет ли дозволено свободное плавание их торговых судов в Данциг и Кёнигсберг, ведь в царском указе эти порты не упоминались, а речь шла лишь о свободе торговли со Швецией²⁵. Особенно скептически восприняли указ Петра депутаты штатов провинции Голландия от Амстердама. Без особых на то оснований они испытывали глубокое разочарование. Амстердамцы давно уже не без пафоса спрашивали себя, как могла Россия в последние годы так обращаться с их купцами после всех услуг, которые оказал ей Амстердам в Северной войне²⁶. Однако на этот раз русские, обещающая неограниченную свободу торговли, имели в виду именно то, что говорили.

Одно из препятствий к улучшению русско-голландских отношений было таким образом устранено. Кроме того, Куракин мог сообщить своему властелину и другие хорошие новости. Проклинаемый петербургской элитой Якоб де Би был отозван «Высокомочными» из Стокгольма и на обратном пути погиб. В противоборстве же со шведским дипломатом в Гааге Прейсом по поводу фрегатом, строившихся в Амстердаме для России, русский посол одержал верх. В общем, недаром князь Борис Иванович весной 1720 г. снял себе на шесть месяцев дом в деревне Эттен, близ города Бреда, на юге страны²⁷. Он явно считал, что спокойно может на полгода покинуть Гаагу. То было еще одним подтверждением того, что напряженность, царившая прежде между Россией и Голландией, ослабла.

---

²⁴ Указ Петра I от 28 февраля (11 марта) 1720 г. (Архив князя Ф.А. Куракина. Т. II, С. 138). См. также: NA. Liassen Moskovië 7368, Koerakin aan Staten-Generaal, 11.04.1720.

²⁵ Письмо Куракина Петру I, 19 (30).04.1720 (Uhlenbeck C.C. Verslag).

²⁶ Письмо Куракина Петру I, 12 (23).03.1720 (Ibid.).

²⁷ NA. Liassen Moskovië 7368, Koerakin aan Staten-Generaal, 13.05.1720.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД МИССИИ ВИЛЛЕМА ДЕ ВИЛДЕ: август 1720 – ноябрь 1721 г.

Благодаря улучшению русско-голландских отношений новый резидент Генеральных штатов Виллем де Вилде вправе был смотреть на предстоящую ему миссию на берегах Невы с оптимизмом. В начале июня 1720 г. он получил от «Высокомочных» инструкцию и приказ отправиться в Россию как можно скорее. На корабль с подходящим названием «Питерхофф» дипломат взял с собой ни много ни мало целую бочку бренди, восемь сыров, апельсины, лимоны, кофе, чай, растительное масло, уксус, четыре ящика парфюмерии, два охотничьих ружья, три пищали и четыре пистолета. Вероятно, ему посоветовали, чтобы он в России прежде всего ходил на охоту. Из-за неблагоприятного ветра корабль прошел пролив Эресунн с опозданием на две недели, 25 июня²⁸, а еще почти через месяц достиг Петербурга.

По пути, в различных прибалтийских портах, куда он заходил, де Вилде наблюдал впечатляющие военные приготовления русских. В одном лишь Ревеле на стенах крепости разместили 300 пушек, а гарнизон увеличили до 13 тысяч человек. В Кроншлоте, к югу от Кронштадта, стояли наготове старые суда, которые предполагалось затопить, дабы помешать вражеским брандерам подойти к батареям²⁹. Бывший кадровый офицер, лейтенант де Вилде проявил особый интерес к военной инфраструктуре России. Так что в его лице Генеральные штаты обзавелись в Петербурге таким представителем, который сочетал дипломатию с хорошим пониманием военного дела.

Уведомив, как полагалось дипломату, о своем прибытии канцлера Головкина и вице-канцлера Шафировва, резидент на следующий день, 22 июля, впервые явился в царскую канцелярию. На главный вопрос, когда состоится аудиенция у русского государя, там ответили, что резидента известят. Однако, возвращаясь домой, он неожиданно повстречал на улице Петра. Самодержец

---

²⁸ NA. Liassen Moskovië 7368, Willem de Wilde aan Staten-Generaal, 19.06, 25.06.1720.

²⁹ Ibid. 22.07.1720.

приветствовал его со всей сердечностью, лично показал ему сады своей новой городской резиденции и даже пригласил на обед. По-видимому, отношения сложились, ибо в последовавшие за этим месяцы де Вилде еще не раз гулял с Его Царским Величеством в дворцовых садах. А однажды монарх без предупреждения сам зашел к голландцу выпить бокал вина³⁰. Нового резидента неизменно приглашали на все придворные празднества, будь то дни рождения или именины членов царской семьи, торжества по случаю военных побед или годовщины коронации. Празднества устраивались великолепные, с фейерверками. Таким светским праздником Петр, в отличие от своего благочестивого отца, «тишайшего» Алексея Михайловича, придавал, как известно, больше значения, чем церковным. Если резидент де Би в свое время чурался подобных развлечений Петра, видя в них только пьянство и чревоугодие (и этим вызвал к себе неприязнь царя и его окружения), то его преемнику все это нравилось, и он развлекался от души.

Тесные связи, установившиеся у властелина России с новым голландским дипломатом, ясно показывают, какое облегчение испытывал Петр от того, что тучи между Республикой и Россией рассеялись. Неудивительно, что уже вскоре де Вилде смог доложить в Гаагу о своих первых дипломатических успехах. Так, зерно и соль, захваченные русскими на голландских судах около Стокгольма, были возвращены владельцам³¹.

Но и русских своих собеседников резиденту удалось порадовать. Все началось с того, что в конце января 1720 г., за полгода до приезда де Вилде в Петербург, голландская пресса опубликовала всякого рода ложные слухи о России. Газеты в Лейдене и Роттердаме сообщили, к примеру, будто царь назначил короля Франции и императора Священной Римской империи своими душеприказчиками, чтобы они выступили гарантами престолонаследия в пользу сына покойного царевича Алексея. Лейденская газета к тому же поместила известие из Вены о том, что императорский двор якобы отобрал шестерых монахов-капуцинов, «дабы обучать русских католической вере». А одно периодическое издание в Амстердаме вообще объявило, что царь после случившегося с ним удара умирает.

---

³⁰ Ibid. Augustus-september 1720; 20.01.1721.

³¹ Ibid. 29.07.1720.

Русский посол в Гааге направил властям протест³², но ответа не последовало.

Через некоторое время «Роттердамсе Газетт» опять зашла слишком далеко, известив читателей о предстоящем слиянии католической и православной Церквей. И тогда, на исходе августа, в Петербурге де Вилде вызвали в канцелярию и потребовали положить конец «такovým глупостям и дерзостям», примерно наказав «сеятелей и распространителей лжи» — роттердамских газетчиков³³. Ровно неделю спустя де Вилде поспешил уведомить царя, что Генеральные штаты меры приняли. Очевидно, он узнал об этом от голландских моряков.

Действительно, еще 8 августа «Высокомочные» в необычайной резкой по тону резолюции потребовали от штатов провинции Голландия «для примера» прекратить печатание роттердамской газеты, чтобы у ее издателя «больше не было возможности распространять вещи столь возмутительные» и чтобы «не допускать осложнений, которые из этого могут воспоследовать»³⁴. Реакция центральных властей Республики была, как мы видим, недвусмысленной, но были ли на самом деле приняты меры против газеты, неизвестно. Сам де Вилде к решению Генеральных штатов никакого отношения не имел. Его донесение от 2 сентября, в котором он рассказал о возмущении русских и их требовании наказать виновных, дошло до Гааги лишь в середине сентября. Однако одобрение русским двором резолюции «Высокомочных» пошло на пользу также дипломату. Особая чувствительность Петербурга в этом вопросе тем понятнее, что и недавнее дело де Би в значительной мере касалось распространения неверных или невыгодных для России слухов.

Секретарю шведской миссии Прейсу голландская пресса, кстати, тоже доставляла неприятности. 31 июля 1720 г. газета в Лейдене сообщила о заговоре, который якобы организовал в Стокгольме главнокомандующий шведским флотом. После ноты протеста, поданной Прейсом секретарю Генеральных штатов Фагелу, выяснилось, что написал заметку какой-то новый сотрудник газеты, принятый на службу всего за три месяца до этого. Издатель сам явился к шведу с извинениями. Он отметил,

---

³² NA.Liassen Moskovïé 7368, Koerakin aan Staten-Generaal, 11.03.1720 (в приложении к меморандуму посла — все газеты, вызвавшие возмущение).

³³ NA. Liassen Moskovïé 7368, De Wilde aan Staten-Generaal, 02.09.1720.

³⁴ NA. ASG. Resolutiën Staten-Generaal, 08.08.1720.

что слух о стокгольмском заговоре пустил человек, который за 30 гульденов околачивается на биржах и в кафе, собирая там информацию, правдивую и не очень. 2 августа газета поместила опровержение. А еще через несколько дней издатель вновь посетил Прейса с просьбой никаких дальнейших шагов не предпринимать³⁵. На лейденского издателя явно произвела впечатление грозная резолюция «Высокомочных» от 8 августа против газетчиков роттердамских.

На рубеже 1720 и 1721 годов новый голландский резидент в России мог не без удовлетворения оглянуться на успешное начало своей дипломатической деятельности. Он полностью освоился на новом месте, поддерживал добрые отношения с самим Петром и, охотно участвуя в празднествах и пирушках, стал для российской элиты во многом своим. Одно присутствие Виллема де Вилде на берегах Невы уже улучшало атмосферу в диалоге между Гаагой и Петербургом. Как дипломату ему весной 1721 г. мало чем приходилось заниматься. Внимание Петра и его приближенных было целиком сосредоточено на мирных переговорах со шведами на Аландских островах, и до тех пор, пока исход этих переговоров оставался неизвестным, для представителя Голландии в России просто не было никакого дела.

Инциденты, впрочем, случались. В августе 1721 г. во внутреннем дворе резиденции де Вилде российский подданный барон фон Бюлау, побранившись со слугой дипломата Якобом, ударил его. Известный в Петербурге как изобретатель, барон уверял царя, что может поджечь корабль на расстоянии мили и огонь этот нельзя будет погасить. Это была как раз такая новинка, которой всегда можно было заинтересовать Петра, постоянно искавшего новые военные технологии. Первое испытание, в феврале 1721-го, закончилось неудачей, но изобретатель объяснил ее холодной погодой и обещал больше успеха, когда потеплеет³⁶. Оправдываясь за побои, нанесенные слуге резидента, фон Бюлау заявил, что Якоб состоял на службе у него и ушел от него незаконно³⁷.

---

³⁵ RSDH 359. Preis till Fredrik I, 20.08.1720.

³⁶ NA. Liassen Moskovië 7368, De Wilde aan Staten-Generaal, 10.02, 17.02.1721.

³⁷ NA. Liassen Moskovië 7367, De Wilde aan Fagel, 11.08, 01.09.1721. Об этом инциденте и его последствиях см. также: *Haas de A. Het rusteloze leven van Cornelis van der Gon, dichter en zeekapitein 1660–1731. Amsterdam, 2008. P. 183–188.*

«В ознаменование Превосходного Мира между Его Величеством Императором Всероссийским и Королем и Коронай Швеции, заключенного 30 августа по старому стилю и затем ратифицированного, господин Кристофель Брантс, дворянин, надворный советник и резидент Его Величества Императора Всероссийского, имеющий жительство в Амстердаме, подготовил и устроил эту огненную потеху 9 декабря 1721 года по новому стилю».

Государственный музей (Рейксмузеум), Амстердам

Де Вилде решил, что этого дела так не оставит. Вопрос о том, чей на самом деле слуга Якоб, голландец считал не столь существенным. Куда важнее был для него тот факт, что избиение произошло на территории, принадлежащей дипломату, где действует международное право, которое, как он указал в своем донесении в Гаагу, «защищает иностранных дипломатов и их слуг»³⁸. Столь резкая реакция де Вилде, несомненно, была связана с воспоми-

³⁸ NA. Liassen Moskovië 7367, De Wilde aan Fagel, 11.08.1721.

нениями о деле его предшественника де Би, в обращении с которым русские тоже нарушили международные дипломатические обычаи, введя к нему в дом солдат и конфисковав его бумаги. Новый резидент со всей решительностью дал понять, что не позволит шутить с «честью своей страны» и ее представителя. Де Вилде потребовал от российских властей принять меры. Ждать пришлось недолго: барона арестовали и посадили в Шлиссельбургскую крепость³⁹. Безусловно, сыграло свою роль и то обстоятельство, что как раз в те дни Северная война закончилась — и в изобретении фон Бюлау не было большой нужды. Своими действиями официальный Петербург показал: в отношениях России и Голландии вновь применяются принятые дипломатические нормы и традиции.

Окончание Северной войны в августе 1721 г. застало де Вилде в российской столице. В своих донесениях Генеральным штамам он описал пышные торжества в честь триумфального для России Ништадтского мира. Сообщил он, разумеется, и о том, что в ноябре Сенат поднес Петру титулы отца отечества и императора всероссийского. На следующий же день, подчеркнул голландец, разбушевавшийся северо-западный ветер погнал воды Невы вспять, на город, и за несколько часов тот был полностью затоплен. Между строк этого донесения явно сквозила критика: дав осыпать себя чрезмерными почестями, самодержец прогновал Всевышнего, столица поплатилась за гордыню ее создателя.

Итак, с 1719 по 1721 г. противоречия между Россией и Республикой Соединенных Нидерландов уменьшились. Противники Швеции один за другим заключали с ней мир, и это на Петра действовало. Правительство России, проявлявшее поначалу такую неуступчивость в вопросе о свободе голландской торговли на Балтике, пошло наконец на компромисс — возможное вовлечение Республики в антироссийскую коалицию было совсем не в интересах царя и его державы. И хотя подобная коалиция с самого начала была бессильна противостоять военному могуществу русских, все же лучше было не рисковать. Признание как Швецией, так и Россией свободы голландской торговли на Балтийском море, к которой так стремились правящие круги Голландии, особенно Амстердама, устранило важное препят-

---

³⁹ Ibid. 01.09.1721.

ствие во взаимоотношениях сторон. Разрядить напряженность между Петербургом и Гаагой помогли также усилия нового президента Виллема де Вилде и проявленная им гибкость. Несмотря на свой неподобающе низкий дипломатический ранг он быстро сумел вызвать к себе среди русской верхушки необходимые симпатии. Принесет ли это голландцам существенные политические дивиденды, должно было показать будущее.

VII. НОВОЕ НАЧАЛО: РУССКО-ГОЛЛАНДСКИЕ ОТНОШЕНИЯ в 1721–1725 годах

Ништадтский мир закрепил изменившееся соотношение сил в балтийском регионе. Шведские владения сократились до Финляндии, шведской Померании, Висмара и собственно Швеции, тогда как город Рига, который шведы считали своей второй столицей, официально перешел под власть русского царя. Возросшее могущество России поставило перед Республикой Соединенных Нидерландов новую задачу: заботливо культивировать отношения с русскими и пытаться отвоевать утраченные коммерческие позиции. Пришла пора для обстоятельной дискуссии всей голландской элиты о том, каким политическим курсом следовать. Высшие должностные лица и купечество должны были бы договориться о программе действий. Но этого не случилось. В Гааге радовались окончанию затянувшейся войны — и больше ничего. В Республике так бывало уже не раз. Только в самых критических ситуациях политики и купцы обсуждали проблемы совместно, во времена же более спокойные обе группы жили каждая в своем мире.

Отдельные купцы, ведущие торговлю с Россией, конечно, иногда подавали жалобы. В таких случаях Генеральные штаты могли принять резолюцию и послать соответствующее распоряжение своему резиденту в Петербурге. Коллективного же обсуждения центральными властями вместе с купечеством, какую политику проводить теперь в отношении России, не было. В Гааге просто перешли к текущим делам. И если в годы Северной войны связи с Россией и Швецией регулярно становились темой бесед и споров в правящих кругах страны, то отныне внимание было перенесено на другие регионы Европы и на бедственное финансовое положение самой Республики.

Представитель «Высокомочных» в Петербурге Виллем де Вилде остался в политическом смысле фактически в одиночестве.

Ему приходилось самому придумывать средства, как укрепить коммерческие позиции своих соотечественников в России вообще и в ее новой столице в особенности, не упуская из виду действия британских и, в меньшей мере, французских конкурентов. Оглядываясь назад, мы вправе задаться вопросом, подходил ли де Вилде для этой роли. Прежде всего мешал его слишком низкий дипломатический ранг. Недаром же Петр еще до приезда голландца настаивал на том, чтобы прислали человека «характером повыше», т.е. ранга более высокого, тем более что в Гааге царя представлял чрезвычайный посол. В XVIII в. если вы назначали куда-либо дипломата в ранге резидента, это говорило о том, что вы или не заинтересованы в интенсивных связях с соответствующей страной, или же не считаете эту страну особенно важной.

Ни о том, ни о другом не могло быть и речи в отношении новой, осознавшей свою силу Россией Петра I. К тому же в Петербурге, несомненно, смотрели на то, кто представляет Республику в остальных государствах балтийского региона. Да, в Швеции Генеральные штаты тоже долго держали резидента. Однако в 1720 г. в Стокгольм прибыл из Голландии посол, так что в том, на каком уровне страна была представлена в России и Швеции, было отныне существенное различие. Даже в Копенгагене, при политически наименее весомом из трех северных дворов у «Высокомочных» был чрезвычайный посланник. При дворе турецкого султана — а именно с этим двором уместнее всего сравнивать петербургский по значению и блеску — голландский дипломат состоял в ранге посла. Словом, русские имели все основания чувствовать себя обойденными вниманием и уважением.

Нет никаких свидетельств того, что в Гааге этот нарушение равновесия когда-либо обсуждали. Повышение статуса де Вилде до посланника тоже не стояло на повестке дня, ибо он был назначен в Петербург недавно. Быстрое присвоение более высокого ранга резиденту могло бы вызвать недовольство у других дипломатов, например, у служившего в Стокгольме Хендрика Рюмпфа. Да и денег понадобилось бы больше. Состояние голландских финансов не позволяло направить в Россию посла, как, безусловно, подобало бы сделать после принятия царем в 1721 г. императорского титула. Кроме того, в Гааге, по-видимому, должны были еще привыкнуть к новому положению России в Европе, прежде чем «перевести» эту непривычную для голландцев реальность на язык дипломатического протокола.

Причины того, почему этого не произошло, понятны, но тем не менее это, бесспорно, упущенный шанс. Назначив в Россию посла или хотя бы посланника, Республика показала бы себя там в лучшем свете и с успехом сыграла бы на имперской гордости властителя огромной державы-победительницы. Ведь Петр делал все возможное, чтобы с ним всерьез считались на международно-политической сцене. То, что господа депутаты в Гааге этого не поняли и не придали этому значения, можно рассматривать как капитальную психологическую ошибку.

Неготовность Генеральных штатов признать без промедления императорский титул Петра была ошибкой не меньшей и вызвала в Петербурге крайнее недовольство. В царской канцелярии резиденту де Вилде предъявили дипломатические послания из Голландии, в которых уже в 1614 г., после восшествия на престол династии Романовых, русский государь был назван императором!¹ Теперь же, более ста лет спустя, упрямство и формализм официальной Гааги были политически совершенно неправильным сигналом. Голландцам ничего бы не стоило — ни в переносном смысле, ни в буквальном — быстро направить Петру поздравления и тем сразу же добиться его расположения. Но все произошло наоборот: скупость и негибкость гаагских политиков помешали развитию по-настоящему теплых взаимоотношений. Лишь в середине августа следующего года де Вилде в обращении к Петру впервые назвал его императором² — после того, как это уже сделало пол-Европы.

Нельзя сказать, что голландцы не подталкивали своего резидента к активным действиям. В отличие от общей внешней политики государства, которую во многом определял великий пенсинарий, политика в области внешней торговли сводилась к реакциям на ту или иную вдруг возникшую ситуацию. К тому же в Республике просто не было центральной инстанции, которая могла бы воплощать коммерческие устремления отдельных городов в единый и последовательный политический курс, как это умели делать, скажем, в Швеции, где благодаря деятельности коммерц-коллегии не было такой дистанции между индивидуальными пожеланиями купцов и политикой правительства. Разумеется, и в Гааге хорошо понимали значение торговли с Россией, но нет сомнений, что именно под нажимом Амстердама

---

¹ NA. Liassen Moskovië 7369, De Wilde aan Staten-Generaal, 06.03.1722.

² Ibid. 14.08.1722.

резиденту де Вилде уже 22 декабря 1721 г., спустя всего три месяца после окончания войны, приказали обратиться к русским с просьбой возобновить подготовку торгового договора³. В ту зиму, однако, в Петербурге никто этим заниматься не хотел. Сплошной чередой шли празднества, маскарады, фейерверки и иные зрелища. Даже привычный к таким вещам организм Петра не выдержал — в середине февраля 1722-го царь отбыл на воды в Олонец, где в течение нескольких недель поправлял свое здоровье.

Накануне отъезда он подписал указ о престолонаследии, представив российским самодержцам абсолютное право самим, по собственному усмотрению, выбирать себе преемника⁴. Эта мера должна была отныне удерживать детей и внуков царя «от соблазна Авессаломова греха»: в Библии Авессалом, сын царя Давида, восстал против отца — то был явный намек на трагедию царевича Алексея. Но в указе 1722 г. можно было увидеть и другой намек — на традицию римских императоров усыновлять избранного ими преемника, провозглашая его своим законным сыном. Обращение нового императора к традициям владык Римской империи придавало его державе особый блеск, ставило Россию едва ли не вровень с древним Римом. Высшие сановники Российской империи, включая даже иностранцев, которых Петр хотел сделать частью создаваемой им новой русской элиты, дали присягу на верность новому порядку престолонаследия⁵. Но кто будет его преемником, император, как известно, так и не объявил до самой своей кончины 28 января (8 февраля) 1725 г.

Пока Петр все откладывал и откладывал решение о преемнике, в Западной Европе без конца гадали о том, кто бы мог им стать. Высказывались и снова исчезали различные имена. Так, 21 апреля 1722 г. газета «Амстердамсе Курант» сообщила, будто выбор царя пал на его дальнего родственника по матери из семьи Нарышкиных. Сообщение это было ни на чем не основано, однако заставило русского посла князя Куракина направить Генеральным штатам одну за другой две гневных ноты протеста с требованием призвать издателя газеты к порядку. Сохраняя

---

³ Ibid. 02.02.1722.

⁴ *Massie R.* Peter de Grote. P. 758.

⁵ NA. Liassen Moskovië 7369, De Wilde aan Staten-Generaal, 23.11.1722.

неопределенность вокруг вопроса о преемнике, Петр сам внес элемент неясности и нестабильности в отношения своей страны с Западом в тот момент, когда в силу возросшего могущества России она все больше привлекала к себе внимание. Царь настойчиво стремился к тому, чтобы на международной арене его воспринимали всерьез, однако указ о престолонаследии приводил к результату, скорее, противоположному.

В несколько иной сфере Петр проявил тогда как раз твердость и решительность. Победа над шведами позволила ему сосредоточить свое внимание на других территориях, на которые он давно нацеливался: на Среднем и Дальнем Востоке. Ходили слухи об их баснословных богатствах, чему имелись и конкретные подтверждения. С 1704 г. в Нерчинске регулярно выплавляли серебро, открылись и другие рудники в Сибири. Еще в 90-е годы XVII в. Петр интересовался Персией и Китаем, вел переписку со своим старым знакомым Николасом Витсенем, бургомистром Амстердама, о возможности развивать с этими странами торговые сношения⁶. В последний период его царствования русско-китайская торговля достигла расцвета.

Проблема заключалась в том, что торговля с Дальним Востоком была сосредоточена в руках отдельных предпринимателей, и это способствовало контрабанде и коррупции, ставшим в Сибири явлениями обыденными. Сибирскому губернатору князю М.П. Гагарину и его друзьям незаконное участие в торговле с Китаем без уплаты пошлин принесло колоссальное состояние. Обвиненного в целом ряде преступлений Гагарина в 1719 г. взяли под стражу и после двух лет пыточного следствия приговорили к смерти и повесили⁷. Петр показал, что намерен утвердить на этих отдаленных землях власть и контроль государства, рассчитывая в конечном счете возродить Великий Шелковый путь. Это обеспечило бы приток больших денег в российскую казну. Но вначале нужно было установить в Азии русский вариант «Рах Mongolica», а это означало ни много ни мало военное вмешательство.

Шансы на победу оценивались высоко. Весной 1717 г. А.П. Волынский прибыл «в характере посланника» в тогдаш-

---

⁶ Письма Николааса Витсена и Йохана ван Келлера Петру I, январь 1690 и апрель 1691 г. (РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1690 г. Д. 2; 1691 г. Д. 2).

⁷ *Blanchard J.* Russia's Age of Silver. Precious-metal Production and Economic Growth in the Eighteenth Century. London; New York, 1989. P. 69.

ную персидскую столицу Исфахан. Официально его задача состояла в том, чтобы попробовать заключить между Россией и Персией торговый договор. С этой задачей Волынский справился: русские купцы получили право покупать шелк-сырец по всей Персии. Тайные же инструкции дипломата были куда менее миролюбивыми: ему предстояло проверить, какими силами располагает Персидская держава⁸. И хотя российского посланника вскоре посадили под домашний арест, он все же успел увидеть и услышать достаточно, чтобы прийти к выводу, что шах — «раб своего народа», а у правящего великого визиря «ума меньше, чем у коровы». На обратном пути из Персии Волынский, кроме того, получил от грузинского царя просьбу склонить Петра к военным действиям в Закавказье. В результате совет, который Артемий Петрович дал своему государю, был простым: занять принадлежащие шаху прикаспийские земли. Однако Петру не хотелось этого делать, пока еще идет война со шведами, и он отослал Волынского губернатором в Астрахань для подготовки будущего Персидского похода.

Весной 1722 г., по окончании Северной войны, для такого похода представился благоприятный случай. Восстание в Афганистане привело к свержению шаха. Его третий сын Тахмасп, бежав на север Персии, провозгласил себя новым правителем страны и начал борьбу против афганского предводителя Мир Махмуда, захватившего Исфахан. Пошли слухи о предстоящем вооруженном вмешательстве в персидские и кавказские дела со стороны Турции. Чтобы опередить турок, Петр, заявив о поддержке шаха Тахмаспа II, в начале мая двинул полки к Астрахани, а сам с императрицей Екатериной отплыл туда по Волге. Поскольку по пути царь внимательно все осматривал, поездка продлилась целый месяц и еще месяц ушел на снаряжение войска. Так что лишь 18 (29) июля пехоту посадили на корабли и отправили в Каспийское море. Город Дербент пал в августе. Следующей целью был Баку, на 240 км южнее. Взятие Баку позволило бы русским войскам направиться к Тбилиси, дабы заключить союз с грузинским царем.

Но для того, чтобы овладеть Баку, понадобится долгая, дорогостоящая осада. Медлительность, проявленная Петром в мае, вышла ему боком. Русскому войску не хватало припасов; к тому же оно страдало от жары и болезней, вызванных, в частности,

---

⁸ *Massie R. Peter de Grote. P. 745.*

неумеренным употреблением арбузов. Как доносил секретарь голландского резидента в Гаагу, командование русской армии в Закавказье строжайше запретило есть арбузы и дыни⁹, однако болезни продолжали косить солдат Петра, пока он не отдал приказ об отступлении, оставив в Дербенте русский гарнизон. Вернувшись в октябре в Астрахань, Петр, несмотря на то, что тоже был болен (у него была странгурия — расстройство мочеиспускания), сразу дал понять, что Персидский поход не закончен и будет продолжен на следующий год¹⁰.

Какое все это имело отношение к голландскому резиденту в Петербурге Виллему де Вилде? Отъезд царя со множеством приближенных на войну означал, что другие государственные вопросы должны были ждать. Правда, Петр еще в 1711 г. учредил Сенат, призванный в отсутствие самодержца вести текущие дела, но значение этого коллективного органа было невелико. С Сенатом древнего Рима он имел крайне мало общего. Никто из девяти господ сенаторов не отличался большими способностями (а по меньшей мере один был неграмотным) и не входил в ближайшее окружение Петра¹¹. Российский Сенат скорее ограждал монарха от повседневных дел управления, нежели ускорял принятие решений. Иностранцев это порой приводило в отчаяние. Отсутствие царя фактически обрекало их на вынужденное безделье, хотя придворная жизнь с ее увеселениями продолжалась, теперь вокруг дочерей императора. Резидент де Вилде проявил инициативу, отправившись в Москву, где надеялся поговорить с Петром, но встреча не состоялась и голландцу ничего не оставалось, как вернуться на берега Невы. Из-за «дурных дорог» и «многokrатно ломавшихся осей и колес» поездка заняла целую неделю¹².

Единственное, что де Вилде еще мог делать, — это направлять царю письменные «мемории». Касались они в основном четырех тем. Во-первых, правительство Республики требовало 18 тысяч риксдалеров компенсации за конфискованный властями России во время Северной войны как контрабанда груз на

---

⁹ NA. Liassen Moskovië 7369, Marcellis de Swart aan Fagel, 21.08.1722.

¹⁰ Massie R. Peter de Grote. P. 745–748.

¹¹ Wes M.A. Tussen twee bronzen ruiters. Klassieken in Rusland, 1700–1855. Schoten, 1991. P. 39.

¹² NA. Liassen Moskovië 7369, De Wilde aan Staten-Generaal, 19.11.1722.

корабле «Юффрау Катерина»¹³. Во-вторых, сохранялась проблема пяти голландских торговых судов, которые русские моряки сожгли в 1713 г. у Гельсингфорса. Посол Куракин обещал пострадавшим 80 тысяч гульденов, однако к концу весны 1722 г. было выплачено лишь чуть более 33 тысяч — меньше половины¹⁴.

Третья тема — часто обсуждавшаяся в те годы идея заключить между Республикой Соединенных Нидерландов и Россией торговый договор. В начале мая 1722-го де Вилде стало известно, что царь желает возобновить переговоры¹⁵. Еще раньше, в апреле Петр в качестве жеста доброй воли приказал своим чиновникам не чинить препятствий при погрузке и отплытии судов¹⁶. Для купцов из Голландии и других стран это было давней мечтой, но многое ли изменилось с апрельским указом царя? Проблемой ведь было не только настойчивое желание чиновников все регулировать и контролировать (несокрушимое с давних пор свойство российской государственной машины), но и низкие темпы работы в порту, на которые иностранные шкиперы не престанно жаловались.

Четвертая тема была совсем уж застарелой болячкой в отношениях двух держав. В 1701 г. Швеция получила в Голландии под гарантии Генеральных штатов заем в 300 тысяч риксдалеров, предоставив в залог портовые пошлины в принадлежавшей тогда шведам Риге. Девять лет Швеция исправно выплачивала свой долг и проценты, однако в 1710 г. Ригу захватил русский царь. Он отказался отвечать по шведским обязательствам, и началось дипломатическое перетягивание каната, которым пришлось заниматься несколькими поколениями представителей Республики в Петербурге. В глазах Петра, тем более после Ништадтского мира, по которому Рига официально стала частью России, подобные притязания безнадежно устарели. А если кто и должен платить, то, конечно, сами шведы, ибо это их король Карл XII брал на себя соответствующие обязательства.

Отправляясь в Персидский поход, царь издал целую кипу указов, но контроль за их исполнением оставлял желать лучшего. Так, запрет на неровно уложенные могильные плиты, кото-

---

¹³ Ibid. De Wilde aan Staten-Generaal, 08.05.1722.

¹⁴ Ibid. 29.05.1722.

¹⁵ Ibid. 08.05.1722.

¹⁶ Ibid. 09.06.1722.

рые, по мнению Петра, позорили участки земли при церкви, не соблюдался вообще. Это же касалось указа, точно предписывающего, как надлежит изготовлять свечи. Распоряжения о том, как следует строить речные суда и суда для каботажного плавания, приходилось снова и снова повторять. Сознательное или неосознанное нежелание населения исполнять те или иные повеления самодержца ставило четкие пределы его всемогуществу. Понимал ли он это сам, неизвестно. Для него с изданием указа дело считалось оконченным, и он мало интересовался исполнением повеления и его последствиями для повседневной жизни людей¹⁷. Российские институты власти были в общем и целом мало развиты и потому малоэффективны. К тому же чиновники отнюдь не спешили проявлять инициативу, тем более что царь, когда ему что-либо не нравилось, жестоко наказывал ответственного. Неизбежным следствием этого были вялость и медлительность чиновничьего аппарата, и в этом заключался трагизм петровских преобразований. Государство остро нуждалось в эффективных институтах и должностных лицах, поступающих самостоятельно, но самодержавный характер власти этого не допускал. В результате Петр сам стал препятствием для развития России, которого так хотел.

Важно и то, что созданная Петром элита была далеко не едина. Представители старой знати, такие как князь Долгорукий и Голицын, открыто ссорились с новыми выдвигенцами типа Меншикова и Шафирова. Все обвиняли друг друга в казнокрадстве, взяточничестве и иных преступлениях против государства. Шафиров, вице-президент Коллегии иностранных дел, едва уживался с ее президентом графом Головкиным и стал жертвой этой атмосферы интриг и взаимных обвинений. Возвратившись в декабре 1722 г. из Астрахани, Петр велел особой комиссии разобраться в жалобах на вице-канцлера Шафирова. Ему вменяли в вину выдачу денег родным без разрешения Сената, издание распоряжений без ведома императора и сенаторов, присвоение хранившихся у него огромных сумм денег, принадлежавших казенному князю Гагарину¹⁸. Сочтя обвинения доказанными, Шафиров приговорили к смертной казни (1723). Он уже положил голову на плаху, когда вперед выступил кабинет-секретарь царя Макаров и объявил о замене казни ссылкой в Сибирь. По пути туда

---

¹⁷ Hughes L. Peter the Great. A Biography. New Haven; London, 2003. P. 174–176.

¹⁸ NA. Liassen Moskovie 7369, De Swart aan Staten-Generaal, 26.02.1723.

Шафиров получил разрешение остановиться в Нижнем Новгороде и жить там под стражей¹⁹. После смерти царя его помилуют, и позднее он вновь станет сенатором.

Эта история произвела на окружение Петра сильное впечатление и заставила их быть осторожнее, прекратить распри и усерднее выполнять волю самодержца. Падение Шафирова, к которому сходились все нити внешней политики страны, имело серьезные последствия и для дипломатии. Отныне все дела в Коллегии иностранных дел решались еще медленнее и еще неохотнее. Примечательно, что старый приятель государя Меншиков, награбивший казенных средств больше, чем кто-либо другой, отделался лишь отставкой с поста президента Военной коллегии, что только подчеркнуло произвол царя в борьбе со злоупотреблениями.

Когда в Петербурге узнали, что царь возвращается из Астрахани в Москву, де Вилде приказал своему секретарю, находившемуся в те месяцы в Москве, прямо попросить Его Величество ответить на посланные ему голландцем различные «мемории»²⁰. Но ничего из этого не вышло — празднества полностью оттеснили государственные дела. 29 декабря 1722 г. Петр и Екатерина торжественно въехали в древнюю столицу. Под бесчисленными триумфальными арками проходила праздничная процессия, в которой несли серебряный ключ, врученный государю в Дербенте при сдаче города²¹. Началась долгая зимняя череда увеселений. Масленичное шествие 1723-го превзошло всё, что москвичи когда-либо видели. Шестидесяти царским саням придали вид кораблей, а на главных санях, представлявших полностью оснащенный фрегат с 32 пушками, за капитана был сам Петр. Была в этом зрелище и голландская нотка: царицу Екатерину, одетую крестьянкой из Фрисландии, сопровождала свита с вымазанными сажей лицами, наподобие африканцев²².

Лишь в середине марта императорская чета, проехав меньше чем за год 11 500 км, вернулась наконец в Петербург. Но и тогда государственная машина не заработала еще в полную силу. Царь объявил о своем намерении учредить Академию наук и «создать

---

¹⁹ *Massie R. Peter de Grote. P. 676–678.*

²⁰ NA. Liassen Moskovië 7369, De Wilde aan Staten-Generaal, 23.11.1722.

²¹ Ibid. De Wilde aan Staten-Generaal, 01.01.1723.

²² *Massie R. Peter de Grote. P. 751–752.*

для этого тем же летом всякого рода ученых людей из-за границы»²³, но тем все и кончилось. Ответа на свои послания голландский резидент не получил, а накопившиеся между двумя странами проблемы не решались. Вскоре возникли новые осложнения. Вечером 20 июня 1723 г. де Вилде с несколькими друзьями был в гостях у купца Абрахама ван Лимбюрга. После ужина кто-то из них заиграл на скрипке. Случайно проходившие мимо матросы-голландцы пустились в пляс. На шум сбежались ночной сторож и другие слуги генерал-майора А.И. Ушакова — и между голландцами и русскими началась драка, в которой участвовали также камердинер резидента и даже его секретарь. С камердинера сорвали галуны, а секретаря, схватив его за волосы, пинали и били. Самого генерал-майора там не было, но сын его весело подбадривал своих, крича им что-то вроде: «Бей — не жалея, это немцы». Так сообщил на следующий день царю в официальной жалобе де Вилде. Без жертв обошлось только потому, что голландцы убежали. Жена Ушакова, «безумная женщина», как назвал ее в своей жалобе резидент, пальцем не пошевелила, чтобы прекратить драку и ни в чем своим людям не препятствовала²⁴.

Ушаков тоже доложил Петру о событиях той ночи. Он все отрицал, и его версия происшедшего была прямо противоположной. Сын его, по словам Ушакова, вообще не присутствовал при драке, а ухудшила дело жена самого де Вилде, ударив ночного сторожа веером по лицу. Похоже, что царю не просто было разобратся в том, кто виноват, ведь даже три с лишним месяца спустя, в начале октября, голландский резидент продолжал требовать удовлетворения²⁵.

В то лето у де Вилде других дел в Петербурге почти не было. Лето прошло в празднествах. За годовщиной Полтавской битвы последовал торжественный спуск на воду новых боевых кораблей, для самого же Петра главным стало открытие его дворца в Петергофе. В конце августа Его Величество сам провел иностранных дипломатов по дворцовым постройкам и садам, после чего был устроен грандиозный праздник. На де Вилде Петергоф с его каналом, бассейнами и фонтанами произвел неизгладимое впечатление, особенно то, что напор воды не только позволял

---

²³ NA. Liassen Moskovïë 7369, De Wilde aan Staten-Generaal, 19.03.1723.

²⁴ Ibid. Memorie De Wilde aan Tsaar Peter, 21.06.1723.

²⁵ Ibid. De Wilde aan Fagel, 01.10.1723.

всем фонтанам бить день и ночь, но и приводил в движение несколько водяных мельниц²⁶. Как ни странно, дипломат из Гааги не упоминает о том, что все эти «водяные потехи» и дворец Монплезир были созданы по голландским образцам, о чем написал французский посол, усмотревший явное сходство каналов в Петергофе с каналами в Гааге²⁷.

Празднества продолжились и осенью. Прекрасным поводом стал приезд персидского посла, тем более что он прибыл заключать мир. Пять провинций на Каспийском море Персия уступила России в обмен на военную помощь против афганских мятежников, все еще действовавших в Персии. Тем самым эта держава превращалась, по сути, в вассала русского царя²⁸.

Безуспешно пытаясь добиться от российских властей решения тех вопросов, которые интересовали голландцев, де Вилде мог тем временем заниматься также делами частных лиц. В конце ноября приехал в Петербург проповедник Абдиас Хаттинга из Зеландии со своим секретарем. У них было на руках рекомендательное письмо от князя Куракина к барону Остерману, только что назначенному вице-президентом Коллегии иностранных дел. Приезд Хаттинги породил всяческие слухи. Говорили, будто он алхимик и занимается ростовщичеством. Де Вилде же предполагал, что приезжий намерен с помощью России начать торговлю с Вест-Индией, подрывая там позиции голландцев. Резидент не ошибся: договорившись с несколькими голландскими купцами, Хаттинга планировал основать торговую компанию под покровительством царя Петра. Впрочем, Остерман никакого интереса к этому проекту не проявил. Руководители российской дипломатии, вероятно, понимали, что после того, как в 1713 г. британцы обошли своих голландских союзников, получив монополию на поставку рабов в американские владения Испании, ни правительство Республики, ни ее Вест-Индская компания больше не допустят никаких посягательств на позиции голландцев в районе Карибского моря²⁹.

---

²⁶ Ibid. 30.08.1723.

²⁷ Горбатенко С. Новый Амстердам. Санкт-Петербург и архитектурные образы Нидерландов / New Amsterdam. St. Petersburg and Architectural Images of the Netherlands. СПб.; Гронинген, 2003. С. 242–244.

²⁸ NA. Liassen Moskovië 7369, september–oktober 1723.

²⁹ Ibid. De Wilde aan Fagel, 29.11, 03.12, 17.12.1723; 22.01.1724.

Но гораздо важнее были проходившие осенью и зимой 1723–1724 гг. переговоры между Россией и Францией с целью нащупать почву для торгового договора. В Гааге за этими переговорами следили особенно пристально. Многолетние разговоры голландцев с русскими о подобном же договоре ничего не дали, а теперь французский посол в Петербурге Жак де Кампредон грозил преуспеть в том, что ни голландским дипломатам, ни купцам, которые вели торговлю с Россией, не удалось. Был у этого дела и военный аспект. Едва ли не главной целью французов было обеспечить бесперебойные поставки из России мачт, корабельной смолы, дегтя и пеньки для строительства новых боевых кораблей, ведь французский флот вышел из войны за испанское наследство изрядно потрепанным.

Для голландцев в этих планах французов крылась немалая опасность, ибо в Гааге считались с возможностью новой войны с Францией, далеко за последние 40 лет не первой. Боялись и того, что в союзе с французским королем царь сумеет добиться для русских торговых судов беспошлинного прохода через пролив Эресунн, что даст им существенное преимущество перед конкурентами-голландцами. Одновременно французы просили для своих купцов монополии на некоторые российские товары. Понятно, что в Гааге, в Генеральных штатах первыми забили тревогу депутаты от Амстердама, поскольку именно для амстердамцев защита коммерческих интересов Голландии на Балтике была делом жизненно важным. А благодаря влиянию Амстердама в Гааге, его *городская* политика становилась политикой *государственной*. Так что Генеральные штаты в своей секретной резолюции от 20 июня 1724 г. призвали к максимальной бдительности не только де Вилде, но и его коллег-дипломатов при французском и британском дворах³⁰.

В целом голландцы отделались легким испугом. Французский посол в Петербурге сумел заполучить монополию лишь на торговлю бренди. В утешение ему дали право доставить в Россию беспошлинно партию французских вин, после чего смог покинуть петербургский порт, опять-таки без уплаты пошлины, корабль с товарами из России. Но тут французскому послу не повезло: судно затонуло³¹.

---

³⁰ NA. ASG. Secrete Resolutiën 4246, 20.06.1724.

³¹ NA. Liassen Mosковиë 7369, De Wilde aan Fagel, 31.12.1723.

Были ли у голландцев основания для беспокойства? На первый взгляд, да. Потенциальный франко-русский торговый договор вполне мог нанести ущерб интересам голландских купцов. Однако реальные перспективы такого договора были с самого начала сомнительными. Предоставление монопольных прав иностранцам шло вразрез с принципами меркантилизма, которым следовал Петр. Россия должна была стать самостоятельной, а не зависеть от иностранцев. В эту логику вписывался, к примеру, декабрьский указ 1723 г., запрещающий принимать на русскую службу офицеров из чужих краев³².

Кроме того, в Амстердаме и Гааге как будто забыли, что русский торговый флот только зарождался. Вопреки всем усилиям Петра еще очень мало было русских купцов, занимавшихся внешней торговлей. Поэтому страх голландцев перед конкуренцией со стороны русских торговых судов был явно преждевременным. Да и военного союза России и Франции с целью принудить к экономическим уступкам датчан (беспошлинный проход через Эресунн) по-настоящему опасаться не следовало. Во-первых, и Франция, и Россия устали от многолетнего вооруженного конфликта, который каждой из них пришлось вести, будь то война за испанское наследство или война со шведами. Во-вторых, военные действия против Дании были бы восприняты во всей Европе как серьезная угроза равновесию сил на Балтике, и без того уже нарушенному в результате победы России над Швецией. Так что переговоры Парижа с Петербургом мало что дали, а голландская торговля на Балтике, наоборот, вступила после Ништадтского мира в период нового расцвета³³.

Потому-то, видимо, Гаага больше и не поручала своему резиденту в Петербурге добиваться торгового договора с Россией. На протяжении всей войны со шведами позиция русских была недвусмысленной: экономические уступки голландцам — в обмен на определенные политические шаги с их стороны. Но гаагские политики не торопились признавать власть Петра над завоеванными у шведов территориями до заключения мира между противниками. Когда же мир наконец был подписан, заинтересованность Петербурга в торговом договоре с Гаагой уменьши-

---

³² Ibid. 17.12.1723.

³³ *Buck de P., Lindblad J.Th. De Scheepvaart en handel uit de Oostzee op Amsterdam en de Republiek 1722–1780 // Tijdschrift voor Geschiedenis. Amsterdam, 1983. Jaargang 96. P. 236–262.*

лась, тем более что пошлины с голландских купцов изрядно пополняли государственную казну, а различия в тарифах можно было использовать для поощрения своих, русских купцов. С голландской идеей свободы торговли, которая уравнивала в правах купцов из Голландии и России и тем самым сохраняла за голландцами их конкурентные преимущества, политика Петра была несовместима. Заключить договор, имеющий смысл для обеих сторон, в этих условиях стало невозможным.

В конце января 1724 г. царь издал новый таможенный устав, наделавший в торговых кругах Республики много шума. Ввозные пошлины на многие товары резко повысились, при этом в петербургском порту они выросли меньше, чем в других городах. Было ясно, что Петр продолжает превращать свой «парадиз» в экономический центр страны. Весной голландские купцы, ведущие дела с Россией, обратились в Сенат с просьбой сохранить старый тариф до конца 1724 г.³⁴ Когда это не помогло, некоторые решили, что поддержать прошение должен резидент де Вилде. Однако на общем собрании большинство избрало другую тактику. Защищать прошение в Сенате поручили видному торговцу Хармену Мейеру.

Мейер заметно выделялся среди иностранцев в России. Вместе со своим тестем Яном Люпсом он единственный мог продавать российскому государству векселя за рубли³⁵. Поэтому оба они в состоянии были покупать и продавать товары за наличные и всегда располагали достаточным запасом русских денег, что ставило Люпса и Мейера в очень выгодное по сравнению с их конкурентами положение. Кроме того, тесть и зять в годы Северной войны снабжали Россию оружием и за это сумели получить монополию на вывоз корабельной смолы и дегтя. Оба купца были лично знакомы с царем, что дало им массу полезных связей. И хотя в 1724 г. монополия на корабельную смолу и деготь была отменена, Люпс и Мейер благодаря своим друзьям в высших сферах смогли, по словам де Вилде, на практике сохранить свою привилегию³⁶. Как далеко простиралось влияние ловких коммерсантов, видно из того, что именно им было предоставлено исключительное

---

³⁴ SAA. M 72, De Wilde aan Fagel (?), 13.08.1724.

³⁵ NA. Liassen Moskovič 7369, De Wilde aan Fagel, 02.02.1724.

³⁶ NA. Archief Isaac van Hoornbeek. Nr. 1, XL, De Wilde aan Van Hoornbeek, 24.07.1724.

право осуществлять платежи шведам, предусмотренные Ништадтским мирным договором⁵¹⁸ в качестве компенсации за присоединенные к России территории.

Обращение голландских купцов к Мейеру с просьбой подержать их ходатайство в Сенате свидетельствует о двух вещах. Во-первых, большинство торговцев-голландцев в России почитали более влиятельным не официального дипломатического представителя Республики, а человека из их собственной среды. Старые дружеские связи весили намного больше. Во-вторых, купцы вообще не сочли необходимым вмешательство своего государства как выразителя *коллективных* интересов всех голландцев. Каналы неформальные явно ценились выше официальных. Понятно, что для де Вилде все это было отнюдь не комплиментом. Ведь в прошлом как раз его предшественники должны были защищать *коллективные* коммерческие интересы голландцев в России. Ему же — при отсутствии переговоров о торговом договоре — приходилось ограничиваться вмешательством лишь в дела, касавшиеся *отдельных лиц*. Круг его обязанностей существенно сузился.

Но, как бы там ни было, добиться снижения таможенного тарифа не удалось. В вопросе о пошлинах царь остался непреклонным, так что резидент Генеральных штатов смог сообщить своему начальству только о «строжайшем исполнении» нового таможенного устава⁵¹⁹. В Гааге были этим крайне недовольны и официально напомнили де Вилде о его ответственности. Указав в своем ответе на то, что голландские купцы в России поручили защиту своих интересов Мейеру, резидент, однако, понимал, что для начальства этого недостаточно, а потому добавил, что сделает все возможное, но все же отметил непреклонность царя в этом вопросе⁵²⁰. Да и вице-президент Коллегии иностранных дел Остерман в разговоре с дипломатом выразился со всей ясностью: русский монарх ни с кем не заключал торгового договора, поэтому волен делать все, что ему угодно⁵²¹.

У российского двора были весной 1724 г. совсем иные заботы. Петр Алексеевич задумал короновать свою супругу в качестве императрицы. Сам он был увенчан шапкой Мономаха еще

³⁷ NA. Liassen Moskovië 7369, De Wilde aan Fagel, 13.01.1725.

³⁸ Ibid. De Wilde aan Fagel, 27.06.1724.

³⁹ Ibid. 24.10.1724.

⁴⁰ Ibid. 04.11.1724.

мальчиком, в 1682 г., а в 1721-м провозглашен императором. Но Екатерина родилась, как известно, в семье ливонского крестьянина и была замужем за шведским драгуном, после чего стала военным «трофеем» Меншикова, у которого ее забрал Петр. Он тайно обвенчался с ней в 1707 г., а пять лет спустя — уже официально. С этого момента, перейдя в православие, Екатерина считалась русской царицей. Для чего же понадобилась самодержцу коронация жены? Вероятнее всего, его беспокоила проблема престолонаследия. Дочери Петра и Екатерины, как и сын покойного царевича Алексея, были еще несовершеннолетними, а значит, в случае внезапной кончины государя должно было быть установлено регентство. По замыслу Петра, регентство предстояло взять на себя Екатерине, именно для этого нужна была ее официальная коронация. Впрочем, в манифесте от 15 ноября 1723 г., в котором было объявлено о будущей коронации в Москве, говорилось не об этом, а о вознаграждении царем заслуг своей супруги, всегда служившей ему опорой и находившейся рядом с ним даже в военных походах⁴¹.

Из-за болезни Петра торжества были отложены до 18 мая 1724 г. Вместе со всем дипломатическим корпусом Виллем де Вилде на них, разумеется, присутствовал. Судя по его письму секретарю Генеральных штатов, голландцу повезло занять место «на возвышении справа от трона»⁴², откуда все было хорошо видно. Архиепископ Новгородский совершил религиозный обряд, после чего император сам возложил на голову супруги корону. Он также вручил ей державу, но не скипетр, и это говорило о многом. Важная роль в церемонии досталась и Меншикову: он раздавал народу серебряные и медные монеты.

Какими полномочиями обладала отныне Екатерина, понять было трудно. Пока дело ограничилось тем, что, несомненно, по ее инициативе в самый день коронации престарелому действительному тайному советнику П.А. Толстому был пожалован титул графа. Так стали графами и все его будущие потомки, включая великого писателя Льва Толстого. Но уже в том же 1724 г. ясно обозначились пределы влияния императрицы. В ноябре ее камергера Виллема Монса, брата Анны Монс, которая некогда была любовницей Петра, и Матрену, старшую сестру Виллема, арестовали. Приближенные Екатерины, эти двое фактически

---

⁴¹ См. об этом: *Grey I. Peter the Great*. Philadelphia, 1960. P. 431.

⁴² NA. Liassen Moskovië 7369, De Wilde aan Fagel, 19.05.1724.

Петр коронует Екатерину императрицей.
Гравюра Бернара Пикара (1673–1733).
Государственный музей (Рейксмузеум), Амстердам

сами определяли, с кем она видится и кто может через нее как-то повлиять на государя. На практике они продавали право доступа к императрице за большие деньги.

Реакция Петра была быстрой и безжалостной. Виллему Монсу отрубили голову, а Матрену наказали кнутом и сослали в Сибирь. Екатерина до последнего надеялась спасти своего фаворита, но это ей не удалось. О том, как разгневан был царь поведением жены, говорит написанный им собственноручно указ, запрещающий чиновникам исполнять ее повеления; одновременно ее лишили возможности управлять своими финансами. Так что новый титул Екатерины мало что значил, а дело Монса серьезно испортило ее отношения с мужем. На публике она своих чувств не проявляла, но супруги перестали друг с другом разговаривать и спать вместе.

Дело Монса показало, что самодержец уже не в полной мере контролировал происходившее вокруг него, отчасти и из-за ухудшившегося состояния здоровья. В сентябре 1724 г. приступы мочекаменной болезни усилились, и царь не преминул словами и действием выразить свое недовольство врачами⁴³. После оче-

⁴³ Ibid. 23.09.1724.

редного посещения минеральных источников в Олонце наступило временное улучшение, однако в январе 1725-го положение стало еще хуже. В ночь на 28 января (8 февраля) Петр в страшных мучениях скончался. Вероятно, со слов лейб-медика голландский резидент де Вилде передал в Гаагу все мельчайшие подробности последних дней болезни, включая запоздалые попытки врачей очистить полость мочевого пузыря императора от «жгучих и дурно пахнущих веществ». «...Его Величеству становилось все хуже и хуже, сильная боль совершенно его измучила, и Всемогущему Богу было угодно взять его драгоценную душу <...> к Себе, лишив это государство отца и монарха, равного которому не видели века»⁴⁴.

Умирая, Петр, как известно, был уже не в состоянии указать преемника. Наследование престола Екатериной, несмотря на ее недавнюю коронацию, отнюдь не было делом решенным. Часть приближенных, представители старых боярских родов, такие как князья Голицын и Долгорукий, выступили за то, чтобы корона перешла к 9-летнему внуку умирающего — будущему Петру II, ведь по русской династической традиции прямым наследником по мужской линии был он. Представители же новой служилой знати были против и при поддержке ворвавшихся в Сенат офицеров гвардии возвели на престол императрицу. Екатерина провозгласила себя самодержицей всероссийской со всеми правами, которыми обладал ее покойный супруг⁴⁵.

Из донесений де Вилде в Гаагу видно, что он хорошо чувствовал общую атмосферу в России. После лихорадочной эпохи Петра люди хотели покоя и уж точно не желали новых международных конфликтов. Русские, писал голландский резидент, мечтали о «правлении более мягком и чтобы все дела вершились быстрее», а не так, как бывало, когда монарх «позволял им тянуться месяцами и годами, не давая положительно своих распоряжений и не высказываясь»⁴⁶.

Но получила Россия не то, о чем мечтала, а элиту, раздираемую междоусобной борьбой. При Екатерине I, к огромному недовольству старой аристократии Меншиков получил еще больше власти. К тому моменту массы населения стонали под тяже-

---

⁴⁴ Ibid. 10.02.1725.

⁴⁵ Ibid. 03.03.1725.

⁴⁶ Ibid. 13.02.1725.

лым бременем податей. Внешняя экспансия и связанные с ней непомерные расходы радовали отнюдь не всех, как видно из распространенного в XVIII в. известного сатирического лубка «Мыши кота погребают», где кот явно похож на почившего царя-реформатора. Екатерина и Меншиков уменьшили подушную подать на треть и на треть же сократили расходы на армию и флот. Вдобавок были прощены все долги по недоимкам. Стало ясно, что с новыми властями государственный корабль вошел в более спокойные воды, а слишком смелые, далеко идущие планы с повестки дня сняты.

При Петре голландско-русские связи развивались удивительным образом. Учитывая, как искренне царь любил Голландию и голландцев, можно было ожидать, что отношения между двумя странами сложатся самые теплые. Но вышло во многом иначе. Да, в течение всей Северной войны амстердамские купцы поддерживали Россию деньгами и поставками вооружений. В становлении русского флота ведущую роль играли голландские моряки, начиная с вице-адмирала Корнелиса Крёйса, или, как его называли в России, Крюйса. Но все это было индивидуальным выбором отдельных лиц и независимой политикой города Амстердам. Правящие круги в Гааге просто смотрели сквозь пальцы на такую помощь Петру, а сами избрали политику нейтралитета. В первый период войны Республика официально была даже связана со шведами союзническим договором, в то время как на практике ее подданные открыто подрывали позиции Швеции, отправляя в Архангельск один корабль с оружием за другим.

С 1709 г., после победы русских под Полтавой, Гаага строго придерживалась нейтралитета, что не всегда вызывало понимание у воюющих сторон. Об этом говорят попытки русского посла князя Куракина добиться от руководителей Республики признания хотя бы части осуществленных Петром захватов шведских территорий. Невозможным стало в этих условиях и улучшение торговых позиций голландских купцов в России. Устанавливая таможенные пошлины, стимулирующие развитие в стране собственного торгового судоходства, царь все же готов был сделать шаг навстречу голландцам, но лишь в обмен на политические уступки, т.е. признание Гаагой его власти над захваченными территориями. Неуступчивость голландцев сводила фактически на нет все планы заключения между Республикой и Россией торгового договора. Возможно, в Гааге рассчитывали,

что русские проявят больше благодарности за помощь, оказанную им в ходе Северной войны. Однако у Петра государственные интересы всегда брали верх над сантиментами.

Наряду с этими основополагающими противоречиями ухудшению отношений способствовал также фактор личностный. Резидент Якоб де Би оказался слишком негибким, чтобы эффективно исполнять свои обязанности при русском дворе. Неосмотрительность голландского дипломата и накопившееся у российских властей раздражение привели к его высылке, которая только подчеркнула драматическое несоответствие между личными симпатиями самодержца к Голландии и реальностью голландско-русских отношений. Новый представитель Генеральных штатов в Петербурге, Виллем де Вилде, по характеру подходил Петру больше, но на практике это мало что изменило. Дипломатический ранг резидента был слишком низок, чтобы он мог достичь поставленных перед ним целей. К тому же его легко отодвигали в тень влиятельные голландские купцы в России, предпочитавшие сами улаживать свои дела с царским правительством. Дипломату оставалось лишь информировать Генеральные штаты обо всем происходящем.

VIII.

В ПОИСКЕ НОВЫХ ПУТЕЙ: ШВЕЦИЯ И ГОЛЛАНДИЯ в 1721–1725 годах

С подписанием Ништадтского мира для шведов закончилась война, которая шла непрерывно почти четверть века. Праздновать проигравшей стороне было особенно нечего, но в объявленный властями день благодарения, 26 декабря 1721 г., в церковных проповедях звучало явное облегчение. Было предписано читать на утреннем богослужении из псалма 147 строки «...Хвали, Сион, Бога твоего, ибо Он укрепляет верей ворот твоих, благословляет сынов твоих среди тебя», а днем — из псалма 66: «Ты испытал нас, Боже, переплавил нас, как переплавляют серебро...» Примечательно, что поначалу было даже отдано распоряжение устроить в городах иллюминацию важнейших зданий, но его быстро отменили¹. Конец лишений, вызванных войной, и восстановление свободы судоходства на Балтике позволяли с надеждой смотреть в будущее. Однако Швеция уже не была той великой державой, какой ее знали в XVII в. После тяжелейших территориальных, финансовых и людских потерь стране предстояло мучительно выкарабкиваться из той пропасти, в которой она оказалась. Вместо Карла XII царствовал теперь Фредрик I — и, как сказано в эпиграмме дворянина Карла Гермунда Седерельма, «на шведских часах вместо 12 — один час»².

Сегодня мы знаем, что Швеция восстановилась намного скорее, чем можно было предполагать в 1721 г. За последующие два десятилетия, пока страна не вела никаких войн, ее демографическое и экономическое положение выправилось. И все же потеря Прибалтики продолжала сказываться. Доходы короны упа-

---

¹ NA. Liassen Zweden 7194, Rumpf aan Fagel, 10.12, 31.12.1721.

² Roberts M. The Age of Liberty. P. 13.

ли более чем наполовину³. Несмотря на восстановление шведской экономики, она была теперь одной из самых слабых в Европе. Воспоминания о славном прошлом подпитывали в обществе ностальгию и мечту о реванше, но почти вся шведская элита понимала, что о новой войне пока нечего и думать. Швеция должна была сосредоточиться на самой себе, на развитии своей промышленности и науки. А потом уж, накопив сил, можно было бы, вероятно, попробовать вернуть себе часть утраченных земель. Пока же нужно было смириться с поражением, восстановиться и идти дальше. Разумеется, это требовало определенной перестройки умов. На международной арене Швеция уже не могла проявлять такую активность, как на протяжении всего предыдущего столетия. Но понадобятся несколько десятилетий, а то и полвека, прежде чем шведы привыкнут к своей новой, скромной, роли в международных делах.

Сразу после объявления мира пришлось решать ряд практических проблем. Шведам надо было послать два полка в Финляндию, дабы официально принять от русских власть над этой территорией. Шведское адмиралтейство попыталось использовать для этого два захваченных ранее голландских судна, однако резидент Генеральных штатов Хендрик Рюмпф решительно воспротивился и помешал этому⁴. Кроме того, предстояло создать российскую и шведскую комиссии, чтобы провести в Финляндии новую границу между державами. Одновременно с обеих сторон отпустили домой военнопленных. Свыше 1700 русских офицеров и солдат покинули Швецию, а в противоположном направлении двинулись освобожденные Петром шведы, среди которых было несколько знатных лиц, включая дочерей графа Арвида Хорна, вновь занявшего пост президента королевской канцелярии⁵. В конце ноября шведский Сенат одобрил сокращение вооруженных сил страны до 40 тысяч человек. Не избежала сокращения и гвардия: так, гвардейский пехотный полк насчитывал отныне всего 1200 военнослужащих⁶.

Голландскому дипломату Рюмпфу приходилось заниматься не только новой, послевоенной ситуацией в отношениях со Швецией, но и вопросами, доставшимися в наследство от прошлого.

---

³ Ibid. P. 16.

⁴ NA. Liassen Zweden 7194, Rumpf aan Fagel, 01.10.1721.

⁵ Ibid. 12.11, 19.11.1721.

⁶ Ibid. 26.11.1721.

Некоторые из них решить было нетрудно. Например, для гессенского полка в составе армии Республики, которым прежде командовал нынешний шведский король Фредрик, Генеральные штаты в согласии с монархом легко нашли нового командира, и Рюмпф даже удостоился за это от Фредрика I благодарности⁷.

Совсем иного калибра был застарелый спор между Гаагой и Стокгольмом о портовых пошлинах в Риге, которые Швеция в 1701 г. предоставила голландцам в залог, получив от них заем в 300 тысяч риксдалеров. 7 октября 1721 г. Генеральные штаты в своей резолюции потребовали от шведов выплатить накопившиеся проценты по займу за 9 с половиной лет и остальную часть основной суммы долга⁸. Требование это было совершенно невыполнимо, и не только потому, что шведская казна была пуста. Еще в 1710 г. Ригу захватили русские войска, и царь Петр уже давал понять, что считает портовые пошлины в Риге своей военной добычей и не собирается возмещать убытки голландцам, одолжившим деньги шведам. Никаких способов настоять на своем у Республики не было. Новый великий пенсионарий Исаак ван Хорнбейк в 1721-м предложил Рюмпфу попробовать уладить это дело в контексте русско-шведских переговоров о мире. Впрочем, ван Хорнбейк и сам выразил сомнение, в состоянии ли голландский дипломат в достаточной мере повлиять на шведское правительство⁹. Это означало: сделай, что можешь, мы все равно многого не ждем. Тем дело и кончилось.

Если вопрос о пошлинах в Риге не вызывал сильных эмоций, то о другой больной проблеме между Гаагой и Стокгольмом этого сказать нельзя. При аресте в Голландии в 1717 г. шведского агента барона фон Гёртца у него забрали несколько сундуков и бумаги. Казненный в Стокгольме в 1719-м, он уже не мог сам потребовать назад свое имущество, но теперь с таким требованием обратились к голландцам его наследники. Их поддержали шведские власти, рассчитывая найти в вещах и бумагах фон Гёртца информацию о том, как он в свое время распорядился полученными от правительства в Стокгольме крупными суммами. Это позволило бы воссоздать картину финансовых опера-

---

⁷ Ibid. 19.11.1721.

⁸ Ibid. 29.11.1721. Подробнее см.: *Koningsbrugge van J.S.A.M. Tussen Rijswijk en Utrecht*. P. 87.

⁹ NA. Archief Isaac van Hoornbeek. Nr. 2, XV, Van Hoornbeek aan Rumpf, 02.08.1721.

ций барона в Голландии и других странах, а главное — постараться вернуть деньги в казну¹⁰. Между тем Верховный суд провинций Голландии и Зеландии постановил открыть сундуки покойного, однако в присутствии лишь представителей его семьи. Участие в этой церемонии секретаря шведской миссии Прейса сочли нежелательным.

Для правящих кругов в Стокгольме такое решение было неприемлемым. Голландский дипломат Рюмпф, которого Гаага ни о чем не уведомила, мог только посоветовать шведам добиваться пересмотра судебного вердикта. Он, правда, добавил, что у руководства Республики нет возможности вмешиваться в дела юстиции. Какую настойчивость проявило правительство Швеции в этом вопросе видно из того, что оно вызвало наследников фон Гёртца в Стокгольм, дабы те «дали отчет по поводу некоторых сумм денег, принадлежащих короне»¹¹. Памятуя о судьбе казненного барона, наследники, естественно, не явились.

Тем временем, 13 января 1722 г., Верховный суд после определенного закулисного давления, все же оказанного на него Генеральными штатами¹², вынес более благоприятное для шведских властей решение. Сундуки и бумаги должен был получить представитель наследников фон Гёртца, но не раньше, чем бывший секретарь барона составит отчет о финансовых операциях своего покойного патрона. Вместе с тем представитель наследников добился от Верховного суда разрешения сразу же взять те вещи и бумаги, которые «не имеют отношения к отчету»¹³, и вывезти их из Голландии. В Стокгольме не без оснований опасались, что этот маневр помешает составить полный отчет о тратах фон Гёртца, и попросили Рюмпфа воспрепятствовать вывозу из Голландии части вещей и бумаг барона. Однако ничего не получилось. У шведских властей это вызвало огромное раздражение, и еще в январе 1723 г. Рюмпф вынужден был докладывать в Гаагу, что те проблемы с голландскими моряками и судовладельцами, которые раньше решались в Швеции быстро, теперь намеренно откладываются в долгий ящик¹⁴. В конце концов выход был найден при посредничестве дипломатов из Ганновера.

---

¹⁰ NA. Liassen Zweden 7194, Rumpf aan Fagel, 10.12.1721.

¹¹ Ibid. 07.01.1722.

¹² Ibid. 25.02.1722.

¹³ Ibid. 25.03.1722.

¹⁴ Ibid. 06.01.1723.

Шведское правительство отказалось от своих намерений наложить секвестр на все имущество покойного барона, а его наследники в обмен на это согласились на то, что сундуки будут открыты в присутствии обеих сторон, после чего бывший секретарь фон Гёртца сможет завершить свой отчет¹⁵.

Так как в сфере международной политики Республике с тогдашней Швецией обсуждать было почти нечего, основное внимание в их взаимоотношениях уделялось торговле. На рубеже 1721 и 1722 годов переговоры шли по двум темам: о мерах по пресечению распространения чумы и о заключении нового голландско-шведского торгового договора.

Первые сообщения о вспышке чумы пришли летом 1720-го из Марселя. На французском судне, заходившем на охваченный чумой Кипр, умерло несколько членов команды, в том числе корабельный врач. В Марселе судно поставили в карантин, но по просьбе влиятельных купцов, заинтересованных в богатом грузе шелка и хлопка, вскоре допустили к разгрузке. В результате вспыхнула эпидемия чумы, которая в одном только Марселе стоила жизни 50 тысячам человек, т.е. 56% населения города¹⁶. Когда слухи об эпидемии распространились по всей Западной Европе, повсюду были приняты меры предосторожности. Швеция тоже определила 16 ноября 1721 г. места для карантинных стоянок кораблей и формальные процедуры контроля. Более того, судам разрешалось заходить в шведские порты лишь при наличии справок от своих городских властей, а также гарантий, выданных шведскими «посланниками, агентами или консулами»¹⁷. Первое требование считалось в международной практике нормальным, второе же нет.

Энергичнее всех против введенной шведами меры выступила голландская Дирекция Восточной торговли и арматорства — организация, защищавшая интересы купцов и судовладельцев, действовавших в балтийском регионе. Ее протест открыто поддерживали Генеральные штаты. Суть проблемы была в том, что необходимые бумаги должен был выдавать шведский агент в Амстердаме Пьер Бальгери, который сам вел торговлю на Бал-

---

¹⁵ NA. Liassen Zweden 7224, Rumpf aan Fagel, 29.12.1723.

¹⁶ *Naphy W., Spicer A. De Pest. De Zwarte Dood in Europa. Amsterdam, 2007. P. 105–106.*

¹⁷ NA. Liassen Zweden 7194, Rumpf aan Fagel, 21.01.1722.

тике и теперь был бы в курсе «всей коммерции торговых людей Республики»¹⁸. Это же касалось и Самуэля Баркмана, шведского комиссара, который в датском городке Хельсингёр на берегу пролива Эресунн проверял документы кораблей, следующих в Швецию.

Сопrotивление голландцев почти ничего не дало. Это было связано, несомненно, с тем, что в Лондоне введенные шведами меры вызвали мало возражений¹⁹. Единственное, чего удалось добиться Рюмпфу в Стокгольме, — это согласие шведов на то, чтобы «для товаров, происходящих из страны, где заразной болезни нет, достаточно было свидетельств от магистратов». В отношении же товаров иностранных по-прежнему обязательны были справки от шведских дипломатов. А поскольку большая часть товаров, доставляемых на голландских судах, происходила не из самой Голландии, то уступка, которой добился Рюмпф, на практике мало что значила. К счастью, эпидемия чумы вскоре миновала, а вместе с ней отошли в прошлое и введенные шведским правительством требования.

Добавим, что бюрократические строгости шведов были вызваны не только страхом перед чумой. В январе-феврале 1722 г. Стокгольм был охвачен эпидемией кори, которая, как докладывал в Гаагу Рюмпф, «не обошла стороной ни один дом в городе»²⁰. Из-за слишком теплой зимы «злая лихорадка» распространилась настолько, что власти даже запретили людям собираться в домах умерших — прощаться с покойниками и поминать их следовало на кладбище²¹. Необычайно высокие для этого времени года температуры сделали также невозможной доставку на санях — главный вид транспорта зимой — железных и медных руд в портовые города²². На Швецию обрушивалось одно бедствие за другим, так что жесткие меры, принятые охваченными паникой шведским властями против распространения чумы, вполне понятны.

Не успела новость о заключении Ништадтского мира дойти до Гааги, как в резолюции Генеральных штатов от 15 декабря

---

¹⁸ Ibid. 15.04.1722.

¹⁹ Ibid. 06.05.1722.

²⁰ Ibid. 04.02.1722.

²¹ Ibid. 11.03.1722.

²² Ibid. 25.02.1722.

1721 г. Рюмпфу уже поручили прозондировать в Швеции почву для заключения нового торгового договора. Президент канцелярии граф Хорн эту идею одобрил и попросил, чтобы переговоры проходили в Стокгольме²³. Король Фредрик во время частной аудиенции, которую он дал Рюмпфу, тоже выразил готовность заключить договор в самом ближайшем будущем. Однако в Гааге спешить уже перестали. В конце марта 1722-го шведы даже спросили Рюмпфа, хочет ли еще руководство Республики нового договора. Резидент ответил честно и искренне: государственное устройство Республики таково, что не позволяет ничего делать быстро²⁴. К началу лета голландский дипломат все еще никаких распоряжений от своего начальства насчет договора не получал.

У шведов был в отношении возможного торгового соглашения с голландцами свой подход. В августе 1722 г. король освободил от уплаты ввозных пошлин на все товары все без исключения суда, построенные в Швеции или же купленные за границей, но целиком принадлежащие шведам²⁵. Иностранцам же в свободе от пошлин отныне было отказано. Тем самым Стокгольм ясно показал свою приверженность политике меркантилизма, т.е. стимулирования собственной торговли и промышленности. Одной из целей было развернуть в стране производство железных и стальных инструментов, а также фарфора²⁶.

Этот шведский протекционизм свидетельствовал о явном разрыве с прошлым. Голландско-шведский торговый договор 1679 г. был основан на принципе равноправия обеих сторон. Лишь те шведские корабли, которые были оснащены по меньшей мере 24 пушками, могли иметь преимущества перед голландскими судами. Теперь, с освобождением от пошлин только шведских судов — в ущерб иностранным, — система отношений радикально менялась. Здесь Швеция была в тогдашней Европе не одинока. Другие государства, например Россия, тоже ставили поощрение собственной экономики выше принципа равенства. С голландскими воззрениями на торговлю и коммерческие интересы политика протекционизма была, конечно, несовместима.

---

²³ Ibid. 31.12.1721, 21.01.1722.

²⁴ Ibid. 01.04.1722.

²⁵ Ibid. 19.08.1722.

²⁶ Ibid. 25.11.1722; NA. Liassen Zweden 7195, Rumpf aan Fagel, 31.03.1723.

Между тем Рюмпф давно уже просил у своих патронов в Гааге разрешения съездить на родину. К этому его побуждало прежде всего желание навести порядок в своих частных делах — добиться того, чтобы задерживаемое в течение долгих месяцев жалование было выплачено ему полностью. Когда же осенью 1722 г. у резидента и его жены начались, кроме того, проблемы со здоровьем, просьбы Рюмпфа к великому пенсионарию Исааку ван Хорнбеюку позволить ему немедленно выехать в Голландию стали еще более настойчивыми²⁷. Но отъезд приходилось все откладывать, так что покинуть Стокгольм резидент смог лишь в мае 1723-го. Судьба не была к нему милостива и перед самым его отплытием. Сильный пожар, вспыхнувший на ветряной мельнице неподалеку от дома Рюмпфа, уничтожил более 2000 строений. Среди них был дворец шведского сенатора Лейенстеда, который со своей многочисленной семьей нашел приют у готовившегося к отъезду голландца. Сам же дипломат, пытаясь спасти от огня дом своей тещи, был ранен упавшим на него куском дерева²⁸.

После того как Рюмпф отбыл на родину, делами голландской миссии в Стокгольме стал веждать ее секретарь ван де Санде. 30 июня он сообщил в Гаагу, что шведские сословия, совместно заседая в риксдаге, единогласно признали императорский титул русского царя²⁹, своего недавнего противника. Но это был не более чем показательный жест доброй воли. Многие мечтали о реванше, хотя и понимали, что необходимо набраться терпения.

Швеции предстояло, так сказать, пересоздать себя, и кратчайшим путем к этой цели была перестройка экономики. Нужно было уменьшить зависимость от заграницы, поощряя и развивая собственную промышленность, ограничивая импорт и стимулируя экспорт. В риксдаге Эммануил Сведенборг, знаменитый естествоиспытатель, занимавшийся среди прочих областей знания экономикой, представил депутатам обзор, из которого следовало, что страна ввозит гораздо больше товаров, чем вывозит³⁰. Для исправления положения правительство наметило конкретные меры. В конце августа иностранцам предоставили пра-

---

²⁷ NA. Archief Isaac van Hoornbeek. Nr. 1, XXXV, Rumpf aan Van Hoornbeek, 27.05, 07.10.1722; NA. Liassen Zweden 7195, Rumpf aan Fagel, 23.12.1722.

²⁸ NA. Liassen Zweden 7195, Rumpf aan Fagel, 12.05, 18.05.1723.

²⁹ Ibid. Van de Sande aan Fagel, 30.06.1723.

³⁰ *Magnusson L. Sveriges Ekonomiska Historia. Stockholm; Falun, 1998. P. 248.*

во свободно основывать в Швеции предприятия. Могущество ремесленных цехов было сломлено, что открыло дорогу новым, более современным формам производства. Чтобы привлечь деловых людей из-за рубежа, был смягчен режим безраздельного господства лютеранской церкви, хотя до полной свободы вероисповеданий было далеко. Приверженцы кальвинизма практиковать свою веру могли, но исключительно в сфере частной жизни³¹. В Стокгольме им были открыты двери церкви при голландской миссии. Католикам на такую терпимость рассчитывать не приходилось: их религия осталась в Швеции под запретом. Власти всеми силами побуждали народ работать. В марте 1724 г. королевским указом было определено, что в дни памяти апостолов читать проповедь разрешается лишь один раз и только утром, с 8 до 10 часов. Потом все должны снова браться за работу.

Тем временем в Голландии Рюмпф хлопотал по своим делам. Помимо всех причитавшихся ему, но пока не выплаченных денег он пытался добиться также более высокого ранга — ранга посланника — и, соответственно, повышения жалованья. Для производства в посланники требовалась резолюция Генеральных штатов. Человек опытный, Рюмпф оставался в Гааге, чтобы повлиять на ход вещей. Он, в частности, внушал «Высокомочным», что из-за задержек с их решением рискует пропустить такое важное для Швеции событие, как закрытие риксдага. Этот аргумент возымел действие, и уже через пару недель Рюмпф, получив повышение, направился обратно в Стокгольм³². Через Гамбург и датский остров Фюн — как обычно, по плохим дорогам — он 10 ноября добрался до места назначения³³.

Перед отъездом из Гааги он еще подробно обсудил с Исааком ван Хорнбейком, пенсионарием Амстердама Бейсом и двумя руководителями Дирекции Восточной торговли и арматорства вопрос о том, как должен был бы выглядеть торговый договор со шведами. При этом условились, что переговоры о нем будут считаться делом не менее приоритетным, чем защита частных интересов отдельных подданных Республики. Рюмпфу предстояло прежде всего убедиться, можно ли довести такие переговоры до успешного завершения и как это сделать.

---

³¹ NA. Liassen Zweden 7195, Van de Sande aan Fagel, 01.09.1723.

³² Ibid. Rumpf aan Staten-Generaal, 27.09, 19.10.1723.

³³ Ibid. Van de Sande aan Fagel, 10.11.1723.

Однако секретная резолюция Генеральных штатов от 17 декабря 1723 г. предоставила их посланнику в Швеции мало пространства для переговоров. «Высокомочные» заняли позицию, согласно которой заключению нового торгового договора между двумя странами должна предшествовать серьезная уступка со стороны шведов, а именно отмена таможенных льгот для подданных шведской короны. Эти льготы были обычной практикой еще с 1640 г. и подтверждались в каждом очередном торговом договоре между Гаагой и Стокгольмом. Теперь же гаагские политики не только выдвинули совершенно новое требование, но и настаивали на нем как на непременном условии заключения соглашения³⁴.

Рюмпф сразу понял, что добром это не кончится. Его голландское начальство советовало ему апеллировать к дружеским чувствам, которые питал к Республике король Фредрик I. Но в Гааге явно переоценивали политический вес монарха в Швеции. Дни ничем не ограниченного абсолютизма там прошли, и для заключения договоров необходимо было отныне согласие риксдага, а он мог и не согласиться. К тому же шведы сделали ставку на стимулирование собственной экономики, а это, естественно, предполагало как раз предоставление таможенных льгот подданным своей страны. Голландские купцы и политики, однако, не заметили перемены в настроениях партнеров. Если голландцы стремились к тому, чтобы Швеция по-прежнему зависела от них — в условиях свободной конкуренции между шведскими и голландскими судовладельцами первые неизбежно проигрывали, — то власти Швеции хотели прямо противоположного. Это заранее обрекало все разговоры о новом торговом договоре на провал. В начале февраля 1724 г. Рюмпф доложил об этом своим патронам в Гааге³⁵.

Нельзя сказать, что для шведов переговоры с Республикой были делом первоочередным. В центре внимания шведского правительства находились в те дни переговоры с Россией о союзе, которые 2 марта завершились успешно. Готовность шведов заключить союз с недавним многолетним противником показывает, как велико было беспокойство Стокгольма по поводу безопасности страны. В военном отношении Швеция была тогда совершенно беспомощна. Оборонительный союз с Россией га-

---

³⁴ NA. Liassen Zweden 7224, Rumpf aan Fagel, 05.01.1724.

³⁵ Ibid. 02.02.1724.

рантировал шведам хотя бы на бумаге благорасположение самой могущественной державы балтийского региона.

Стокгольм, в свою очередь, пошел на ряд небольших уступок. В Петербурге поддерживали притязания на шведский престол герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского, сына покойной старшей сестры Карла XII³⁶. Престол ему, как мы знаем, не достался, но шведы согласились с тем, чтобы молодого герцога именовали «Его Королевским Высочеством». Швеция также обещала вместе с Россией и императором в Вене добиваться возвращения Карлу Фридриху аннексированной датчанами области Шлезвиг. В случае же, если шведский король Фредрик I умрет бездетным, при решении вопроса о престолонаследии будут приняты во внимание права Гольштейн-Готторпского дома. Подобные формулировки ни к чему не обязывали, и тем привлекательнее они были для официального Стокгольма³⁷.

В отдельной статье русско-шведского договора 1724 г. было выражено согласие царя Петра на то, чтобы из завоеванных им прибалтийских провинций можно было беспощинно поставлять товары в Швецию на сумму в один миллион рублей. Это было вдвое больше, чем разрешалось по Ништадскому мирному договору 1721 г.; к тому же был расширен ассортимент товаров, которые дозволялось вывозить в Швецию: отныне речь шла не только о зерне, но и о пеньке, льне и мачтах. Тем самым Петербург показывал, что не препятствует возрождению шведского флота.

Все это уменьшило опасения шведов за безопасность своей страны, но не рассеяло их полностью. Тревогу вызывали как прямая угроза иностранного вторжения, так и та роль, которую другие державы могли бы сыграть, когда Швеции придется выбирать нового монарха. В конце августа 1724-го в Стокгольме был опубликован указ, содержание которого стало, впрочем, известно еще почти за год до этого. Указ требовал от иностранных дипломатов в том случае, если шведский трон станет вакантным, немедленно выехать со своими семьями из столицы королевства в некоторое отдаленное от нее место. Вернуться им разрешалось лишь после того, как будет выбран новый государь.

---

³⁶ Герцог Карл Фридрих с 1721 г. находился в России и вскоре после заключения русско-шведского союза женился на дочери Петра Анне. От этого брака родился будущий император Петр III (*Прим. переводчика*).

³⁷ NA. Liassen Zweden 7224, Rumpf aan Fagel, 23.03.1724.

Новых же дипломатов Швеция в период междуцарствия принимать не будет. Было совершенно очевидно, что шведы хотят избежать ситуации, царившей в тогдашней Польше, где выбор нового короля определялся больше интригами иностранных держав, чем интересами самих поляков. Указ ясно показывал, как быстро ушло в прошлое гордое осознание шведами своей мощи³⁸. Теперь они видели прежде всего собственную слабость и необходимость всемерно ограничить вмешательство других стран в шведские дела.

За изменениями во внешней политике Стокгольма последовали перемены и в его подходе к вопросам торговли. Здесь тоже пытались как можно больше отстранить иностранцев. В ноябре того же 1724 г. после долгих колебаний власти Швеции сделали решительный шаг, издав закон, разрешающий ввоз в страну товаров только на шведских судах или на судах тех стран или колоний, где эти товары действительно произведены. Тем самым, например, в отношении соли из Португалии голландцы лишились своей традиционной роли торговых посредников³⁹. Рюмпф в своем донесении в Гаагу с полным основанием назвал этот закон Навигационным актом⁴⁰ по аналогии с законом, принятым Великобританией в 1651 г. и направленным против ее голландских конкурентов. Республика ответила шведам собственным законом, который делал невозможной посредническую роль шведских купцов, но те перекупкой почти не занимались. На практике голландская коммерция пострадала мало: подданные Республики стали использовать шведские суда или же убеждали таможенников в Швеции, что доставили товары голландские⁴¹. Однако было ясно, что Швеция отныне ориентируется в основном на себя.

Итак, после Северной войны Гаага и Стокгольм попробовали восстановить прежние взаимоотношения. Это оказалось делом нелегким. Желание голландцев заключить торговый договор шведская элита поначалу приветствовала, и все же ничего не вышло. Резидент Генеральных штатов Рюмпф, назначенный затем посланником, делал, что мог, но стремление шведов вести

---

³⁸ Ibid. 30.08.1724.

³⁹ *Lindblad J.Th. Sweden's Trade with the Dutch Republic, 1738–1795. Assen, 1982. P. 16.*

⁴⁰ NA. Liassen Zweden 7224, Rumpf aan Fagel, 23.03.1724.

⁴¹ *Lindblad J.Th. Sweden's Trade with the Dutch Republic. P. 16.*

политику меркантилизма, поощрения собственной экономики, оказалось сильнее их готовности оформить на бумаге коммерческие связи с Республикой. Возможно, Гаага достигла бы большего, если бы лучше поняла царившую в Швеции тревогу о безопасности страны. Не исключено, что голландцам удалось бы в обмен на политические уступки получить экономические выгоды. Все это, однако, не вписывалось в новую стратегию Республики на международной арене: как можно меньше идти на риск. И для Швеции, и для Голландии завершился целый исторический период. Обеим странам предстояло из великих держав превратиться в государства намного меньшего веса в европейской политике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предлагаемый читателям анализ отношений Республики Соединенных Нидерландов со Швецией и Россией в 1714–1725 годах является логическим продолжением моего более раннего исследования, посвященного политике голландцев в балтийском регионе в 1699–1713 годах¹.

В течение всего этого времени позиция Республики оставалась весьма двусмысленной. В начале Северной войны, когда шведы и голландцы формально еще были союзниками, правящие круги в Гааге надеялись использовать шведские войска против Франции в войне за испанское наследство (1701–1713). Надежды не оправдались, поскольку шведский король Карл XII был целиком поглощен своей собственной войной на Балтике, где Россия оказывала ему упорное противодействие. Это упорство во многом поддерживалось крупномасштабными поставками в Россию вооружений из Амстердама. Таким образом, «Господа Генеральные штаты» рассчитывали получить помощь от союзника, военные усилия которого подрывали подданные тех же Генеральных штатов. На уровне локальном, в Амстердаме, блокировалось то, к чему стремились на центральном уровне, в Гааге. Ситуацию более странную трудно было себе представить, и Карла XII она, естественно, раздражала. Король в бессильной ярости вынужден был смотреть, как после поражения русских под Нарвой в 1700 г. их армия вновь окрепла при военной и финансовой поддержке со стороны амстердамских купцов и как благодаря знаниям и усердию голландцев был буквально на пустом месте построен русский флот.

По мере того как давление шведов на Польшу росло, а помогать Голландии в войне против Франции они не спешили, в Амстердаме и Гааге, опасавшихся, что равновесие сил на Балтике нарушится, мысли потекли уже в одном направлении. При

---

¹ *Koningsbrugge van J.S.A.M. Tussen Rijswijk en Utrecht. De diplomatieke betrekkingen tussen Zweden en de Verenigde Nederlanden 1697–1713.* Groningen, 1996.

этом с февраля—марта 1707 г. позиции Великобритании и Голландии по отношению к шведской политике экспансии все заметнее расходились. Так, нового польского короля Станислава Лещинского, посаженного на польский престол в Варшаве под нажимом шведов, Лондон без всякого сопротивления признал, голландцы же признать отказались, боясь абсолютного господства Швеции в балтийском регионе. В результате Республика Соединенных Нидерландов осталась единственной великой державой, не желавшей официально признавать изменившийся баланс сил на севере и востоке Европы. Формально голландцы придерживались нейтралитета, но на практике контрабанда вооружений в Россию продолжалась, и никто не препятствовал подданным Республики, в частности офицерам и матросам, поступать на русскую службу.

После поражения Карла XII под Полтавой (1709) соотношение сил опять изменилось. Теперь уже Россия в сотрудничестве с несколькими давними противниками Швеции шла к господству в регионе. На следующий год Карл ввел морскую блокаду захваченных русскими портовых городов в Прибалтике, принадлежавших прежде шведам. Множество голландских торговых судов попало в руки шведских военных моряков или каперов. Понятно, что ни в Гааге, ни в Амстердаме это, мягко говоря, не прибавило шведам популярности. Из-за испорченной в глазах голландцев репутации шведского монарха им стало труднее вести фундаментальную дискуссию о том, так ли уж выгодно для Республики, чтобы на Балтике доминировал русский царь. В Гааге к Карлу XII испытывали глубокую неприязнь — и не только из-за действий шведов на море, но и потому, что считали шведского короля упрямым, слыхом воинственным и безрассудным. Некоторые же, в первую очередь в Амстердаме, полагали, что из господства русских в балтийском регионе можно извлечь кое-какие коммерческие выгоды. Но все ли голландские купцы, торговавшие с Россией, разделяли такие взгляды, вызывает сомнения. Торговля шла пока главным образом через Архангельск и именно там позиции голландцев были особенно прочны, поэтому изменение баланса сил на Балтике могло лишь повредить их интересам: было еще далеко не очевидно, займут ли подданные Республики в прибалтийских портах столь же привилегированное положение, как в Архангельске, и не столкнутся ли они в Риге или Ревеле с опасными конкурентами из других стран. По-видимому, расчет делался на то, что перемещение

торговли России и Запада с Белого моря на Балтийское будет происходить постепенно. И нельзя сказать, что расчет этот был ошибочным: так, Петербург в качестве торгового порта одержал верх над Архангельском только после окончания Северной войны (1721).

Во второй фазе войны голландцам едва удалось избежать вовлечения их в этот конфликт. С 1714 по 1718 г. Генеральные штаты неоднократно посылали эскадру на Балтику для защиты голландских кораблей от действий шведского военного флота и каперов. Так как Швеция в своем стремлении не допустить иностранные корабли в захваченные русскими бывшие шведские порты не останавливалась ни перед чем, вооруженное столкновение голландцев со шведами на море могло произойти в любой момент. Политические отношения между двумя странами достигли низшей точки в 1717-м, с арестом в Голландии агента шведского короля барона фон Гёртца и с последовавшим за этим запрещением шведами голландскому резиденту Хендрику Рюмпфу появляться при королевском дворе в Стокгольме.

После вступления на британский престол в 1714 г. Георга I, курфюрста Ганноверского, гораздо менее благожелательно стали относиться к Швеции и в Лондоне. Новый монарх пытался как можно больше задействовать военную машину Великобритании для присоединения к Ганноверу принадлежавших шведам герцогств Бремен и Верден, но ему приходилось лавировать, дабы не поссориться с влиятельным в британском парламенте купечеством. Важно было в любом случае не дать конкурентам-голландцам извлечь выгоду из ухудшения отношений между Лондоном и Стокгольмом, а для этого необходимо было, чтобы Великобритания и Голландия проводили в «шведском вопросе» единую линию. Однако уже в 1715 г. надежды на это рухнули. Чрезвычайно сдержанное поведение голландской эскадры в Балтийском море заставило британский флот приспособливаться к такой тактике голландцев. Британское давление на Гаагу — с целью побудить ее действовать по отношению к шведам более агрессивно — продолжалось и в последующие годы, но успеха не имело. «Высокомочные», как именовали себя Генеральные штаты, с одной стороны, стремились не дать себя вовлечь в вооруженную конфронтацию со Швецией, а с другой, не хотели полного отчуждения от Великобритании. Потому-то голландские власти и арестовали фон Гёртца по просьбе Лондона, пойдя даже на прямое нарушение международных дипломатических

обычаев. Решение же штатов провинции Гелдерланд, на территории которой находился арестованный, по собственной инициативе освободить его, еще больше повредило репутации Республики, показав, как глубоки расхождения во взглядах внутри ее правящего класса.

Комфортабельнее всего голландские политики себя чувствовали, занимая официально объявленную еще до поражения шведов под Полтавой позицию нейтралитета и в то же время тайно помогая русским. Конечно, репрессивные меры со стороны шведов не заставили себя ждать — в виде захвата голландских торговых судов, которые перевозили подданных Республики, нанявшихся на службу к русскому царю. Но так как двусмысленная политика Гааги была в Стокгольме давно известна и обе страны и так фактически находились на грани войны, дальнейшего ущерба двусторонним отношениям это уже не нанесло. Тем не менее скандал со взятыми в плен голландцами, направлявшимися на службу в Петербург, наглядно показал всем, кто этого еще не понял, насколько лицемерно ведут себя правящие круги Республики.

Сделав ставку на Россию, голландцы очень многого ожидали от царя-голландофила, но надежды их не оправдались. Петр I не дал себя отвлечь от своей мечты превратить Петербург в процветающий торговый порт — за счет Архангельска. Поначалу, до окончания Северной войны, превосходство оставалось за Архангельском, так что большого ущерба голландские купцы не понесли. Труднее было правящей элите Республики смириться с тем, как мало благодарности проявил русский государь по отношению к голландцам, поддерживавшим его в войне со шведами. И в Гааге, и в Амстердаме рассчитывали на взаимность — в виде привилегий для голландской торговли, на практике все вышло иначе. В принадлежащих русским портах со шкиперами из Голландии обращались крайне грубо, а их грузы расхищали. Голландским купцам иногда не давали возможности покинуть Россию, тогда как агенты царя не стеснялись похищать жителей Республики. Не особенно удачный визит Петра в Амстердам в 1717 г. и «дело» Якоба де Би, резидента Генеральных Штатов в Петербурге, год спустя — лишь конечные станции того пути вниз, по которому двигались быстро ухудшавшиеся отношения между двумя странами.

Могли ли руководители Республики извлечь из связей с русскими больше выгод, если бы пошли навстречу политическим

чаянием России во второй фазе Северной войны? Официальное признание «Высокомочными» нового порядка вещей на Балтике, безусловно, побудило бы Петербург благожелательнее относиться к голландской торговле. Такой шаг Генеральных штатов был бы всего-навсего открытой демонстрацией того, о чем и так все знали, — того, что в конфликте на севере и востоке Европы Республика неофициально поддерживала Россию. Проявленная голландцами в этом вопросе осторожность объяснялась не столько симпатиями к Швеции, сколько все тем же желанием как можно меньше идти на риск. Кроме того, в Гааге знали о крайнем ухудшении отношений между Россией и Великобританией, что тоже мешало гаагским политикам открыто встать на сторону русских, хотя это и позволило бы голландцам обойти своих торговых конкурентов-англичан. Наконец, следовало подождать, чем закончится война. Ни в 1712 г., ни в 1717-м никто не мог предвидеть, что по Ништадтскому мирному договору шведам придется уступить царю всю Лифляндию, Эстляндию и Ингрию, а также часть Финляндии.

В отношениях же со Швецией дипломатия Республики не только постоянно опаздывала, но и не готова была ничего предложить. Пока русским приходила помощь из Амстердама, шведы не получали ничего. В диалоге со Стокгольмом позиция Гааги была чрезвычайно далека от реализма. Об этом говорит хотя бы тот факт, что послу Генеральных штатов в Швеции Юббо ван Бюрмания поручили прежде всего добиться возмещения ущерба за захваченные шведами голландские суда, а в случае успеха предложить шведскому королю союз, но на период уже *после* Северной войны. При таких условиях правительство Швеции, разумеется, ни на какие уступки голландцам в торговле не пошло. Страна отчаянно боролась за существование, казна была пуста, и о предоставлении щедрых коммерческих льгот иностранцам даже думать было нечего.

Провал голландской дипломатии после 1714 г. и в Швеции, и в России был связан, конечно, также с уменьшением международного престижа Республики после долгой войны за испанское наследство и не очень выгодного для голландцев Утрехтского мира. Было ясно, что после этого Гаага не захочет, да и не сможет принимать на себя какие-либо обязательства на международной арене. Страна стояла на пороге банкротства. Если бы дело обстояло иначе, если бы Республика, как это случалось на протяжении почти всего XVII века, по-прежнему готова была

без колебаний прибегать к вооруженному вмешательству для защиты своих интересов, то Швеция и Россия вели бы себя гораздо осмотрительнее, когда речь шла о чувствительных для голландцев вопросах.

По окончании Северной войны дипломатия Республики стремилась заключить и с русскими, и со шведами торговый договор. Ни в Петербурге, ни в Стокгольме из этого ничего не вышло. Причина проста: в обмен на возможные льготы для своих купцов Голландия не предложила ничего существенного. Так, англичане добились в Швеции благоприятных условий торговли, оказав шведам в 1719 г. на Балтике военное содействие. Эти выгодные условия для британских коммерсантов сохранились и после Ништадского мира. Тревога шведов за безопасность их страны была и после 1721 г. настолько велика, что их новым главным союзником стал ни кто иной как русский царь, который при этом сделал уступку былым противникам в вопросе о торговых пошлинах. Республика же в лице Рюмпфа только просила, а взамен ничего не предлагала. Как раньше с Петром, голландцы возложили все свои надежды на симпатии к их стране, которые питал шведский король Фредрик I. Но и здесь их ждало разочарование. Успеха можно было бы достичь, если бы Генеральные штаты в обмен на экономические выгоды пошли на политические уступки. Однако, как уже говорилось, это не вписывалось в новую стратегию Республики: как можно меньше идти на риск. В Петербурге резиденту Виллему де Вилде не удалось и приступить к серьезным переговорам. Голландские купцы в России предпочитали сами обсуждать свои дела с российскими властями. Это ясно показывало, что думали даже голландцы о вялой дипломатии собственного государства.

В целом политику Республики в отношении Швеции и России можно охарактеризовать словами «слишком мало и слишком поздно». Разочарования, вызванные в Голландии условиями Утрехтского мира, и опустевшая казна сбили правящие круги страны с курса, привели их в растерянность. Внутренние разногласия по поводу того, что делать в изменившейся международно-политической ситуации, довершили дело. Мог бы принести пользу какой-нибудь важный жест доброй воли, например, назначение в Петербург чрезвычайного посла. Это значило бы привлечь во внимание чувства царя Петра, который больше всего остального хотел, чтобы на Западе с ним всерьез считались. Однако по традиции Генеральные штаты направляли к русскому

самодержцу не посла, а дипломата низкого ранга и не готовы были пересматривать сложившуюся практику. Позднее же «Высокомочные» долго — дольше всех — тянули с признанием императорского титула Петра. Все это были крупные психологические просчеты, свидетельствовавшие о том, что в Гааге тогда еще не в полной мере осознали произошедшие на севере и востоке Европы перемены. Времена значительного влияния голландцев в этой части мира окончательно ушли в прошлое.

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВЫ

- Архив внешней политики Российской империи МИД РФ (АВПРИ), Москва
— фонд «Голландия»
- Российский Государственный архив древних актов (РГАДА), Москва
— фонд «Голландия»
— Кабинет Петра Великого
- Riksarkivet (Stockholm) (Государственный архив Швеции, Стокгольм)
— Diplomatica Hollandica (RSDH)
- Nationaal Archief ('s-Gravenhage) (NA) (Национальный архив, Гаага)
— Archief Anthonie Heinsius (AAH)
— Archief Isaac van Hoornbeek
— Archief Staten-Generaal (ASG)
— Collectie Gisbert Cuperus
— Liassen Moscovië
— Liassen Zweden
- Stadsarchief Amsterdam (SAA) (Городской архив Амстердама)
— Directie Oostersche Handel en Reederijen
— Missiven Gedeputeerden ter Dagvaart
- Regionaal Archief Leiden (RAL)
— Archief Gedeputeerden ter Dagvaart

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- Архив князя Ф.А. Куракина. Саратов, 1890–1902. Т. I–X.
- De briefwisseling van Anthonie Heinsius 1702–1720, o.l.v. A.J. Veenendaal. Deel XV–XIX. 's-Gravenhage, 1996, 1998–1999, 2001.

ЛИТЕРАТУРА

- Анисимов Е.В.* В поисках новой России: Петр в Голландии // Reflections on Russia in the Eighteenth Century. Köln; Weimar; Wien, 2001. P. 1–6.

- Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л., 1989.
- Вагеманс Э.* Царь в Республике. Второе путешествие Петра Велико-го в Нидерланды (1716–1717). СПб., 2013.
- Горбатенко С.* Новый Амстердам. Санкт-Петербург и архитектур-ные образы Нидерландов / New Amsterdam. St. Petersburg and Architectural Images of the Netherlands. СПб.; Гронинген, 2003.
- Гузевич Д., Гузевич И.* Первое европейское путешествие царя Петра. Аналитическая библиография за три столетия. 1697–2006. СПб., 2008.
- Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство. Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008.
- Дриссен Й.Й.* Голландцы и русские 1600–1917. Из истории отноше-ний между Россией и Голландией. Пер. с нидерл. Амстердам; Гаага, 1989.
- Дриссен Й.Й.* Царь Петр и его голландские друзья. Пер. с нидерл. СПб., 1996.
- Захаров В.Н.* Торговля западноевропейских купцов в России в кон-це XVII– первой четверти XVIII в. // Исторические записки. М., 1985. Т. 112. С. 177–214.
- Кулишер И.М.* История русской торговли и промышленности. Че-лябинск, 2003.
- Макаров Б.С.* Голландцы в России в первой половине XVIII века. СПб.; Гронинген, 2009.
- Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Великого, 4-е изд. М., 1991.
- Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 2010.
- Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984.
- Серов Д.О.* Заметки о жизни асессора Осипа Соловьева // Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century / Россия и Нидерлан-ды в XVIII веке, o.l.v. E. Waegemans. Groningen, 1998. P. 97–109.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. СПб., 1896. Т. III.
- Фейгина С.А.* Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959.
- Aalbers J.* De Republiek en het Balticum in het bijzonder tijdens de jaren 1719-1721, door N.N. Bantyš-Kamenskij // *Dittrich Z.R.* Oost-Europa in het Verleden. Groningen, 1987. P. 103–122.

- Aalbers J.* De Republiek en de vrede van Europa de buitenlandse politiek van de Republiek der Verenigde Nederlanden na de vrede van Utrecht (1713), voornamelijk gedurende de jaren 1720–1733. Groningen, 1980. Deel 1.
- Ahlström W.* Arvid Horn och Karl XII. Lund, 1958.
- Bengtsson F.G.* The Life of Charles XII, King of Sweden 1697–1718. Stockholm, 1960.
- Bittner L.* Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder seit dem Westfälischen Frieden, 1648–1818. Oldenburg, 1936–1965. Bd. 1–3.
- Bittner L., Gross L.* Repertorium der diplomatischen Vertreter aller Länder seit dem Westfälischen Frieden, 1648–1818. Berlin, 1936. Bd. 1. 1648–1715.
- Blanchard I.* Russia's Age of Silver. Precious-metal Production and Economic Growth in the Eighteenth Century. London; New York, 1989.
- Boonstra J.* De activiteiten van Russisch agent Johannes van den Burgh 1719–1725 [Scriptie Geschiedenis, Rijksuniversiteit Groningen]. Groningen, 1997.
- Bridge C.A.G.* History of the Russian Fleet during the Reign of Peter the Great. London, 1898.
- Bruijn J.R.* De admiraliteit van Amsterdam in rustige jaren, 1713–1751. Amsterdam; Haarlem, 1970.
- Bruin de G.* Geheimhouding en verraad. De geheimhouding van staatszaken ten tijde van de Republiek (1660–1750). 's-Gravenhage, 1991.
- Buck de P., Lindblad J.Th.* De Scheepvaart en handel uit de Oostzee op Amsterdam en de Republiek 1722–1780 // Tijdschrift voor Geschiedenis. Amsterdam, 1983. Jaargang 96. P. 236–262.
- Carlson E.* Geschichte Schwedens, Bd. VI. Geschichte Karls XII. bis zum Altranstädter Frieden 1706. Gotha, 1887.
- Carlson F.F.* Om Fredsunderhandlingarne, Åren 1709–1718: ett Bidrag till Carl XII:s Historia. Stockholm, 1857.
- Carlson S.* Svenska Historia. Stockholm; København; Heklsinki, 1961. Del 2.
- Carlsson A.B.* Den Svenska Centralförvaltningen 1521–1809. En historisk öfersikt. Stockholm, 1913.
- Croll E.* Het aandeel van de Republiek der Vereenigde Nederlanden in de Quadruple Alliantie van 1718 // Bijdragen voor Vaderlandsche Geschiedenis en Oudheidkunde. 5e reeks. Deel 1. 's-Gravenhage, 1913. P. 151–155.

- Cross A.* Peter the Great through British Eyes. Perceptions and Representations of the Tsar since 1698. Cambridge, 2000.
- Driessen J.J.* Russen en Nederlanders. Uit de geschiedenis van de betrekkingen tussen Nederland en Rusland 1600–1917. Amsterdam; 's-Gravenhage, 1989.
- Driessen J.J.* Tsaar Peter de Grote en zijn Amsterdamse vrienden. Utrecht, 1996.
- Franken M.A.M.* Coenraad van Beuningen's politieke en diplomatieke activiteiten in de jaren 1667–1684. Groningen, 1966.
- Gebhard J.F.* Het leven van Mr. Nicolaas Cornelisz. Witsen (1641–1717). T. I-II. Utrecht, 1881-1882.
- Geyl P.* Geschiedenis van de Nederlandse stam. Deel IV. 1701–1751. Amsterdam; Antwerpen, 1962.
- Grey I.* Peter the Great. Philadelphia, 1960.
- Haas de A.* Het rusteloze leven van Cornelis van der Gon, dichter en zeekapitein 1660–1731. Amsterdam, 2008.
- Haintz O.* König Karl XII. von Schweden. Berlin, 1958. Bd. 1.
- Hartley J.M.* Charles Whitworth. Diplomat in the Age of Peter the Great. Aldershot, 2002.
- Hatton R.* Charles XII of Sweden. London; Southampton, 1968.
- Hatton R.* Diplomatic Relations between Great Britain and the Dutch Republic, 1714–1721. London, 1950.
- Heeringa K.* Overzicht van de betrekkingen van Rusland tot Nederland tot aan het jaar 1800 // Bijdragen en Mededelingen van het Historisch Genootschap. Utrecht, 1930. P. 35–103.
- Heringa J.* De Eer en Hoogheid van de Staat: over de plaats der Verenigde Nederlanden in het diplomatieke leven van de zeventiende eeuw. Groningen, 1961.
- Hjärne E.* Från Vasatiden till Frihetstiden. Några drag ur den svenska konstitutionalismens historia. Stockholm, 1929.
- Hovinga V.* In dienst van de Republiek: het mislukte residentschap van Jacob de Bie (1711–1718) // Van de Vierpotige Leeuw en de Tweekoppige Adelaar. Studies over Nederlands-Russische relaties. Groningen, 2002. P. 29–31.
- Hughes L.* Peter the Great. A Biography. New Haven; London, 2003.
- Hughes L.* Russia in the Age of Peter the Great. New Haven; London, 1998.

- Israel J. Heinsius*, Dutch Raison d'État and the Reshaping of the Baltic and Eastern Europe // Anthonie Heinsius and the Dutch Republic 1688–1720. Politics, War, and Finance, ed. by J.A.F. de Jongste, A.J. Veenendaal. The Hague, 2002. P. 25–44.
- Kirby D.* Northern Europe in the Early Modern Period. The Baltic World 1492–1772. London; New York, 1990.
- Kloetstra A.A.* Christoffel Brants en de handel in contrabande op Rusland. De Nederlands-Russische betrekkingen 1693–1709 [Scriptie Geschiedenis, Rijksuniversiteit Groningen]. Groningen, 1993.
- Knoppers J.V.Th.* Dutch Trade with Russia from Peter I to Alexander I. Montreal, 1976. Vol. 1.
- Knoppers J.V.Th.* The Visits of Peter the Great to the United Provinces in 1697–98 and 1716–17 as Seen in Light of the Dutch Sources [Thesis Dep. of History, McGill University]. Montreal, 1969.
- Koningsbrugge van J.S.A.M.* Of Diplomats, Merchants, and Regents. Dutch-Baltic Relations in the Period 1697–1709 // Russians and Dutchmen. Proceedings of the Conference on the Relations between Russia and the Netherlands from the 16th to the 20th Century, held at the Rijksmuseum Amsterdam. June 1989. Groningen, 1993. P. 159–181.
- Koningsbrugge van J.S.A.M.* The Dutch Republic, Sweden and Russia, 1697–1708, and the secret activities of Cornelis Cruys and Johannus van den Burgh // Russia and the Low Countries in the Eighteenth Century / Россия и Нидерланды в XVIII веке, o.l.v. E. Waegemans. Groningen, 1998. P. 51–61.
- Koningsbrugge van J.S.A.M.* Der Niedergang des niederländischen Handel mit Russland und dem Baltikum in den Jahren 1710–1721 // Around Peter the Great. Three Centuries of Russian-Dutch Relations. Groningen, 1997. P. 86–91.
- Koningsbrugge van J.S.A.M.* Tussen Mars en Mercurius. De Republiek der Verenigde Nederlanden, Spanje en de Quadruple Alliantie (1716–1720) // Tussen twee culturen. De Nederlanden en de Iberische wereld 1550–1800. Nijmegen, 1988. P. 44–60.
- Koningsbrugge van J.S.A.M.* Tussen Rijswijk en Utrecht. De diplomatieke betrekkingen tussen Zweden en de Verenigde Nederlanden 1697–1713. Groningen, 1996.
- Krotov P.A.* Russische 'navigators' in Nederland tussen 1708 en 1715 // Tijdschrift voor Zeegechiedenis. Vol. 21. Amsterdam, 2001. Afl. 1. P. 15–23.
- Lenders P.* De Zuidelijke Nederlanden 1715–1740. Politieke Ontwikkeling // Algemene Geschiedenis der Nederlanden. Haarlem, 1980. Deel IX.

- Lindblad J.Th.* Sweden's Trade with the Dutch Republic, 1738–1795. Assen, 1982.
- Magnusson L.* Sveriges Ekonomiska Historia. Stockholm; Falun, 1998.
- Massie R.* Peter de Grote en het ontstaan van het moderne Rusland 1672–1725. Amsterdam; Brussel, 1986.
- Mitford N.* Frederik de Grote. Amsterdam, 1971.
- Murray J.J.* George I. The Baltic and the Whig Split. Chicago, 1969.
- Naphy W., Spicer A.* De Pest. De Zwarte Dood in Europa. Amsterdam, 2007.
- Nimwegen van O.* De Republiek der Verenigde Nederlanden als grote mogendheid. Buitenlandse politiek en oorlogvoering in de eerste helft van de achttiende eeuw en in het bijzonder tijdens de Oostenrijkse Successieoorlog 1740–1748. Amsterdam, 2002.
- Peters M.* De wijze koopman. Het wereldwijde onderzoek van Nicolaes Witsen (1641–1717), burgemeester en VOC-bewindhebber van Amsterdam. Amsterdam, 2010.
- Porta A.* Joan en Gerrit Corver. De politieke macht van Amsterdam (1702–1748). Amsterdam; Assen, 1975.
- Raptschinsky B.* Peter de Groote in Holland 1697–1698. Een historische schets. Zutphen [1925]
- Roberts M.* The Age of Liberty. Sweden 1719–1772. Cambridge, 1986.
- Römelingh J.* Een rondgang langs Zweedse archieven Een onderzoek naar archivalia inzake de betrekkingen tussen Nederland en Zweden 1520-1920. 's-Gravenhage, 1986.
- Rosén J.* Den Karolinska sekedt. Karl XI:s och Karl XII:s tid. Lund, 1963.
- Rosén J.* Den Svenska Utrikespolitikens Historia. Stockholm, 1952. Del II.
- Salvo di M.* F. Algarotti's project for an 'Histoire m?tallique de la Russie' // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. London, 2005. Vol. 33.
- Scheltema J.* Peter de Groote, Keizer van Rusland, in Holland en te Zaandam, in 1697 en 1717. Vol. I–II. Amsterdam, 1814; второе издание: Utrecht, 1842.
- Scheltema J.* Rusland en de Nederlanden beschouwd in derzelver wederkeerige betrekkingen. Vol. I–IV. Amsterdam, 1818.
- Schutte O.* Repertorium der buitenlandse vertegenwoordigers residentie in Nederland, 1584–1810. 's-Gravenhage, 1983.

- Schutte O.* Repertorium der Nederlandse vertegenwoordigers residerende in het buitenland, 1584–1810. 's-Gravenhage, 1976.
- Sörensson P.* Sverige och Frankrike 1715–1718. Ett bidrag till kännedomen om Sveriges utrikespolitik efter Carl XII:s återkomst från Turkiet. Lund, 1916. Vol. II.
- Steenvenisz C.* Het residentschap van Jacob de Bie: Diplomatieke betrekkingen tussen de Republiek en Rusland in een tijd van oorlog, 1711–1718 [Scriptie Geschiedenis, Rijksuniversiteit Groningen]. Groningen, 1993.
- Den Svenska Historien, ed. T.Nilsson e.a. Stockholm, 1984. Del VIII.
- Tengberg E.* Från Poltava till Bender. En Studie i Karl XII:s turkiska politik. Stockholm, 1953.
- Theyls W.* Mémoires pour servir à l'histoire de Charles XII, Roi de Suède. Leyde, 1722.
- Uhlenbeck C.C.* Verslag aangaande een onderzoek in de archieven van Rusland ten bate der Nederlandsche geschiedenis. 's-Gravenhage, 1891
- Veluwenkamp J.W.* Archangel. Nederlandse ondernemers in Rusland 1550–1785. Amsterdam, 2000.
- Waegemans E.* De tsaar van Groot Rusland in de Republiek. De tweede reis van Peter de Grote naar Nederland (1716–1717). Groningen; Antwerpen, 2013.
- Wagenaar J.* Vaderlandsche historie, vervattende de geschiedenissen der nu Vereenigde Nederlanden, inzonderheid die van Holland, van de vroegste tyden af. Uit de geloofwaardigste Schryvers en egte Gedenkstukken samengesteld. Amsterdam, 1795.
- Wahrenberg C.F.I.* Om Sveriges yttre Politiska förhållanden under de tre första åren af Konung Carl XII:s regering till freden i Traventhal. Stockholm, 1856.
- Wes M.A.* Tussen twee bronzen ruiters. Klassieken in Rusland, 1700–1855. Schoten, 1991.
- Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Bd. 1–2. Göttingen, 1964.
- Wladimiroff I.* De kaart van een verzwegen vriendschap. Nicolaes Witsen en Andrej Winius en de Nederlandse cartografie van Rusland. Groningen, 2008.
- Zuiden van D.S.* Bijdragen tot de kennis van Hollandsch-Russische relaties in de 16de-18de eeuw. Amsterdam, 1911.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август II Сильный**, курфюрст, король 16, 18, 51, 65
- Алексей Михайлович**, царь 198
- Алексей Петрович**, царевич 138–140, 198, 207, 220
- Альберони**, Дж., кардинал 169
- Анна I**, королева 38, 43
- Апраксин Ф.М.**, генерал-адмирал 121, 123, 125, 136
- Бальгери П.**, агент 158, 173, 175, 183, 185, 229
- Баркман С.**, комиссар 230
- Бернсторфф фон А.Г.**, министр 45, 50, 58
- Бёйс В.**, пенсионарий 63, 86, 90, 98, 104, 127, 148, 175, 188, 190, 233
- Би де Я.**, резидент 11, 28, 68, 105, 106, 116, 130–145, 148, 150–167, 187–193, 196, 202, 224, 241
- Бле дю Н.**, член регентского совета 63
- Блюментрост Л.Л.**, лейб-медик 141
- Брантс К.**, резидент 126, 174, 182, 184
- Брюс Я.В.**, сенатор 111
- Бурбон Филипп**, де, принц 13
- Бюлау фон**, барон 200, 202
- Бюрг ван ден Й.**, агент 39, 120–129, 151, 182, 184, 189
- Бюрмания ван Ю.**, посол 150, 151, 165, 167, 168, 171–173, 176, 193, 242
- Вассенар-Дёйвенворде ван А.**, посол 56–58, 61, 64, 69, 70
- Веллингк М.**, граф, генерал-губернатор 32
- Веселовский**, секретарь Адмиралтейства 141, 142
- Вет де Л.**, шаутбенахт 58, 76
- Вилде де В.**, резидент 11, 189, 97–205, 210–219, 224, 243
- Витворт Ч.**, посол 178, 181
- Витсен Н.**, бургомистр 16, 127, 208
- Волынский А.П.**, посланник 208, 209
- Гагарин М.П.**, князь, губернатор 208, 212
- Георг I**, курфюрст, король 43–45, 49, 50, 54–59, 61, 62, 70, 73 74, 78, 85, 87, 88, 94, 107, 111, 113, 160, 163, 194, 240
- Гёртц фон Г.Х.**, барон 10, 79, 80, 82, 86–89, 92–99, 103, 111, 114, 146, 147, 184, 227–229, 240
- Глебов С.Б.**, майор 139, 140
- Гови (Хови) Я.**, лейб-хирург 140, 141
- Голицын М.М.**, князь, генерал-аншеф 212, 222

- Головкин Г.И., граф, канцлер 20, 37, 125, 131, 197, 212
- Гослинга ван С., депутат 150
- Гус Р., посланник 80, 81, 90, 102, 103, 143, 171
- Дашков А.И., посланник 194
- Долгорукий А.Г., князь 212 222
- Дюссен ван дер Б., 64, 65
- Евдокия Фёдоровна**, царица 139
- Екатерина I, императрица 118, 119, 133, 209, 213, 220–223
- Зотов В.Н.**, губернатор 133
- Кадоген У.**, посол 69, 97, 108, 109, 170, 174
- Кампредон де Ж., посол 216
- Капс К.Л., лейтенант 136, 137
- Карл X, король 25
- Карл XII, король 9, 10, 13, 15, 16, 18, 19, 21–25, 27, 31, 33, 34, 38, 40, 43, 46–48, 52, 55, 57, 63, 65, 67, 68, 76, 78–80, 87, 89, 93, 95, 99, 100, 103, 111, 113, 145, 184, 225, 235, 238, 239
- Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский, герцог 145, 146, 235
- Картерет Дж., барон, посол 161–163
- Кикин А.В., управляющий Адмиралтейством 133
- Книпхаузен фон Ф., барон 96
- Кнопперс, Дж. 117
- Кольер Я., граф, посол 9, 21, 22, 47
- Корвер Г., бургомистр 16
- Корвер Й., бургомистр 29
- Коррон А. 189
- Кроньельм, граф 147, 154, 165, 166, 168
- Круасси де Л.-Ф.-А., граф, посол 65
- Крюйс (Крёйс) К.И., вице-адмирал 18, 120, 134, 223
- Куракин Б.И., князь, посол 28, 33, 36–38, 41–45, 50, 51, 56, 67, 70, 75, 80–82, 85, 95, 106, 117, 119, 122, 126, 128, 165, 174, 177, 182, 185, 187–192, 195, 196, 207, 211, 215, 223
- Лейбниц Г.В.** 60
- Лейенстед, сенатор 154, 232
- Лешинский Станислав, король 239
- Лиллиерот Н., барон, посол 18
- Лимбюрг ван А. 214
- Львов И.Б., князь 123
- Людовик XIV, король 13, 15, 52, 60, 63, 72, 80, 87, 100
- Людовик XV, король 60, 107
- Люпс Я. 133, 134, 137, 218
- Макаров А.В.**, кабинет-секретарь 124, 125, 212
- Мальборо, герцог 19, 52
- Матвеев А.А., посол 18, 121, 126
- Мейер Х. 218, 219
- Меншиков А.Д., князь 10, 116, 130, 132, 133, 136, 212, 213, 220, 222, 223
- Мир Махмуд, эмир, шах 209
- Монс А. 220

- Монс В., камергер 220, 221
 Морашов М. 124, 125
 Морвиль де Ш., граф, посол 109
- Нимвеген Олаф, фон** 7
- Норрис Дж., сэр, адмирал** 58, 70, 167, 173, 177, 194
- Ноттингем, граф** 44
- Олдекоп Х.** 129
- Остерман А.И., барон, граф, вице-канцлер** 43, 111, 129, 131–133, 136, 162, 215, 219
- Пальмквист Ю., барон, посланник** 23, 26, 27, 31–33, 37, 38, 41, 42, 45, 47, 54
- Петр I Великий, император** 7, 10, 20, 29, 38, 48, 49, 77, 78, 81, 92, 96, 105, 114–120, 124–126, 134–139, 175, 186–189, 192, 194, 195, 197–201, 205–224, 235, 241, 243
- Петр II, император** 222
- Плейер О.А., резидент** 143
- Прейс Й.Ф., секретарь миссии** 55, 68, 69, 75–80, 84, 86, 89, 90, 93, 95, 97, 99, 100, 102, 104, 119, 157–159, 164, 173–186, 196, 199, 200, 228
- Ранк К., генерал-майор** 81, 82, 85, 103, 104
- Риббинг П., граф** 154
- Римский-Корсаков Я.Н., вице-губернатор** 133
- Рюмпф Х., резидент, посланник** 90, 94, 102, 104, 114, 142, 143, 147, 148, 150, 151, 156, 160, 162, 166, 167, 176, 177–179, 190, 913, 205, 226–228, 230–234, 236, 240
- Рюмпф Ш., секретарь** 165
- Санде ван дер, секретарь миссии** 232
- Сандерленд Ч., граф, лорд** 179, 181
- Сведенборг Э.** 232
- Седерельм К.Г.** 225
- Слингеландт ван С.** 54, 178
- Соловьев О.А., агент** 124
- Страффорд Т.В., граф, посол** 25, 27, 31–33, 37, 40–42
- Стэнхоуп Дж.** 160
- Схелтинг морской офицер** 68
- Тахмасп II, шах** 209
- Тейлс В.** 22
- Тесинг Э.** 120
- Толстой П.А., граф** 220
- Ульрика Элеонора, королева** 41, 52, 145, 147, 149, 153, 157, 161, 162, 168, 171, 174, 181, 191
- Уолпол Г., посланник** 61, 63, 73
- Ушаков А.И., генерал-майор** 214
- Фагел Франсуа, секретарь** 54, 132, 169, 190, 199
- Фалькенгрэн, капитан** 175, 183
- Филипп V, король** 46
- Филипп Орлеанский, герцог, регент** 60, 63, 92, 96
- Фредрик (Фридрих) I, король** 7, 147, 152, 153, 160, 161, 166, 168, 171, 176, 179, 182, 225, 227, 231, 234, 235, 243

- Фридрих-Вильгельм I, король 55
- Харсолте ван Краненбург ван Й.**,
посланник
- Хасселар Г., член магистрата 150,
151, 164
- Хаттинга А., проповедник 215
- Хаутман А. 115
- Хейнсиус А., великий пенсиона-
рий 9, 15, 18, 23, 31–33, 37, 39–
42, 51, 53–59, 61, 62, 67–70, 73,
75, 79, 84–86, 93, 94, 98, 102,
108, 113, 121, 146, 148, 154, 158,
162–164, 167, 170, 174, 178, 181,
187, 190, 192
- Хоге ван, дер 51
- Хопффер 127
- Хорн А., граф, президент канце-
лярии 147, 151–154, 172, 226,
231, 233
- Хорнбейк ван И., великий пенсио-
нарий 178, 179, 181, 183, 227,
232
- Хофт Г., бургомистр 97
- Хюдде Й., бургомистр 16
- Шарников В.** 124
- Шатонёф де П.-А., маркиз, посол
33, 37, 40, 42, 54, 55, 72, 92, 96,
102
- Шафиров П.П., барон, вице-
канцлер 22, 23, 105, 106, 122,
125, 135, 136, 138, 140, 141, 189,
197, 212, 213
- Шереметев М.Б., граф 22, 23
- Юлленбург К.**, граф, посланник
87–89, 92, 11
- Юлленбург-мл. 85

Ханс ван Конингсбрюгге

ИСТОРИЯ ПОТЕРЯННОЙ ДРУЖБЫ

Отношения Голландии
со Швецией и Россией
в 1714–1725 гг.

Перевод с нидерландского языка
Владимира Ронина

Директор издательства
Е.Н. Кальщиков

Оформление, оригинал-макет
Татьяны Николаевой

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная

Печать офсетная. Печ.л. 16.

Тираж 500 экз.

Заказ №

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 15
E-mail: evrodom2006@list.ru

Отпечатано в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В.О., 12/28